Министерство образования и науки Астраханской области

Астраханский государственный архитектурно-строительный университет

СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 22 апреля 2026 г.

Электронное издание

© ГБОУ АО ВО «АГАСУ», 2026

ISBN 978-5-93026-278-0

Об издании**:** 1, 2

УДК 323:316.752
С54

Организационный комитет:
Министерство образования и науки Астраханской области
Астраханский государственный архитектурно-строительный университет

Редакционная коллегия:
С. П. Стрелков, Ю. В. Георгиевская, В. В. Гурылева

Сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества в условиях современных глобальных вызовов [Электронный ресурс]» : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (22 апреля 2026 г.) : электронное издание / под общ. ред. С. П. Стрелкова. – Электрон. текстовые данные (2,71 Мб). – Астрахань : Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, 2026. – 1 опт. диск (CD-R).

Сборник включает материалы докладов, представленных на секциях III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Рассмотрены актуальные проблемы, современные формы, подходы, технологии и перспективы сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей общества в условиях современных глобальных вызовов.

ISBN 978-5-93026-278-0

Минимальные системные требования
для воспроизведения электронного издания:
Процессор с тактовой частотой 1,5 ГГц и выше, Windows 7 SP1/8, 8.1/10, 1 ГБ ОЗУ, 380 МБ свободного пространства на жестком диске; программа для чтения файлов формата PDF, наличие CD\DVD-привода.

© ГБОУ АО ВО «АГАСУ», 2026

ДАЛЕЕ

СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием
22 апреля 2026 г.

Материалы публикуются в авторской редакции

Редактирование, техническая правка
С. С. Кострыкиной

Подписано к печати 05.06.2026.
Заказ № 4541. Тираж 200 экз. (первый завод – 10 экз.)

Записано на материальный носитель
в Астраханском государственном архитектурно-строительном университете
(Информационно-издательский центр)
414056, г. Астрахань, ул. Татищева,18
Тел./факс: (8512) 66-72-24; 66-72-26
E-mail: iic@aucu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО И ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Патриотическое воспитание с помощью создания добровольного пожарно-спасательного отряда в образовательных учреждениях
Г. Б. Абуова, Р. С. Попов, В. А. Кекеляева, Т. С. Федотов 9

Созидатели городского пространства: благотворительная и архитектурная деятельность купеческой династии Плотниковых
А. Ю. Арясова, Е. А. Ломтева 12

Формирование модели духовно-нравственного воспитания школьников
А. С. Белоусов 16

Люди и животные в мультипликационных фильмах: гуманистические ценности
П. А. Березина, А. А. Лютик, М. Ю. Шумяцкая 18

Образ социального государства в кинематографе
Д. П. Болонкина, Е. А. Михайлова 23

Роль образования в формировании духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения
Д. А. Герасимова, О. Р. Чугрина (научный руководитель) 26

Возможность использования исскуственного интеллекта в сохранении традиционных ценностей в многонациональных регионах (на примере Астраханской области)
А. Д. Голованова, А. М. Мурзагалиев, О. А. Моглова 31

Патриотическое воспитание молодежи: современные подходы и проблемы реализации
В. В. Задорожняя, Ж. С. Свиренко (научный руководитель) 34

К вопросу о сущности духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи
А. В. Каримов, Т. И. Пчельникова 37

Морально-нравственные нормы как основа формирования законодательного регулирования цифровой экономики
О. В. Кудрявцева, М. А. Кудрявцева 41

Патриотизм в межпоколенческом измерении: от служения к самореализации
Н. Е. Логинов, Р. Н. Назар 46

Цифровой империализм и духовно-нравственная идентичность народа
А. И. Лойко 50

Цифровой колониализм и идентичность народа
А. И. Лойко 53

Духовность в категориях исторического времени и исторического сознания
Л. Е. Лойко 56

Историческая память как важный аспект процесса воспитания
и преподавания гуманитарных и технических дисциплин
Е. И. Лунева, М. Н. Черкасова, М. А. Набоков 59

Гражданско-патриотическое воспитание молодого поколения
на вековых традициях Беларуси и России
Т. Ю. Мельникова, Ю. Г. Лях 62

Соотношение концептов «государственность», «государство» и «цивилизация»
в современной науке
М. А. Петров, Р. Н. Назар 68

Духовные корни:
как любовь к малой родине рождает любовь к большой стране
(из практики работы воскресной школы:
эффективные формы и методы патриотического воспитания)
И. М. Прокудина 73

Информационные технологии как инструмент сохранения и укрепления
традиционных духовно-нравственных ценностей
М. М. Рабаданов, Л. С. Кузякина, О. А. Моглова 78

Историческая память и ее значение
для гражданско-патриотического воспитания молодого поколения
Е. В. Рыжкова, Г. Б. Абуова 80

Функции науки в формате социоприродных противоречий:
ценности и антиценности
Е. А. Шишкина 83

ДНК-генеалогия Клесова против норманнской теории
К. Д. Яксубаев, А. Р. Ибляминова, А. В. Тюлюпова 88

Digital axiosphere in the era of global transformations
A. Yu. Aryasova, N. F. Baybulatov, Yu. A. Alyautdinova 92

Why is having more important for modern humans than being:
a continuation on E. Fromm's reflections
A. I. Loiko 95

СЕМЬЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Некоммерческий сектор как субъект укрепления духовно-нравственных основ российской семьи в эпоху глобальных вызовов
Р. М. Гергель 99

Цифровая эпоха и семейное воспитание:
как технологии меняют взаимодействие поколений
А. А. Наумова, К. А. Касимова 104

Отцовский стиль привязанности как предиктор игровой зависимости:
результаты пилотажного исследования на казахстанской выборке
А. М. Туребаев, Ю. С. Токатлыгиль 108

Образ отца в отечественных кинофильмах (по материалам контент-анализа)
Е. А. Штефан, Е. А. Генералова 113

ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ: ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ

Управление персоналом в условиях культурного многообразия
М. Ю. Генцер, О. Р. Чугрина 118

Возможность использования исскуственного интеллекта
в сохранении традиционных ценностей в многонациональных регионах
(на примере Астраханской области)
А. Д. Голованова, А. М. Мурзагалиев, О. А. Моглова 122

Межтюркское взаимодействие в Букеевской Орде: казахи, ногайцы и татары
Р. В. Ишмухамбетов, А. З. Давлекамова 126

Справедливость как традиционная ценность
в религиозной этике Б. Вышеславцева
Н. И. Мушинский 130

Межэтнические корни Астраханской области:
реконструкции обрядов и их роль в современном обществе
Г. Ю. Рехтин 135

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ, ТРАДИЦИИ, ИСТОРИИ НАРОДА. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

Роль языкового разнообразия и многонациональности
в социально-политической жизни страны
Б. Ю. Дьяченко, Р. Н. Назар 138

Забытые знаки препинания:
история и причины исчезновения знака иронии и сарказма
Б. Ю. Дьяченко, Ж. С. Свиренко 143

Язык как инструмент межкультурной коммуникации:
проблемы перевода и интерпретации
Б. Ю. Дьяченко, Ж. С. Свиренко (научный руководитель) 149

Косвенные номинации в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»
И. С. Ивлева, С. Б. Бадахова 153

Проблемы и перспективы развития образования
на родных языках в многонациональных регионах
В. В. Кравчук, А. З. Давлекамова 159

Особенности студенческого сленга в историческом контексте
И. А. Краснов, А. Д. Алимова, Р. А. Климентьев 165

Язык как инструмент сохранения культурной идентичности
и традиционных ценностей в условиях глобализации
К. В. Куликова, А. В. Камоликов, О. М. Шикульская 168

Пунктуационные нормы современного русского языка:
проблемы и перспективы
А. И. Лихвер, Ж. С. Свиренко (научный руководитель) 171

Англицизмы в современном русском языке: обзор литературы
и дискуссия о сохранении языковой идентичности
Н. Е. Логинов, Ж. С. Свиренко 174

Межкультурная коммуникация как область исследования:
обзор основных теорий и дискуссия о культурной идентичности
Н. Е. Логинов, Ж. С. Свиренко (научный руководитель) 178

Современная газета в городской медиасреде
С. А. Матвеева 182

Чем отличается речевой этикет в интернете и жизни
К. Д. Мыка, Н. А. Ковалева 186

Жаргонизмы и профессиональный сленг в современном русском языке
М. А. Петров, Ж. С. Свиренко 190

Лингвистическая безопасность в условиях языковой экспансии
М. А. Петров, Ж. С. Свиренко (научный руководитель) 194

Язык как способ сохранения национальной памяти
в рассказе И. С. Шмелева «Рождество в Москве»
О. Г. Талалаева, А. В. Лазарева 198

Язык православной традиции в прозе И. А. Бунина:
слово как хранитель русской культуры
О. Г. Талалаева, А. С. Семикина 202

Традиционные ценности в языковой картине мира:
вопросы межкультурной коммуникации
А. К. Телкова 207

Англицизмы и их роль в межкультурной коммуникации
И. В. Федорова, А. Д. Алимова 209

**ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ
КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ТРАДИЦИЙ НАРОДА**

Влияние чувства страха на режим сна и дневную активность
М. А. Антонова, Ю. О. Колганко 212

Влияние здорового образа жизни на работоспособность человека
Е. К. Васько, Е. С. Каталевская, А. М. Стрельников 215

Формирование духовно-нравственных ценностей
у студенток с избыточным весом,
посредством интегрированной программы коррекции
координационных навыков
И. А. Кузнецов, С. А. Голованов 220

Спорт в информационном пространстве (по материалам контент-анализа)
Ф. М. Сутаева, Э. Э.-О. Мусаев, Ю. А. Щапов 224

Возрождение этноспорта:
как народные игры сохраняют идентичность народа
В. А. Трусова, М. А. Антонова 228

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО И ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

УДК 378.184

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ С ПОМОЩЬЮ СОЗДАНИЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ПОЖАРНО-СПАСАТЕЛЬНОГО ОТРЯДА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Г. Б. Абуова, Р. С. Попов, В. А. Кекеляева, Т. С. Федотов
Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

В современном мире, где вызовы национальной безопасности становятся все более комплексными и многогранными, роль патриотического воспитания молодого поколения приобретает первостепенное значение. В этом контексте особое внимание заслуживают инициативы, направленные на формирование у студентов не только профессиональных навыков, но и глубокого чувства долга и любви к Отечеству. В статье рассматривается деятельность добровольного студенческого пожарно-спасательного отряда «Огнеборец», функционирующего в вузе.

Ключевые слова: *патриотическое воспитание, добровольный студенческий отряд.*

In today's world, where national security challenges are becoming increasingly complex and multifaceted, the role of patriotic education for the younger generation is of paramount importance. In this context, initiatives aimed at fostering not only professional skills but also a deep sense of duty and love for the Fatherland among students deserve special attention. This article examines the activities of the voluntary student fire and rescue squad "Ogneborets", operating at the university.

Keywords: *patriotic education, voluntary student team.*

Патриотическое воспитание в высшем образовательном учреждении – это комплекс целенаправленных мероприятий, направленных на формирование у студентов чувства любви к Родине, уважения к ее истории, культуре, традициям, а также на развитие гражданской ответственности, активной жизненной позиции и готовности служить интересам Отечества. Это не навязывание идеологии, а скорее создание условий для осознанного выбора студентом своей гражданской позиции, основанной на знании, понимании и принятии ценностей своей страны [1–4].

В Астраханском государственном архитектурно-строительном университете функционирует добровольный студенческий пожарно-спасательный отряд «Огнеборец» с 2012 года. Этот отряд не просто объединение студентов, желающих освоить азы пожарного дела. Это настоящая кузница кадров, где

наряду с профессиональной подготовкой активно ведется работа по патриотическому воспитанию молодого поколения.

С момента своего основания «Огнеборец» ставит перед собой амбициозные цели. Помимо обучения студентов основам пожарной безопасности, тактике тушения пожаров, оказанию первой помощи и действиям в чрезвычайных ситуациях, отряд уделяет особое внимание формированию у своих членов таких качеств, как:

- Патриотизм – глубокое понимание своей принадлежности к России, уважение к ее истории, культуре и традициям, готовность отстаивать ее интересы;
- гражданская ответственность – осознание своей роли в обществе, стремление к активному участию в жизни страны, готовность брать на себя ответственность за свои поступки;
- дисциплина и организованность – важнейшие качества для любого спасателя, которые формируются в условиях строгой дисциплины и четкого выполнения поставленных задач;
- коллективизм и взаимовыручка – в пожарно-спасательной деятельности успех зависит от слаженной работы команды, где каждый готов прийти на помощь товарищу;
- физическая выносливость и психологическая устойчивость – необходимые качества для работы в экстремальных условиях, которые развиваются благодаря регулярным тренировкам и специальной подготовке.

Особую роль в деятельности отряда «Огнеборец» играют студенты, обучающиеся по направлению «Пожарная безопасность». Эти молодые люди уже на начальном этапе своего профессионального пути получают уникальную возможность не только углубить знания и навыки, но и проявить себя в реальных условиях, участвуя в профилактических мероприятиях, учениях и даже в оказании помощи населению в случае необходимости.

Для студентов данного направления участие в отряде становится не просто дополнительной практикой, а настоящей школой жизни. Они учатся действовать в команде, принимать быстрые и взвешенные решения, преодолевать трудности и нести ответственность за жизни и здоровье людей. Эти навыки, закаленные в условиях пожарно-спасательной деятельности, становятся прочным фундаментом для их будущей профессиональной карьеры и, что немаловажно, становления как ответственных граждан своей страны.

В рамках патриотического воспитания в отряде «Огнеборец» реализуется комплекс мероприятий:

- экскурсии и встречи – регулярно проводятся экскурсии в пожарные части, музеи МЧС, встречи с ветеранами пожарной службы и спасателями, которые делятся опытом и рассказывают о героизме и самоотверженности людей, посвятивших свою жизнь служению Отечеству [5];

- участие в памятных мероприятиях – студенты отряда активно участвуют в городских и университетских мероприятиях, посвященных Дню Победы, Дню защитника Отечества и другим важным историческим датам;
- проведение профилактических бесед – члены отряда проводят беседы с учащимися школ и других учебных заведений, рассказывая о правилах пожарной безопасности и важности ответственного отношения к своей жизни и жизни окружающих [7];
- спортивные мероприятия и соревнования – регулярно проводятся спортивные соревнования и эстафеты, направленные на развитие физической силы, ловкости и командного духа, что также является важной составляющей патриотического воспитания;
- волонтерская деятельность – студенты отряда участвуют в различных волонтерских акциях, направленных на помощь нуждающимся, благоустройство территорий и поддержку социально значимых проектов, что формирует у них активную гражданскую позицию и чувство сопричастности к судьбе своей страны [6].

Таким образом, добровольный студенческий пожарно-спасательный отряд «Огнеборец» в Астраханском дарственном архитектурно-строительном университете является не просто площадкой для получения профессиональных навыков, но и мощным инструментом патриотического воспитания. Он формирует у студентов не только готовность к выполнению служебного долга, но и глубокое понимание своей роли в обеспечении национальной безопасности, прививает им чувство гражданственности, ответственности и любви к Родине. Это инвестиция в будущее, формирование поколения, способного не только защищать, но и созидать, внося свой вклад в процветание России.

Список литературы

1. Петрова А. С., Лазуткина Ю. С., Огнев И. В. Роль добровольческой деятельности в патриотическом воспитании студентов АЛТГТУ // Основные проблемы и направления воспитательной работы в современном вузе : материалы докладов Международной научно-практической конференции по воспитательной работе, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Барнаул, 27 ноября 2020 года. Барнаул : Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, 2020. С. 101–102.

2. Бухтояров Н. И., Шахова М. Н., Князева О. Н. Патриотическое воспитание в вузе как одно из приоритетных направлений формирования личности студента // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2020. № 2. С. 123–126.

3. Садовников Е. С., Каххоров Д. Г. Использование инновационных методов в патриотическом воспитании студентов высших учебных заведений в условиях современных геополитических вызовов // Проектирование. Опыт. Результат. 2024. № 4. С. 35–40.

4. Паравина М. Н., Мальчикова Н. К., Майорова О. Н., Немкова М. П. Патриотическое воспитание студентов в условиях современных реалий // Современная наука: актуальные вопросы теории и практики : материалы Международной научно-практической конференции,

Алатырь, 26 мая 2023 года. Чебоксары : Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2023. С. 59–66.

5. Огнеборцы АГАСУ продемонстрировали слаженность действий на Всероссийских командно-штабных учениях. URL: https://aracy.рф/news/13227-ognebortsy-agasu-prodemonstrirovali-slazhennost-dejstvij-na-vserossijskikh-komandno-shtabnykh-ucheniyakh.

6. Огнеборцы АГАСУ получили практический опыт тушения ландшафтных пожаров. URL: https://aracy.рф/news/13262-ognebortsy-agasu-poluchili-prakticheskij-opyt-tusheniya-landshaftnykh-pozharov.

7. Огнеборцы АГАСУ получили практический опыт в оказании первой помощи. URL: https://aracy.рф/news/13075-ognebortsy-agasu-poluchili-prakticheskij-opyt-v-okazanii-pervoj-pomoshchi.

УДК 9.908

СОЗИДАТЕЛИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА: БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И АРХИТЕКТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЕЧЕСКОЙ ДИНАСТИИ ПЛОТНИКОВЫХ

А. Ю. Арясова, Е. А. Ломтева
Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

История российского купечества дореволюционного периода раскрывается не только через экономические достижения, но и через уникальный феномен меценатства. Купеческие династии, в частности династия Плотниковых, накопившие значительные состояния, нередко направляли средства на развитие общественных пространств, храмовое зодчество, театральное дело и образование.

Ключевые слова: *благотворительность, меценатство, купеческая династия, семейные ценности, городское пространство.*

History of Russian merchants in the pre-revolutionary period is revealed not only through economic achievements but also through the unique phenomenon of patronage. Merchant dynasties, particularly the Plotnikov dynasty, which amassed significant fortunes, often channeled funds into the development of public spaces, church architecture, theater, and education.

Keywords: *charity, patronage, merchant dynasty, family values, urban space.*

Астрахань, издревле стоявшая на пересечении торговых путей, дала приют и добрую славу многим купеческим фамилиям, но династия Плотниковых выделяется даже на этом фоне. Масштаб их безвозмездной помощи городу, по оценкам краеведов, превышал 200 тысяч рублей – сумма, колоссальная для провинциального бюджета того времени.

Фамилия «Плотниковы» не случайна: документальные источники XVII века фиксируют, что предки династии занимались плотницким ремеслом. Постепенно, благодаря трудолюбию и смекалке, семья перешла от индивидуальных подрядов к крупным промыслам. К концу XVIII столетия Плотниковы уже

владели рыбными угодьями, гостиницами, доходными домами и, что принципиально важно для строительных проектов, собственным кирпичным заводом.

Первым официально зафиксированным купцом 1-й гильдии стал Иван Иванович Плотников. Однако настоящий расцвет семейного дела пришелся на время его сына – Николая Ивановича Плотникова. Этот предприниматель сочетал коммерческую хватку с искренней любовью к искусству, что в купеческой среде встречалось нечасто.

Плотниковы отличались глубокой верой. Уже в 1845 году при финансовом участии семьи в Астрахани освятили церковь Рождества Христова (к сожалению, не сохранившуюся до наших дней; она находилась неподалеку от парка «Аркадия»). Иконостас этого храма, вырезанный из мореного дуба мастерами Троице-Сергиевой лавры, оценивался современниками более чем в 25 тысяч рублей – исключительно дорогое убранство для провинциальной церкви. Строительство завершал уже Николай Иванович, исполнив волю отца. Общие затраты на этот проект превысили 80 тысяч рублей.

К началу XX века Плотниковы считались одними из самых щедрых жертвователей Астрахани. По сравнению с купцами Губиными, которые за период с 1880 по 1900 год перечислили на социальные нужды около 42 тысяч рублей, вклад Плотниковых выглядел значительно весомее. При этом семья никогда не стремилась к публичности, избегала громких газетных отчетов, предпочитая действовать скромно, но результативно.

Особого упоминания заслуживает Иван Николаевич Плотников, старший сын Николая Ивановича. Дважды избиравшийся городским головой (с 1894 по 1905 год и с 1912 по 1913 год), он руководил Астраханью дольше любого другого градоначальника дореволюционной эпохи. Свои полномочия он сложил добровольно, прислав телеграмму с просьбой не включать его в списки для голосования.

В бытность его управления городом произошли значимые изменения: запустили трамвайное движение, открылся окружной суд, была введена в строй электрическая станция, железная дорога соединила Астрахань с Саратовом. Кроме того, Иван Николаевич возглавлял комиссию по сооружению храма Святого равноапостольного князя Владимира, который изначально задумывался как памятник в честь 900-летия Крещения Руси.

В знак признания его заслуг Городская дума постановила поместить портрет Ивана Николаевича в зале заседаний и учредить две именные стипендии. Однако главным материальным свидетельством его деятельности остается усадьба на Биржевой улице (современная ул. Свердлова), построенная из кирпича собственного завода. Трехэтажный особняк с просторными залами, изразцовыми печами и каминами, а также двумя флигелями во дворе был завершен

в 1908 году. Сегодня в этом здании размещается Астраханская картинная галерея имени П. М. Догадина.

Ключевым проектом, связанным с именем Николая Ивановича Плотникова, стало строительство каменного зимнего театра. Идея родилась в 1877 году, когда купец объявил о готовности возвести на собственной земле, расположенной на Московской улице (сегодня ул. Советская), здание для публичных представлений. Проект поручили городскому архитектору Эрнесту Ивановичу Фольрату, академику архитектуры, ранее работавшему в Санкт-Петербурге. Плотников лично контролировал ход работ. Известно, что он останавливал утвержденный проект и запрашивал новый, более совершенный. Он также совершил поездку по городам России и Европы, чтобы впитать лучшие театральные решения. В народе даже ходили слухи, что купец передумал строить театр и переделывает его под баню или склад, однако 1 сентября 1883 года состоялось освящение, а на следующий день дали первое представление.

Зрительный зал был рассчитан на 800 мест и имел подковообразную форму с тремя ярусами балконов. Полы в ложах сделали асфальтовыми – по тем временам это было инновационно. Мебель в партере с чугунными опорами отлили на саратовском заводе Плотниковых. Отопление паровое, а освещение изначально планировалось электрическим, но полностью перейти на него удалось только спустя 20 лет. До сих пор в театре сохранились массивная люстра весом около тонны и кованые лестницы, составляющие подлинное украшение интерьера.

К сожалению, уже в 1896 году известный краевед А. Н. Штылько в книге «Иллюстрированная Астрахань» достаточно резко оценил внешний облик здания, назвав его «неуклюжим и некрасивым», хотя внутреннее убранство признал почти безукоризненным. Тем не менее театр стал центром культурной жизни города, а в ссылке его посещал Николай Гаврилович Чернышевский, о чем свидетельствует его переписка с женой.

Особняк, построенный Иваном Николаевичем, изначально задумывался как семейное гнездо. Но революция 1917 года круто изменила жизнь купечества. Уже в 1918 году часть помещений отдали под санитарный отдел, а в августе 1921 года в доме разместили картинную галерею. Самих Плотниковых переселили на чердак, где они выживали за счет подсобных работ – топили печи, убирали комнаты, подметали двор. В середине 1920-х годов Ивана Николаевича расстреляли во дворе собственного дома, остатки семьи бежали в Ленинград.

Здание, однако, не утратило своего культурного значения и ценности. В 1993 году постановлением главы администрации Астраханской области № 230 оно принято под государственную охрану как объект историко-культурного наследия.

Для того чтобы архитектурные памятники, связанные с династией, работали на привлечение гостей региона и способствовали патриотическому воспитанию астраханцев, предлагается реализовать следующий комплекс мер.

1) разработка специализированных маршрутов – целесообразно создать экскурсионную линию «Астрахань купеческая: наследие Плотниковых», включающую драматический театр, Картинную галерею (бывшая усадьба) и место утраченной церкви с установкой информационных стендов. Каждый объект следует снабдить QR-кодами, ведущими на архивные фотографии и исторические справки;

2) мультимедийное сопровождение – рекомендуется разработать мобильное приложение с аудиогидом, виртуальную 3D-реконструкцию утраченных зданий и серию коротких видеороликов о вкладе Плотниковых в развитие Астрахани для размещения в социальных сетях;

3) регулярные культурные события – ежегодный фестиваль «Плотниковские сезоны» в Астраханском драматическом театре, приуроченный к дате открытия (1 октября 1883 года), мог бы включать театрализованные реконструкции, выставки архивных афиш и костюмов, а также лекции краеведов;

4) музей купеческого меценатства – поскольку масштаб благотворительности Плотниковых был очень велик, логично создать в одном из флигелей усадьбы постоянную экспозицию, посвященную не только этой семье, но и другим астраханским предпринимателям-благотворителям.

Реализация перечисленных инициатив позволит превратить исторические здания из пассивных памятников в живые центры притяжения, повысить туристическую привлекательность региона и укрепить локальную идентичность.

История купеческой династии Плотниковых – яркий пример того, как частный капитал, направленный на общественное благо, способен создавать архитектурные шедевры, переживающие своих создателей на столетия. Несмотря на трагическую судьбу владельцев, построенные ими театр и усадьба продолжают служить городу. Обеспечение их сохранности и активное включение в туристический оборот – долг современного общества перед прошлым и будущим.

Список литературы

1. Таблица домов и улиц города Астрахани. Астрахань, 1884. 153 с.
2. Штылько А. Н. Иллюстрированная Астрахань, 1896.
3. Астраханские епархиальные ведомости. 1901. № 11. С. 455.
4. Астраханские епархиальные ведомости. 1904. № 20.
5. Астраханские епархиальные ведомости. 1901. № 21.
6. Астраханская область. О принятии на охрану государства объектов, представляющих историческую и культурную ценность : [постановление Главы Администрации Астраханской области № 230 от 27.12.1993] // Кодекс. URL: https://docs.cntd.ru/document/439049461?ysclid=mpcb745410704914680.

7. Статьи о строительстве Зимнего театра на средства Н. И. Плотникова // Астраханский справочный листок. 1880-е.

8. Материалы Петровского общества исследователей Астраханского края : протоколы заседаний. 1886.

9. Романова А. П., Якушенков С. Н., Баева Л. В. Личности Российского фронтира : словарь персоналий. Астрахань : Сорокин Роман Васильевич, 2016. С. 81–82.

10. Церковные ведомости. 1899. Вып. № 6.

11. Церковные ведомости. 1902. Вып. № 35.

12. Абросимов М. И. Это было давно: из истории Астраханского драматического театра. 1995. 171 с.

УДК 37.034

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

А. С. Белоусов

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
(г. Тамбов, Россия)

Рассматривается модель формирования духовно-нравственного воспитания школьников, изучены его задачи и формируемые качества у ребенка. Представлен положительный опыт реализации духовно-нравственного воспитания на примере Тамбовской области.

Ключевые слова*: духовно-нравственное воспитание, модель обучения, воспитание, духовность.*

The model of formation of spiritual and moral education of schoolchildren is considered. The tasks of spiritual and moral education and the qualities formed in a child are studied. The positive experience of the implementation of spiritual and moral education is presented on the example of the Tambov region.

Keywords*: spiritual and moral education, model of education, upbringing, spirituality.*

Неотъемлемой частью современного образования является духовно-нравственное воспитание школьников [1]. Процесс обучения направлен не только на формирование умений и навыков у обучающихся, но и на формирование целостной личности, готовой трудиться на благо Родины, которая чтит историю и культуру своей страны, гордится своей отчизной.

Система духовно-нравственного воспитания основывается на изучении общечеловеческих и национальных ценностей. Такая система формирует у ребенка общечеловеческие понятия в контексте национальной культуры: умение нести ответственность за свои поступки, проявлять эмпатию, определять «добро» и «зло», выстраивать поведение в социуме согласно общепринятым культурным нормам. Здесь следует провести отличие от уже общепринятого процесса обучения. Духовно-нравственное воспитание нацелено на внутренний мир обучающегося, формирование определенной ценностно-мотивационной сферы человека в контексте национальной культуры и достижения национальных целей.

Ключевыми задачами духовно-нравственного воспитания является формирование патриотизма, уважения к традициям, создание условий для самоопределения обучающихся и их социализации.

В основе становления личности лежат различные базовые ценности: семья, патриотизм, уважительное отношение к государству, труду, владение историей страны, осведомленность в области научных и культурных достижений государства, наличие духовных ценностей (вера). Так, духовно-нравственное воспитание закладывает в ребенке основы морали, патриотизма, гражданской ответственности.

В своей работе М. А. Дьячкова отмечает, что духовно-нравственное воспитание имеет двойственную природу [2]. С одной стороны, мы говорим о духовном образовании, с другой – о нравственном. Отсюда можно сделать вывод, что духовно-нравственное воспитание должно закладывать не только нормы морали и нравственности, но и быть неразрывно связано с религиозной сферой жизни человека. В контексте русской культуры следует говорить о взаимосвязи духовного образования и православия.

Следует отметить, что православие испокон веков является государственно образующей религией, именно благодаря ей наше государство на протяжении многих веков смогло противостоять врагам. Православие как раз и является тем самым ядром духовно-нравственного образования, которое закладывает в детях доброту, милосердие, сострадание, любовь к родине, духовность.

Тамбовская область как раз и является тем самым регионом, который уже давно активно реализует модель духовно-нравственного воспитания школьников. Тамбовская область богата своим духовным наследием, действуют десятки храмов и несколько монастырей, существует духовная семинария.

Модель духовно-нравственного воспитания строится на тесном взаимодействии руководства Русской православной церкви и администрации образовательных учреждений. Практически при каждом храме действует воскресная школа, которая охватывает обучающихся различных возрастных категорий. В школах с подрастающим поколением на постоянной основе проводятся духовно-просветительские беседы с представителями епархии (священниками). Организуются экскурсии в Тамбовскую духовную семинарию, где школьников знакомят с деятельностью духовной образовательной организации и ее коллекцией редких книг. Обучающиеся на протяжении всей школьной жизни регулярно участвуют в различных мероприятиях, которые формируют духовно-нравственные ценности школьника.

Таким образом, одной из ключевых частей современной системы образования является духовно-нравственное воспитание, которое представляет собой целостный процесс формирования личности школьника. Духовно-нравственное воспитание позволяет в детях сформировать такие качества, как любовь

к Родине, патриотизм, умение жертвовать собой ради других и т. д. Духовно-нравственное воспитание напрямую связано с религиозной сферой жизни человека. Именно поэтому православие как раз и является той основой для формирования личности ребенка.

Список литературы

1. Российская Федерация. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 : [принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года ; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года] // КонсультантПлюс. Ст. 2. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=mpchzylk1c702286823.

2. Дьячкова М. А. Духовно-нравственное воспитание как педагогическое явление // Педагогическое образование в России. 2008. № 2. С. 12–18.

УДК 316.613.42

ЛЮДИ И ЖИВОТНЫЕ В МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМАХ: ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

П. А. Березина, А. А. Лютик, М. Ю. Шумяцкая

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

(г. Москва, Россия)

В статье рассматривается специфика взаимоотношений человека и животного в мультипликационных фильмах как элемент трансляции гуманистических ценностей. Основной исследовательский метод – контент-анализ. Предметное поле исследования – образ главного героя популярных у современной зрительской аудитории советских, российских и зарубежных мультфильмов.

Ключевые слова: *мультипликационные фильмы, гуманистические ценности, главный герой, контент-анализ.*

The article examines the specifics of the relationship between humans and animals in animated films as an element of the translation of humanistic values. The main research method is content analysis. The subject field of the research is the image of the main character in Soviet, Russian and foreign cartoons popular with the modern audience.

Keywords: *animated films, humanistic values, main character, content analysis.*

Мультипликационные фильмы являются средством воздействия на сознание, формируя ценности и отражая реалии человеческого бытия. Особое место здесь занимают произведения, в которых сосуществуют люди и животные. На первый взгляд, это мир фантазии, в котором милые зверьки обретают человеческие черты, становятся спутниками или противниками человеческих героев. Однако при более глубоком рассмотрении такое соседство не просто художественный прием, а своего рода зеркало, в котором отражаются наши собственные представления о добре и зле, справедливости и сострадании, гуманистические устремления. Гуманизм – это человечность. Но не просто как данность, свойственная только человеку, но и опирающаяся на систему высоких (общечеловеческих)

ценностей: уважение, милосердие, терпимость к чужому мнению, свободу личности (в рамках закона и ответственности) и созидание [6, с. 58].

На протяжении многих веков мыслители размышляли о том, что такое человек, и животный мир мог становиться образцом, на основании которого происходило самоопределение человека. Человек самоопределялся относительно животного, а животное определялось в сравнении с человеком, тем самым устанавливались границы человеческого и животного по тем или иным критериям [7, с. 50]. Мы проанализируем, каким образом главные герои мультфильмов обращаются с представителями животного мира, и какие идеи о многообразии, заботе, солидарности и доброте к другим эти взаимодействия несут.

Было проведено эмпирическое исследование методом контент-анализа, который позволил выявить характер отношений между человеком и животным в мультипликационных фильмах. Объектами анализа стали 300 персонажей советской, российской и зарубежной мультипликации, выпущенной с 1937 по 2024 год [некоторые результаты см.: 2, 3]. Подбор анимационных фильмов был основан на рейтинге крупнейших кинематографических баз. Основываясь на данных проведенного анализа, отметим, что в мультфильмах для создания образа для подражания используют не только персонажей-людей, но и животных (рис. 1). Наблюдаемое близкое соотношение между персонажами-людьми и персонажами-животными отражает двойственную функцию мультипликации: с одной стороны, она призвана отражать реальность и помогать зрителям идентифицировать себя с героями, похожими на них (отсюда и популярность человеческих персонажей); с другой – предлагает возможность погрузиться в мир фантазий и приключений, где животные наделены человеческими характеристиками.

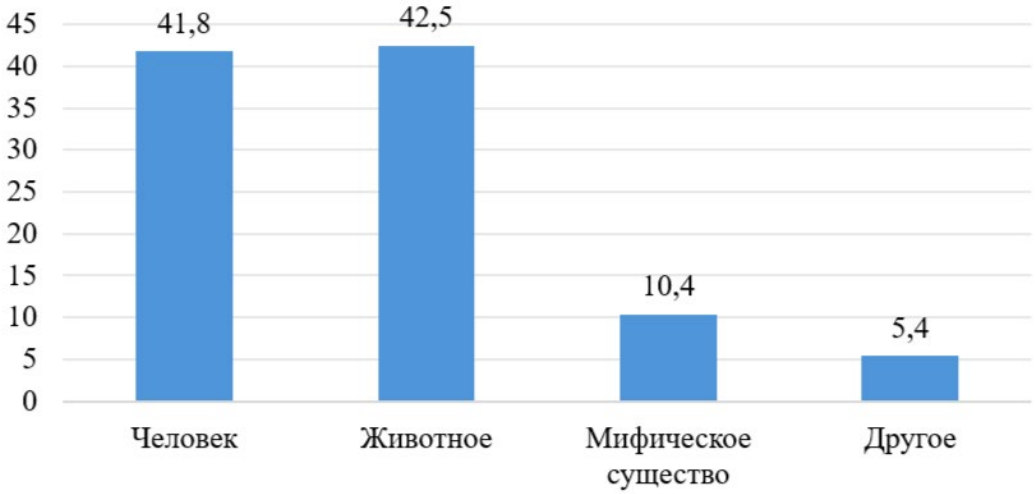

Рис. 1. Сущность персонажа (%)

Итак, зрителям проще идентифицировать себя с персонажами-людьми, понимать их эмоции и мотивы. Однако многие мультфильмы используют антропо-

морфизм, наделяя животных человеческими качествами. Если мультфильм показывает, что животные заслуживают уважения и защиты, это может способствовать развитию чувства ответственности за их благополучие [8, с. 244]. И наоборот, если животные изображаются как объекты для эксплуатации или развлечения, это может привести к формированию потребительского отношения к ним.

По данным контент-анализа можно сказать, что более половины (51,2 %) главных героев относятся к животным как к друзьям (рис. 2). Акцент здесь делается на позитивных взаимоотношениях, подчеркивается эмоциональная связь. Создается некий базис универсальных, общегуманитарных ценностей: дружба, здоровье, человечность, забота о природе, любовь к животным. Без этого базиса невозможно формирование, например, национальных ценностей [9, с. 8]. Значительная часть мультипликационных фильмов (19,1 %) демонстрирует агрессивное отношение к животным. Это может отражать реалистичное изображение мира, в котором не всегда присутствуют позитивные взаимоотношения. Заботливое отношение к животным занимает третью позицию (18,7 %), что является важной темой, которой, однако, уделяется меньше внимания, чем дружескому отношению. Гуманное отношение к животным и природе – это проблема современного гуманизма в целом, его этико-правовой основы [4, с. 102].

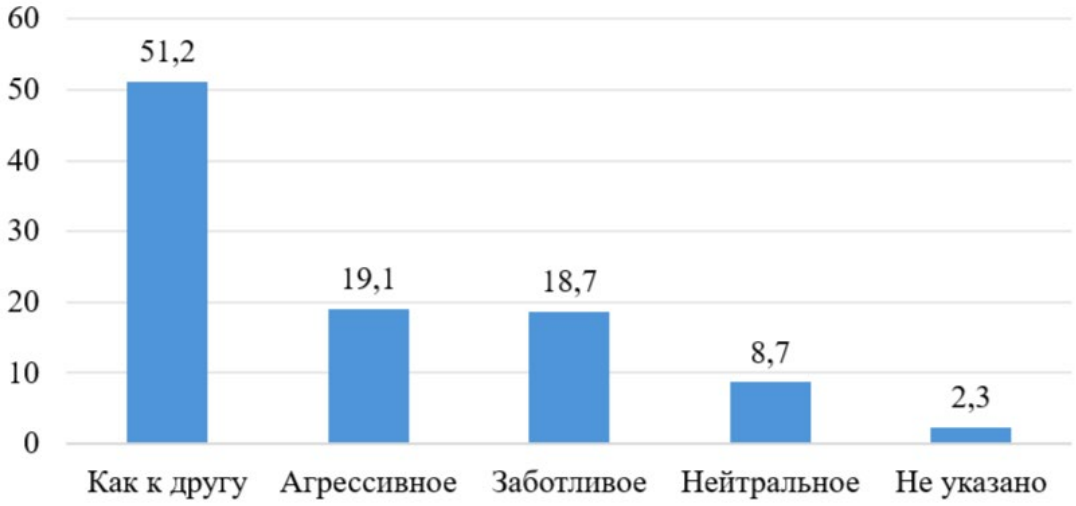

Рис. 2. Отношение персонажей к животным (%)

В рамках исследования была также построена таблица сопряженности, позволяющая сопоставить отношение персонажей к животным с годом создания мультфильма. Анализ непараметрических критериев показал, что выявленные различия являются статистически значимыми (хи-квадрат (**x^2**) = 17,666, df = 8, p = 0,024, V Крамера = 0,212, p=0,012). Следовательно, связь между годом производства и характером отношения к животным присутствует, однако она выражена умеренно и не может считаться сильной (табл.).

Во всех выделенных временных периодах чаще всего встречается отношение к животному как к другу. Это может свидетельствовать о том, что для мультипликации в целом характерно стремление показывать позитивные, доверительные и эмоционально значимые отношения. При этом доля заботливого отношения заметно уменьшается: с 28,9 % в мультфильмах 1930–1970-х годов до 10,8 % в период с 1971 по 1990 год, после чего снова возрастает в 1991–2024-х годах – до 19,8 %. Иная динамика наблюдается по агрессивному отношению к животным. Его доля увеличивается с 7,9 % в мультфильмах 1930–1970-х годов до 21,6 % в период с 1971 по 1990 год и остается достаточно высокой в 1991–2024-х годах – 20,3 %. Вероятно, это связано с тем, что более поздняя анимация чаще обращается к сложным и конфликтным ситуациям, показывая не только положительные, но и проблемные стороны человеческого поведения.

Таблица

Отношение персонажа к животным / год производства (%)

Варианты ответа		**Год**			**Всего**
		1930–1970	**1971–1990**	**1991–2024**	
Отношение к животным	заботливое	28,9	10,8	19,8	18,7
	как к другу	57,9	47,3	51,3	51,2
	агрессивное	7,9	21,6	20,3	19,1
	нейтральное	2,6	17,6	6,4	8,7
	не указано	2,6	2,7	2,1	2,3
Всего		100,0	100,0	100,0	100,0

Таким образом, взаимоотношения человека и животного в мультипликационных фильмах имеют не только сюжетное, но и ценностное значение. Через такие отношения раскрываются представления о дружбе, заботе, ответственности, сочувствии и уважении к другому. Независимо от периода создания мультфильма, животные часто выступают полноценными участниками действия, с помощью которых зритель воспринимает нравственную позицию героя.

При этом важно отметить, что отношения между животными и людьми не остаются неизменными. В одних мультипликационных фильмах преобладает идеализированная модель дружбы и взаимопомощи, в других проявляются более сложные и конфликтные формы взаимодействия. Наличие агрессивного или нейтрального отношения к животным не отменяет гуманистического содержания мультфильмов, а, напротив, позволяет показать разные стороны человеческого поведения. Через противопоставление заботы и равнодушия, доброты и жестокости, доверия и враждебности анимация делает нравственный выбор более наглядным.

Идея заботы о животных и по сей день остается актуальной в мультипликационных фильмах. Жизнь животных всегда была переплетена с человеческой, выступая в качестве источника культурных символов [5, с. 330]. В мультипликации эта связь проявляется особенно ярко: животное может быть другом, помощником или существом, нуждающимся в защите. Поэтому отношения «человек – животное» можно рассмотреть, как художественную модель отношения человека к тому, кто отличается от него. В этом смысле мультипликационные фильмы способны отражать социальные аспекты гуманизма, доверие между людьми и сходство в основных жизненных ценностях [1, с. 43]. Сюжеты, в которых герой проявляет заботу и уважение к непохожему на него существу, могут способствовать формированию более широкого гуманистического взгляда на мир. Анимация показывает, что человечность проявляется в конкретных поступках: способности дружить, помогать, защищать слабого и признавать значимость другого. Именно поэтому гармония между человеком и животным в мультипликационных фильмах рассматривается как одна из форм выражения гуманистических ценностей.

Список литературы

1. Дробижева Л. М. Межэтническое согласие в условиях новых вызовов // Социальные процессы современной России. 2020. Т. 1. С. 41–45.
2. Каргаполова Е. В., Березина П. А., Лютик А. А., Мишин М. С., Шумяцкая М. Ю. Детская мультипликация как средство формирования духовно-нравственных качеств личности // ЦИТИСЭ. 2025. № 2 (44). С. 715–728.
3. Каргаполова Е. В., Березина П. А., Лютик А. А., Мишин М. С., Шумяцкая М. Ю. Формирование ценностных ориентаций личности средствами мультипликации // ЦИТИСЭ. 2025. № 4 (46). С. 98–108.
4. Колесниченко М. Б., Корнилова К. А. Исследование отношения к животным в социологии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 100–112.
5. Копытин А. И. Отношения человека и животных в зеркале науки и искусства: постгуманистическая и экогуманитарная перспективы // На пути к экологической цивилизации: экогуманитарная теория и практика. Москва : Когито-Центр, 2023. С. 330–348.
6. Повилайтис А. В. Проблема развития идея гуманизма в истории: эволюция или итерация // Архонт. 2020. Т. 6, № 21. С. 58–64.
7. Ржавитина А. А. Образ животного в культуре: динамика представлений в истории философско-гуманитарного познания // Челябинский гуманитарий. 2022. № 2 (59). С. 48–55.
8. Тукаева И. И. Речевая репрезентация социотипических особенностей волка в русских народных сказках // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14, № 2-1. С. 244–249.
9. Национальная Медиа Группа, ЦСП «Платформа». Рейтинг детской анимации по ценностному воздействию. URL: https://pltf.ru/wp-content/uploads/2023/07/rejting_detskoj_animaczii_po_czennostnomu_vozdejstviyu_final.pdf.

УДК 316.334.3

ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КИНЕМАТОГРАФЕ

Д. П. Болонкина, Е. А. Михайлова
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
(г. Москва, Россия)

В последние десятилетия кинематограф стал важным инструментом формирования общественного мнения и отражения социальных реалий. Данная работа посвящена контент-анализу образа социального государства, представленного в зарубежных и российских фильмах. В исследовании рассматриваются ключевые аспекты, такие как социальная справедливость, доступ к образованию и здравоохранению, а также роль государства в обеспечении благосостояния граждан.

Ключевые слова: *социальное государство, контент-анализ, кинематограф, образ государства, социальная справедливость*.

In recent decades, cinema has become an important tool for shaping public opinion and reflecting social realities. This work is devoted to the content analysis of the image of the welfare state presented in foreign and Russian films. The study examines key aspects such as social justice, access to education and healthcare, as well as the role of the state in ensuring the well-being of citizens.

Keywords*: welfare state, content analysis, cinematography, image of the state, social justice*.

Кинематограф является мощным инструментом, способным отражать и формировать общественные представления о социальных реалиях [2, 4, 12, 14]. В последние десятилетия образ социального государства стал одной из ключевых тем, исследуемых как в зарубежных, так и в российских фильмах. Социальное государство, понимаемое как система, обеспечивающая гражданам доступ к основным социальным благам, таким как образование, здравоохранение и социальная защита, занимает важное место в общественном сознании и научном дискурсе [1, 3, 9, 10, 13].

Актуальность исследования образа социального государства в зарубежных и российских фильмах обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, в условиях глобальных изменений, связанных с экономическими кризисами, миграционными процессами и социальными протестами, вопросы социальной справедливости и роли государства в обеспечении благосостояния граждан становятся особенно актуальными [6–9, 11]. Кинематограф, как отражение общественных настроений и культурных ценностей, способен не только фиксировать эти изменения, но и влиять на формирование общественного мнения. Во-вторых, современный кинематограф предоставляет уникальную возможность для анализа различных подходов к концепции социального государства. Зарубежные фильмы часто представляют разнообразные модели социального обеспечения: от скандинавских стран с их высокоразвитыми системами социальной защиты до более либеральных подходов в других регионах. В то же время российское кино, начиная с постсоветского периода, демонстрирует

трансформацию представлений о государстве и его роли в жизни граждан, отражая как исторические, так и современные вызовы. В-третьих, контент-анализ фильмов позволяет выявить не только явные, но и скрытые символы и нарративы, которые формируют образы социального государства. Это может помочь понять, какие аспекты социальной политики становятся центральными в общественном дискурсе, а какие остаются на периферии внимания.

Основным методом эмпирического исследования выступил контент-анализ, который позволяет выявить смыслы и ценности, транслируемые СМИ [5]. Объектом исследования являются образы социального государства в зарубежных и отечественных художественных фильмах. Эмпирической базой стали двести художественных фильмов, выпущенных в прокат в 1990–2022-х годах. Доля российских фильмов существенно превышает долю иностранных – 78,9 % против 21,1 %. Такое превосходство может быть обусловлено разнообразием жанров, талантливыми режиссерами и актерским составом в отечественной киноиндустрии.

Большинство фильмов имеет возрастное ограничение 18+ – 42,2%. Это может говорить о том, что создатели предпочитают более свободный и интенсивный контент, который предназначен для взрослой аудитории. В свою очередь, доля фильмов с ограничением 16+ составляет 38,9 %, а 12+ – 18,9 %. Такое распределение возрастных категорий может быть обусловлено стремлением к более широкой аудитории.

Исходя из результатов, можно сделать вывод о том, что наиболее ярко в фильме выражена такая функция как регулирование социальных отношений – 70,1 %. Выделены также следующие функции: обеспечение прав граждан (49,4 %), доступ к образованию и здравоохранению (48,3 %), развитие инфраструктуры и общественных услуг (36,8 %), обеспечение жильем (35,6%) и защита окружающей среды (19,5 %). Такие результаты могут указывать на то, что основной акцент внимания направлен на социальные аспекты и роль государства в обеспечении социальной справедливости и безопасности.

По результатам анализа видно, что наибольшее внимание направлено на реализацию принципа социальной справедливости и солидарности (65,1 %), взаимной ответственности государства, общества и личности (51,2 %). Экономическая свобода и выравнивание доходов, хотя и получили заметную долю в 33,7 %, но менее популярны.

В большинстве (57,8 %) фильмов герои борются с причиной возникновения неравенства и социальной несправедливости путем обеспечения доступа к основным услугам и повышения уровня жизни для всех граждан. Стремление сократить разрыв между богатыми и бедными также демонстрируется в 53 %. Оказываются важными также борьба с дискриминацией (37,3 %), митинги (34,9 %), референдумы (27,7 %) и методы воздействия через СМИ (22,9 %).

Большинство (64,4 %) фильмов представляют образы утопического государства. Это может указывать на привлекательность изображения идеальных идеологических и социальных систем на экране. Однако в 35,6 % утопические государства в кино отсутствуют. Эти фильмы более реалистичные, лишенные идеализма и утопического образа общества.

Таким образом, исследование образа социального государства в кинофильмах имеет важное значение для понимания роли государства в жизни общества. Оно способствует более глубокому осмыслению социальных проблем и возможностей их решения. В художественных фильмах реализуются функции и принципы социального государства, герои борются за создание такого государства. Но при этом только в каждом третьем фильме социальное государство существует в контексте конкретных общественных реалий при существенном преобладании утопических образов.

Список литературы

1. Беляева Л. А. Социальное государство в современной России: ожидания и реальность // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 11–16.

2. Быстрова Е. В. Новые идеи и смыслы корейской молодежи и их отражение в современном кинематографе // Иностранные языки в современном мире : материалы Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2024. С. 751–754.

3. Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Современное социальное государство между «старым» и «новым» патернализмом: ловушки мотивации // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 7. С. 45–57.

4. Давыдова Ю. А., Каргаполова Е. В., Алексеева С. А., Шпаковская Е. С. Роль фильмов о Великой Отечественной войне в воспитании патриотизма современной российской молодежи // ЦИТИСЭ. 2021. № 3 (29). С. 24–34.

5. Каргаполова Е. В., Арясова А. Ю., Дулина Н. В. Система ценностных ориентаций в информационном пространстве региона (по материалам контент-анализа СМИ) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (56). С. 12.

6. Каргаполова Е. В., Дулина Н. В., Фомина Е. А. Социальная справедливость и личностный ресурс субъекта труда // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России : материалы V Международной научно-практической конференции (05–07 октября 2018 г.) / ред. колл. : В. И. Моросанова, Е. А. Фомина, Т. Н. Банщикова. Иваново: Научный мир, 2018. Ч. II: Симпозиум «Труд и его субъект в изменяющейся России». С. 83–90.

7. Каргаполова Е. В., Машковская А. Ю., Дулина Н. В. Справедливость в деятельности политических партий в оценке студенчества Юга России // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции, г. Вологда, 25 марта – 2 апреля 2019 г. Вологда : ВолНЦ РАН, 2019. С. 52–57.

8. Каргаполова Е. В., Томаева Д. Г., Колоскова А. А., Дулина Н. В. Справедливое общество в представлениях студенчества Юга России // Современные проблемы динамики культуры в социальной и культурной антропологии : материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Курск, 20 марта 2020 года / под ред. Е. А. Когай. Курск : Курский государственный университет, 2020. С. 87–93.

9. Лапин Н. И. Социальное государство как конституционный принцип России // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 5–10.

10. Люблинский В. В., Макушина Л. В Социальное государство: проблемы и приоритеты в цифросетевом обществе // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14, № 4. С. 108–122.

11. Горин Д. Г., Давыдова Ю. А., Каргаполова Е. В. и др. Справедливость в современном обществе: традиции, состояние, тенденции / под общ. ред. А. П. Кошкина, Е. В. Каргаполовой. М. : Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 2020. 272 с.

12. Халилов В. М. Голливуд и идеология ультралевых идей // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 9.

13. Шестакова Е. Е Современное социальное государство: патрон или помощник? // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2 (5). С. 104–117.

14. Шестерина А. М. Базовые человеческие ценности и иллюзии в контексте экранной культуры // Медиа в информационном обществе: эффекты, возможности, риски – 2023: сборник научных трудов : в 3 т. Саратов, 2023. С. 219–223.

УДК 73:17.022

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Д. А. Герасимова, О. Р. Чугрина (научный руководитель)

Донецкий институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Донецк, Россия)

В статье обоснована ключевая роль системы образования в формировании традиционных духовно-нравственных ценностей у подрастающего поколения в условиях современных вызовов. На примере средней школы № 4 городского округа Макеевка проанализированы практические механизмы реализации государственной политики в сфере духовно-нравственного воспитания. Выявлены педагогические условия эффективного формирования ценностных ориентаций обучающихся, включая интеграцию урочной и внеурочной деятельности, развитие системы дополнительного образования и укрепление взаимодействия с семьей. Особое внимание уделено роли педагога как носителя духовно-нравственных идеалов.

Ключевые слова: *духовно-нравственное воспитание, традиционные ценности, образовательная организация, личностное развитие.*

The article substantiates the key role of the education system in the formation of traditional spiritual and moral values among the younger generation in the context of modern challenges. Using the example of GBOU Secondary School № 4 of the Makeyevka city District, practical mechanisms for implementing state policy in the field of spiritual and moral education are analyzed. The pedagogical conditions for the effective formation of students' value orientations have been identified, including the integration of regular and extracurricular activities, the development of a system of additional education and the strengthening of interaction with the family. Special attention is paid to the role of the teacher as a bearer of spiritual and moral ideals.

Keywords: *spiritual and moral education, traditional values, educational organization, personal development.*

Современное российское общество переживает период кардинальных трансформаций, который характеризуется обострением глобальных вызовов, переоценкой ценностных приоритетов и поиском путей укрепления национальной идентичности. В сложившихся условиях особую актуальность приобретает проблема духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, которое все чаще сталкивается с размыванием моральных норм, негативным воздействием массовой культуры и утратой прочных связей с культурно-историческими традициями. Ввиду этого, именно образование как важнейший социальный институт призвано стать системообразующим фактором в становлении устойчивой системы традиционных духовно-нравственных ценностей у молодежи.

Государственная политика Российской Федерации определяет духовно-нравственное воспитание в качестве стратегического общенационального приоритета. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в которых закреплены такие фундаментальные ценности, как жизнь, достоинство, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, крепкая семья, созидательный труд, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, историческая память и единство народов России [1, п. 5]. Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ конкретизировано понятие «воспитание» как деятельности, направленной на развитие личности на основе социокультурных и духовно-нравственных ценностей [2, ст. 2]. В 2025 году Правительством РФ утвержден комплекс мер по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи до 2028 года, что свидетельствует о системном подходе государства к решению данной задачи [3].

Кроме того, обновленные федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) закрепляют личностное развитие учащихся как неотъемлемую часть образовательного процесса, включая гражданское, патриотическое, духовно-нравственное, эстетическое, физическое, трудовое и экологическое воспитание [4, п. 1]. Согласно требованиям ФГОС, рабочая программа воспитания должна быть направлена на развитие личности обучающихся и обеспечивать единство урочной и внеурочной деятельности [4, п. 32.3]. Вследствие этого, сформирована необходимая нормативно-правовая база, задающая ориентиры развития воспитательной работы в образовательных организациях.

Однако наличие нормативных документов не гарантирует достижения поставленных целей. Решающее значение приобретает практическая реализация государственной политики на уровне конкретных образовательных организаций, а также создание эффективной воспитательной среды, содействующей усвоению духовно-нравственных ценностей школьниками. В связи с этим показателен опыт средней школы № 4 городского округа Макеевка Донецкой

Народной Республики, где выстроена целостная система воспитательной работы, охватывающая все уровни общего образования.

Анализ рабочей программы воспитания школы на 2025–2026 учебный год позволяет выделить ключевые направления деятельности, обеспечивающие эффективное формирование духовно-нравственных ценностей у обучающихся. Программа разработана в соответствии с требованиями ФГОС и включает три основных раздела: целевой, содержательный и организационный, что обеспечивает системность и целостность воспитательного процесса [5, с. 2].

Целевой раздел программы определяет в качестве приоритетной задачи развитие высоконравственной личности, разделяющей традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины. Особое внимание уделяется формированию у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, старшему поколению.

Содержательный раздел программы раскрывает конкретные механизмы реализации поставленных целей через систему взаимосвязанных модулей: «Урочная деятельность», «Внеурочная деятельность», «Классное руководство», «Основные школьные дела», «Внешкольные мероприятия», «Взаимодействие с родителями», «Самоуправление», «Социальное партнерство», «Профориентация» и другие. Каждый модуль предусматривает специфические формы и методы работы, адаптированные к возрастным особенностям школьников [5, с. 10].

Одним из ключевых педагогических условий эффективного формирования духовно-нравственных ценностей является интеграция урочной и внеурочной деятельности. В средней школы № 4 городского округа Макеевка данное условие реализуется через систему курсов внеурочной деятельности («Разговоры о важном», «Функциональная грамотность» и др.), а также занятия патриотической, духовно-нравственной, познавательной, экологической, художественной и спортивной направленности. Особое значение имеет вовлечение обучающихся в активную проектную деятельность, предполагающую раскрытие духовно-нравственных ценностей, в том числе участие в конкурсах, актуализирующих приобретенные знания [5, с. 11].

Помимо этого, формирование духовно-нравственных ценностей не может быть ограничено рамками отдельных уроков или мероприятий – оно требует создания целостной духовной атмосферы в школе, которая содействовала бы духовному становлению личности ученика. В СШ № 4 такая атмосфера создается через систему традиционных общешкольных дел: торжественные линейки, смотр строя и песни, военно-спортивную игру «Отчизны верные сыны», праздники, приуроченные Дню матери, Дню защитника Отечества, Международному

женскому дню, а также через участие во всероссийских акциях «Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка», «Окна России» и других.

Не менее значимым условием выступает укрепление взаимодействия педагогов с семьей и родителями. Воспитательный потенциал семьи является первичным и весомым фактором формирования ценностных ориентаций ребенка. В рассматриваемой школе работа с родителями строится на принципах сотрудничества и партнерства. Программой предусмотрены тематические родительские собрания, индивидуальные консультации, деятельность родительского комитета, привлечение родителей к подготовке и проведению классных и общешкольных мероприятий, функционирование родительских интернет-сообществ, что содействует повышению нравственно-этической и психолого-педагогической культуры родителей.

Важнейшим субъектом образовательного процесса, от которого напрямую зависит успех духовно-нравственного воспитания, является педагог. Именно личность учителя, его ценностные установки, нравственная позиция и профессиональная компетентность служат ключевым фактором в процессе выработки правильных духовно-нравственных ориентиров у обучающихся. В школе № 4 особое внимание уделяется кадровому обеспечению воспитательного процесса, а именно: функционирует методическое объединение классных руководителей, работает педагог-психолог, социальный педагог, советник директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями.

Использование ресурсов социума также является значимым педагогическим условием. Взаимодействие с учреждениями культуры, спорта, общественными организациями расширяет воспитательное пространство школы и обогащает социальный опыт обучающихся. СШ № 4 активно сотрудничает с администрацией Кировского района, Макеевским художественно-краеведческим музеем, библиотекой, Городской дворец детского и юношеского творчества им. В. Г. Джарты, Донецким республиканским академическим молодежным театром, что позволяет организовывать экскурсии, тематические встречи, правовые уроки, концертные программы и другие мероприятия воспитательной направленности.

Следовательно, эффективное формирование традиционных духовно-нравственных ценностей у подрастающего поколения достигается при соблюдении комплекса взаимосвязанных условий. Активное, осознанное и социально значимое взаимодействие педагогов, детей и родителей играет ключевую роль в становлении у школьников традиционных российских духовно-нравственных ценностей, развитии детско-родительских отношений и укреплении семьи [6, с. 88].

Таким образом, в условиях современных вызовов, сопряженных с попытками разрушения традиционных ценностных ориентиров, именно система образования становится главным институтом, обеспечивающим сохранение и укрепление

духовно-нравственного фундамента российского общества. Опыт средней школы № 4 городского округа Макеевка демонстрирует, что системная и целенаправленная воспитательная работа способна противостоять деструктивным тенденциям и сформировать у подрастающего поколения устойчивую приверженность традиционным духовно-нравственным ценностям, что является необходимым условием обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны.

Список литературы

1. Российская Федерация. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/.

2. Российская Федерация. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : Федеральный закон № 304-ФЗ от 31.07.2020 : [принят Государственной Думой 22 июля 2020 года ; одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358792/.

3. Российская Федерация. Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года : распоряжение Правительства РФ № 2970-р от 23.10.2025 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455678/.

4. Российская Федерация. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования : приказ Минпросвещения России № 286 от 31.05.2021 : [принят Государственной Думой 3 декабря 2004 года ; одобрен Советом Федерации 8 декабря 2004 года] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388567/.

5. Рабочая программа воспитания ГБОУ «СШ № 4 г. о. Макеевка» на 2025–2026 учебный год // Официальный сайт ГБОУ «СШ № 4 г. о. Макеевка». URL: https://sh4-makeevka-r897.gosweb.gos-uslugi.ru/svedeniya-ob-obrazovatelnoy-organizatsii/doku-menty/dokumenty-all_231.html.

6. Кульберг А. С. Педагогические условия формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей у младших школьников // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 6 (141). С. 82–89. DOI: 10.20323/1813-145X-2024-6-141-82.

УДК 316.7:004.8

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИССКУСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОХРАНЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

А. Д. Голованова, А. М. Мурзагалиев, О. А. Моглова
Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

В статье обосновывается возможность применения технологий искусственного интеллекта для защиты традиционных духовно-нравственных ценностей и укрепления межэтнического согласия в полиэтничных регионах на примере Астраханской области. Предложена архитектура этноцифровой платформы, включающая мультиязычный анализ, компьютерное зрение и модуль культурной экспертизы для выявления деструктивного контента с учетом региональной специфики.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, традиционные духовно-нравственные ценности, межэтническое согласие, деструктивный контент, дипфейки.*

The article substantiates the possibility of using artificial intelligence technologies to protect traditional spiritual and moral values and strengthen interethnic harmony in multi-ethnic regions, using the Astrakhan region as an example. An architecture of an ethno-digital platform is proposed, which includes multilingual analysis, computer vision, and a cultural expertise module for detecting destructive content, taking into account regional specifics.

Keywords: *artificial intelligence, traditional spiritual and moral values, interethnic harmony, destructive content, deepfakes.*

В условиях современных глобальных вызовов, когда цифровая среда становится основным полем информационного противоборства, защита традиционных духовно-нравственных ценностей приобретает особую актуальность. Российская политика, закрепленная в Указе Президента № 809, определяет такие ценности, как единство народов России, историческая память, патриотизм и крепкая семья, в качестве основы национальной безопасности [1, 2]. Однако в полиэтничных регионах, где на одной территории веками сосуществуют десятки народов, эти ценности оказываются наиболее уязвимыми для информационных провокаций. Астраханская область является уникальной моделью «единства в многообразии». Здесь проживают представители более 150 национальностей, активно используются русский, казахский, татарский, калмыцкий и другие языки, а высокая плотность межэтнических контактов сочетается с приграничным положением на границе с Казахстаном. Именно в таких регионах информационные технологии могут оказать помощь в сохранении межнационального согласия.

Российская модель межэтнического согласия, в отличие от ассимиляции или мультикультурализма, базируется на принципе «единство в многообразии», который предполагает сохранение этнокультурной идентичности при общероссийской гражданской основе. Астраханская область идеально иллюстрирует эту модель. Однако именно плотность контактов и смешанное проживание создают почву для деструктивных информационных атак, которые могут использовать малейшие бытовые конфликты для раздувания межэтнической розни.

Наиболее опасными информационными угрозами являются разжигание межнациональной и межрелигиозной розни, причем не только в явной форме прямых призывов к насилию, но и в завуалированной, через эвфемизмы, мемы с двойным смыслом, иронические высказывания. Еще один тип угрозы – это фейки об истории и культуре народов, которые искажают совместное прошлое и обосновывают территориальные претензии, как это происходит, например, в спорах между Калмыкией и Астраханской областью. Все эти угрозы распространяются через социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и региональные паблики, которые пользуются высоким доверием местного населения. Для Астраханской области характерны специфические риски: провокации на линии русско-казахского приграничья, включая языковые рейды и призывы к «освобождению территорий», спекуляции на водных и земельных вопросах, а также использование этнических диаспор для дестабилизации, когда реальные межэтнические инциденты искажаются в социальных сетях и обрастают ложными подробностями.

Существующая в России система мониторинга эффективна для социально-экономических проблем, но недостаточна для выявления тонких форм деструктивного контента. Эти системы работают реактивно, не распознают эвфемизмы и подтекст, а главное – они моноязычны и не анализируют сообщения на других языках народов России (казахском, татарском или калмыцком). Именно здесь на помощь приходят технологии искусственного интеллекта (ИИ) [3].

Рассмотрим основные возможности ИИ для защиты традиционных ценностей [4]. Методы обработки естественного языка позволяют решать три ключевые задачи:

1) детекция токсичности и экстремистского контента с помощью моделей типа RuBERT и мультиязычного XLM-R, достигающих точности до 90 %;

2) распознавание эвфемизмов и подтекста, для чего должны создаваться региональные словари завуалированных оскорблений, а также использоваться алгоритмы анализа контекста, аналогичные системе AUTOFACTCHECK;

3) анализ эмоциональной окраски, позволяющий выявлять гнев, страх или отвращение как ранние индикаторы целенаправленной дестабилизации. Компьютерное зрение дополняет эти возможности. Российская система «Окулус» уже сегодня распознает запрещенную символику и сцены насилия,

обрабатывая до 200 тысяч изображений в сутки, а мультимодальные модели способны анализировать вредоносные мемы, сочетающие текст и картинку [5].

Особое значение имеет детекция дипфейков – видео, созданных с помощью генеративных нейросетей, которые могут фабриковать сцены межэтнических конфликтов с высокой степенью реалистичности. Наконец, анализ сетей с использованием графовых нейросетей позволяет выявлять бот-фермы и скоординированные кампании [6]. Для этой цели разработки федерального исследовательского центра Российской академии наук используют более тысячи метрик, анализируя эволюцию аккаунтов во времени и отличая живых пользователей от автоматизированных ботов. При этом мы должны отдавать себе отчет, что сами генеративные технологии искусственного интеллекта и рекомендательные алгоритмы могут непреднамеренно усиливать дезинформацию - боты на основе больших языковых моделей способны генерировать тысячи фейковых постов в минуту, а рекомендательные ленты социальных сетей, оптимизированные на вовлеченность, часто подталкивают пользователей к самому эмоционально заряженному, а значит, и деструктивному контенту. Противодействие этим рискам требует регулярного аудита алгоритмов и повышения цифровой грамотности населения.

Для Астраханской области может быть предложена следующая архитектура этноцифровой платформы. Платформа должна включать модуль сбора данных из открытых социальных сетей, региональных пабликов и жалоб граждан. Ядро системы – мультиязычный NLP-модуль, поддерживающий русский, казахский, татарский и калмыцкий языки. Этот модуль должен выполнять детекцию токсичности, распознавание эвфемизмов и анализ эмоций. Дополнительно платформа должна оснащаться модулем компьютерного зрения для выявления дипфейков и запрещенной символики. Критически важным элементом является модуль культурной экспертизы, где этнологи, лингвисты и лидеры национально-культурных автономий верифицируют спорные случаи, размечают обучающие данные для дообучения моделей и обновляют словари эвфемизмов. Результаты должны выводиться на панель визуализации для оперативных служб и органов власти, которая включает карту угроз по муниципальным образованиям, систему раннего предупреждения, отправляющую оповещения при обнаружении скоординированной атаки.

Искусственный интеллект не является панацеей, но он может стать эффективным инструментом поддержки принятия решений в сфере национальной политики. Предложенная платформа, ориентированная на многоязычие и культурную специфику Астраханской области, может быть тиражирована на другие полиэтничные регионы Южного и Приволжского федеральных округов. Ключевые условия успеха – это интеграция с существующими системами мониторинга, участие этнологов в разметке данных, соблюдение этических норм

с обязательным человеческим контролем и, конечно, повышение цифровой грамотности населения, чтобы граждане сами могли отличать дипфейк от реальности. Только сочетая технологические решения с живым участием экспертов и общественности, можно сохранить то единство в многообразии, которое веками составляло силу России.

Список литературы

1. Российская Федерация. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 // Гарант. URL: https://base.garant.ru/405679061/.

2. Российская Федерация. О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : Указ Президента РФ № 858 от 25.11.2025 // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413034563/?ysclid=mpdld9o1dz662505360.

3. Российская Федерация. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента РФ № 344 от 29.05.2020 // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/?ysclid=mpdli1a912138727697.

4. Нефедонова Ю., Аникина М. Исследование по применению нейросети BERT для выявления признаков социального конфликта в медиаконтенте // Противодействие идеологии терроризма в медиасреде : круглый стол. М. : Минцифры РФ, 2025.

5. Окулус : главный радиочастотный центр // Роскомнадзор.

6. Samoilenko S. A., Suvorova I. Artificial intelligence and deepfakes in strategic deception campaigns: The US and Russian experiences // The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security. Cham : Springer, 2023. P. 507–529. DOI: 10.1007/978-3-031-22552-9_19.

УДК 37.035.6

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В. В. Задорожняя, Ж. С. Свиренко (научный руководитель)

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (г. Макеевка, Россия)

Рассматривается патриотическое воспитание молодежи в условиях современных социальных и культурных изменений. Усиление влияния цифровой среды, глобализация и трансформация ценностных ориентиров приводят к необходимости переосмысления традиционных подходов к воспитательной работе. Патриотизм представлен как сложное явление, включающее не только эмоциональную привязанность к стране, но и осознанную гражданскую позицию, выражающуюся в готовности участвовать в общественной жизни и нести ответственность за ее развитие.

Ключевые слова: *патриотизм, молодежь, гражданская идентичность, воспитание, ценности, образование, социальные институты, цифровая среда, глобализация.*

The article examines the patriotic education of youth in the context of contemporary social and cultural changes. The increasing influence of the digital environment, globalisation, and the transformation of value orientations necessitate a re-evaluation of traditional approaches to educational work. Patriotism is presented as a complex phenomenon that encompasses not only an emotional attachment to one's country but also a conscious civic stance, manifested in the willingness to participate in public life and take responsibility for its development.

Keywords*: patriotism, youth, civic identity, education, values, education, social institutions, digital environment, globalisation.*

Патриотическое воспитание молодежи в современных условиях приобретает особую значимость, поскольку происходит активное изменение ценностных ориентиров под влиянием глобализации и цифровизации [4]. Молодежь оказывается включенной в широкий информационный поток, где наряду с достоверными сведениями распространяются противоречивые и искаженные интерпретации исторических и культурных фактов.

В этих условиях патриотизм рассматривается как многослойное явление, включающее эмоциональную привязанность к Родине, уважение к ее истории и культуре, а также осознанную гражданскую позицию. Он проявляется через готовность участвовать в общественной жизни, поддерживать социально значимые инициативы и нести ответственность за происходящее в стране [3].

Патриотическое воспитание выступает как механизм формирования устойчивой гражданской идентичности. Его значимость определяется необходимостью сохранения преемственности ценностей между поколениями, а также укрепления социальной сплоченности в обществе, находящемся в условиях постоянных изменений.

Современные подходы к патриотическому воспитанию молодежи отличаются разнообразием форм и методов, что связано с изменением образовательной и информационной среды. Традиционные способы, основанные на изучении истории, государственной символики и культурного наследия, продолжают сохранять значение, однако их эффективность в чистом виде оказывается ограниченной [2].

Основной проблемой патриотического воспитания является несоответствие между масштабом охвата и глубиной усвоения ценностей. При формально высоких показателях участия молодежи значительная часть мероприятий не приводит к устойчивому изменению установок и поведения [3]. Существенное влияние оказывает цифровая среда: по данным социологических опросов, более 70 % молодежи получают информацию о стране и истории из интернета, где отсутствует единый источник и часто представлены противоречивые трактовки событий. Это снижает стабильность ценностных ориентиров [4].

Дополнительным ограничением выступает неравномерность регионального развития. В крупных городах уровень вовлеченности в патриотические проекты заметно выше за счет развитой инфраструктуры, тогда как в малых населенных пунктах доступ к подобным программам ограничен [5]. Система

патриотического воспитания опирается на взаимодействие нескольких ключевых социальных институтов, каждый из которых выполняет свою функцию [1].

Образовательные организации охватывают основную часть молодежи: более 90 % школьников и студентов включены в различные формы гражданско-патриотического воспитания через учебные программы, внеурочную деятельность и специальные проекты. Основной акцент делается на изучении истории, государственной символики и общественных норм [2].

Семья сохраняет статус первичного института социализации, однако ее влияние постепенно ослабевает. По данным социологических исследований, около 40 % подростков отмечают, что обсуждение общественно значимых тем в семье происходит редко или отсутствует [4].

Важным направлением остается расширение практического участия молодежи в общественной жизни. Все большее значение приобретают волонтерская деятельность, социальные проекты и инициативы, в рамках которых формируется личная ответственность и опыт участия в коллективной деятельности [1].

Наблюдается также переход от единых универсальных программ к более гибким форматам воспитания. Они учитывают особенности различных групп молодежи, условия региона и уровень социальной активности, что позволяет повысить эффективность формирования гражданской позиции [2]. Патриотическое воспитание молодежи представляет собой комплексный процесс, включающий взаимодействие образовательной системы, семьи, общественных организаций и цифровой среды. В современных условиях его содержание постепенно смещается от исключительно теоретической передачи знаний к практико-ориентированным и цифровым формам работы [1].

Проведенный анализ показывает, что ключевым фактором эффективности является не количество проводимых мероприятий, а степень их реального воздействия на ценностные установки молодежи. При формально высоком уровне вовлеченности сохраняется проблема поверхностного усвоения патриотических ценностей [3]. Отдельное значение имеет влияние цифровой среды, которая одновременно расширяет возможности воспитательного процесса и создает риск формирования противоречивых представлений о социальной и исторической действительности [4]. В связи с этим возрастает роль согласованной работы всех социальных институтов. В итоге развитие системы патриотического воспитания связано с необходимостью повышения его содержательной глубины, усиления практической направленности и адаптации к современным информационным условиям [2].

Список литературы

1. Агапова И. С. Патриотическое воспитание в школе. М. : Айрис-пресс, 2002. 224 с.
2. Видякин А. Военно-патриотическое воспитание в школе. М. : Учитель, 2021. 858 с.

3. О современном российском патриотизме // Всероссийский центр изучения общественного мнения.. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme?ysclid=mpdm4cpjkh454881181.

4. Иванов П. К. Молодежь и ценностные ориентиры общества. Казань : Казанский университет, 2018. 173 с.

5. Молодежная политика в Российской Федерации // Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). URL: https://fadm.gov.ru/?ysclid=mpdm6xc7e4218765665.

УДК 37.01

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. В. Каримов, Т. И. Пчельникова

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
(г. Тамбов, Россия)

В статье рассматриваются теоретические основы формирования процесса духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи в современных условиях. Отмечается важность усвоения студентами духовно-нравственной культуры. Она рассматривается как важнейший компонент мировоззрения будущего специалиста и неотъемлемое условие его профессионального развития. Выявлены основные задачи духовно-нравственного воспитания студентов.

Ключевые слова*: высшее образование, духовно-нравственное воспитание студенческой молодежи, духовно-нравственная культура, духовная жизнь общества, духовность, нравственность, преподаватель, процесс воспитания, студент.*

The article discusses the theoretical foundations of the formation of the process of spiritual and moral education of students in modern conditions. The importance of students' assimilation of spiritual and moral culture is noted. Spiritual and moral culture is considered as the most important component of the future specialist's worldview and an essential condition for his professional development. The main tasks of spiritual and moral education of students are revealed.

Keywords: *higher education, spiritual and moral education of students, spiritual and moral culture, spiritual life of society, spirituality, morality, teacher, education process, student.*

Понятие «духовно-нравственное воспитание» сейчас все чаще фигурирует не только в общественно-политических дискуссиях, но и становится предметом научного исследования. Для проведения конкретных исследований требуется прежде всего уточнить содержания данной категории. В онтологии мы встречаемся со множеством различных трактовок духовности, что не дает нам возможности однозначного ее определения. В отечественной философско-педагогической традиции (С. Л. Франк) духовность рассматривается как способность личности к самосовершенствованию, ориентации на высшие ценности, пониманию смысла жизни, регулируемого внутренними моральными законами [1]. Нравственность, в свою очередь, предполагает способность личности следовать моральным нормам и совершать этические действия.

Онтология высших ценностей может основываться на разных мировоззренческих позициях. Поэтому обычно в науке, чтобы не углубляться в метафизику, общепринятым является рассмотрение духовности в контексте социальной реальности, общественной жизни человека. В этом случае духовная жизнь общества традиционно противопоставляется его материальной основе, а духовность всего социума проявляет себя в духовном мире каждого индивида, который, в свою очередь, формирует общественное сознание.

Духовный мир человека является сложной системой, элементами которой выступают: духовные потребности; совокупность знания об окружающем мире и самом человеке; установки и принципы деятельности, определяющие базовые характеристики активности людей; оценка как требующих или не требующих доказательств, принятых на веру допущений о строении окружающего мира и законах, им управляющих; возможность социального поведения людей; чувственно-эмоциональный мир личности; рационально-целевой компонент, связанный с планированием деятельности; система ценностей и идеалов.

При рассмотрении духовного мира человека особое значение отводится духовно-нравственному воспитанию личности, формированию высокоморального облика современного человека [2]. В процессе интериоризации норм духовности и нравственности созидается базис духовно-нравственной культуры личности [3]. Формируемая в процессе воспитания духовно-нравственная культура является важнейшим компонентом профессионального мировоззрения будущего специалиста и непременным условием его дальнейшего роста.

Современное общество характеризуется высокой динамичностью социальных процессов, цифровизацией, изменением традиционных форм коммуникации и мировоззренческих ориентиров. Система высшего образования сейчас претерпевает значительные изменения, связанные с усилением социально-профессиональных требований к личности будущего специалиста, усложнением образовательной среды и ценностной неопределенностью, характерной для постиндустриального общества.

В условиях цифровизации, роста информационных потоков и изменения моделей коммуникации, а также повышения уровня ценностной неопределенности особую значимость приобретает духовно-нравственное воспитание. Ведь оно является основой формирования зрелой, ответственной, гуманистически ориентированной личности.

Усвоение главных духовно-нравственных принципов и норм выступает основой внутренней культуры, этической зрелости и профессиональной идентичности будущего специалиста. Большое значение в системе духовного развития личности студента имеют и профессиональные нормы, а также формы культуры, связанные с конкретными знаниями и ценностями, например, экологическая культура [4].

Важную роль в процессе духовно-нравственного воспитания студентов играют вузовские преподаватели, поскольку педагог высшей школы выполняет не только функцию информирования, передачи профессиональных знаний, но и выступает представителем эталонной культуры, носителем гуманистических ценностей, профессиональной этики. Его духовно-нравственное развитие прямо и непосредственно влияет на качество образовательного процесса, атмосферу взаимодействия и профессиональное становление студентов [5].

Актуальность изучения процесса духовно-нравственного воспитания обусловлена тем, что студенческая молодежь представляет собой социальную группу, находящуюся на этапе становления мировоззрения, жизненных установок и нравственных ориентиров. Именно этот период наиболее чувствителен к внешним влияниям и характеризуется интенсивным личностным ростом и социализацией. Вуз как особая образовательная среда обладает значительным потенциалом для формирования наиважнейших нравственных качеств личности: ценностей гуманизма, гражданской ответственности, профессиональной этики, культуры общения и эмоционально-волевой зрелости. Следовательно, в современных условиях требуется на новом уровне рассмотреть содержание, структуру, способы реализации и базовые ценности духовно-нравственного воспитания студентов в системе высшего образования [6].

Исследователи должны на новейшей теоретической основе уточнить понятийный аппарат и выявить структуру духовно-нравственного воспитания; обосновать главнейшие методологические принципы и новые концептуальные подходы к духовно-моральному развитию студенческой молодежи; раскрыть содержание и основные направления духовно-нравственного воспитания; выделить фундаментальные педагогические условия, способствующие реализации совершенствования духовно-нравственных качеств человека. Необходимо прежде всего раскрыть теоретико-понятийные основы духовно-нравственного воспитания, что связано с выявлением сущности этого процесса.

В отечественной педагогической теории духовно-нравственное воспитание традиционно рассматривается как фундамент развития человека, способного к моральной рефлексии, созидательной деятельности и социально значимому поведению. В целом понятие «духовно-нравственное воспитание» в современной науке трактуется как педагогически организованный процесс, направленный на развитие личностью системы ценностей, мотивов, морали, социальных норм и способности к моральному поведению. Часто в научной педагогической литературе духовно-нравственное воспитание определяется как целостный процесс формирования ценностных ориентаций, морального сознания, духовных установок и этических качеств, обеспечивающих гармоничное развитие личности и ее поведение в соответствии с нравственными нормами.

Духовно-нравственные качества студента, которые необходимо сформировать, включают развитое чувство ответственности, гуманизм, эмпатию, альтруизм, гражданственность, культуру общения и профессиональной этики. Применительно к студенту процесс духовно-нравственного воспитания включает: развитие высокой духовной культуры; становление морально-этических норм профессиональной деятельности; формирование внутреннего нравственного закона, совести и ответственности перед обществом; способность быть носителем культурных традиций и гуманистических ценностей; готовность к самоанализу, рефлексии и личностному самосовершенствованию.

Таким образом, духовно-нравственное воспитание студентов является процессом формирования личности, способной к ответственному, этически ориентированному педагогическому взаимодействию и осуществлению профессиональной деятельности на основе принципов гуманизма и профессиональной этики.

Духовно-нравственное воспитание студенческой молодежи выступает на современном этапе ключевым направлением развития высшего образования, обеспечивая формирование зрелой личности, способной к моральному выбору, ответственному поведению и созидательной деятельности. Системная организация духовно-нравственного воспитания позволяет университету формировать социально ответственных, духовно зрелых и профессионально подготовленных специалистов.

Список литературы

1. Франк С. Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992. 511 с.

2. Каримов А. В. Духовный мир человека и духовная жизнь общества // Духовно-нравственное воспитание : учебно-методическое пособие. Тамбов, 2018. С. 6.

3. Духовно-нравственная культура как фактор модернизации российского общества XXI века (Третьи Хайкинские чтения) : материалы Международной научно-практической конференции 23 ноября 2012 года. Тамбов, 2013. 294 с.

4. Каримов А. В., Пчельникова Т. И. Экологическая культура и ее значение в системе духовного развития личности студента // Духовные основы отношений человек – природа : материалы Всероссийской (Национальной) научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2023. С. 360–362.

5. Макарова Л. Н., Борзых И. Н., Шаршов И. А. Содержание профессионального воспитания студентов в современном вузе // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2016. Т. 15, № 4. С. 31–36.

6. Современное образование как открытая система : монография. М. : ЮРКОМПАНИ: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 573 с.

УДК 342.7:004:17

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ НОРМЫ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

О. В. Кудрявцева, М. А. Кудрявцева
Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

Статья обосновывает необходимость опоры на морально-нравственные нормы при формировании законодательства о цифровой экономике. Анализируются этические вызовы цифровизации (конфиденциальность, алгоритмическая дискриминация, цифровое неравенство, автономия искусственного интеллекта) и предлагаются принципы имплементации нравственных норм в правовые акты.

Ключевые слова: *мораль, нравственность, цифровая экономика, законодательство, этика искусственного интеллекта, цифровые права, конфиденциальность, алгоритмическая справедливость, правовое регулирование, цифровая этика.*

The article substantiates the need to rely on moral norms when formulating legislation on the digital economy. It analyzes the ethical challenges of digitalization (privacy, algorithmic discrimination, digital inequality, and autonomy of artificial intelligence) and proposes principles for implementing moral norms into legal acts.

Keywords: *morality, ethics, digital economy, legislation, artificial intelligence ethics, digital rights, privacy, algorithmic justice, legal regulation, and digital ethics.*

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни, начавшаяся в конце XX – начале XXI столетия, обусловила формирование феномена цифровой экономики – хозяйственной системы, базирующейся на применении цифровых технологий, обработке больших данных, использовании искусственного интеллекта и распределенных реестров. Темпы развития цифровых технологий существенно опережают скорость адаптации традиционных правовых систем, что порождает многочисленные нормативно-правовые лакуны, неопределенности и коллизии. В указанных условиях особую актуальность приобретает вопрос о фундаментальных основаниях, на которых должно выстраиваться законодательство о цифровой экономике.

Традиционно право рассматривается как формализованная, обеспеченная государственным принуждением система норм, тогда как мораль и нравственность представляют собой неформальные, внутренне принимаемые регуляторы поведения, опирающиеся на представления о добре, зле, справедливости и долге. В периоды интенсивных социально-технологических изменений именно морально-нравственные принципы нередко выполняют функцию первичного регулятора, предвосхищая и направляя правотворческий процесс.

Цель данной статьи состоит в обосновании тезиса о том, что нормы морали и нравственности выступают необходимым фундаментом для развития

законодательства о цифровой экономике, определяя его ценностные ориентиры, пределы допустимого и стратегические направления.

Для достижения указанной цели решаются следующие задачи:

- проанализировать теоретические основы соотношения морали, нравственности и права в контексте цифровой трансформации;
- определить ключевые этические вызовы, требующие законодательного реагирования;
- выявить и сформулировать принципы имплементации нравственных норм в цифровое законодательство.

Вопрос о соотношении морали и права является классической проблемой философии права и этики. Как отмечал И. Кант, право определяет внешнюю свободу действий, в то время как мораль регулирует внутренние мотивы поведения. Г. В. Ф. Гегель рассматривал мораль и нравственность как последовательные ступени развития объективного духа, где нравственность представляет собой синтез абстрактного права и морали, воплощенный в семье, гражданском обществе и государстве [1].

В контексте цифровой экономики традиционное различение права и морали приобретает новые аспекты. Цифровые технологии создают ситуации, которые не имеют аналогов в предшествующей правовой практике: алгоритмическое принятие решений, автономные системы искусственного интеллекта, трансграничные потоки данных, цифровые идентификаторы и виртуальные активы. В этих условиях законодатель сталкивается с проблемой нормативной неопределенности, когда отсутствуют устоявшиеся правовые прецеденты и доктринальные толкования.

Именно на этом этапе морально-нравственные нормы выполняют функцию «первичного правового материала». Общепризнанные этические принципы – уважение человеческого достоинства, недопустимость дискриминации, справедливость, честность, ответственность – служат ориентирами для законодателя, позволяя вырабатывать правовые нормы даже в условиях отсутствия полной информации о долгосрочных последствиях технологических инноваций.

В сфере цифровой экономики, прежде чем устанавливать в законодательном порядке конкретные запреты или предписания, необходимо достичь этического консенсуса относительно базовых ценностей, подлежащих защите [2].

Современная цифровая экономика порождает ряд этических проблем, которые требуют безотлагательного правового регулирования, базирующегося на морально-нравственных принципах.

1) конфиденциальность и защита персональных данных. Сбор, обработка и коммерческое использование персональных данных граждан достигли беспрецедентных масштабов. Моральный принцип уважения автономии личности требует сохранения за человеком контроля над информацией о себе. Данное требование нашло отражение в Общем регламенте о защите данных Европейского

Союза (GDPR), где закреплены принципы информированного согласия, минимизации данных и права на забвение. Вместе с тем практика функционирования цифровых платформ нередко демонстрирует расхождение между декларируемыми этическими принципами и реальными бизнес-моделями, основанными на эксплуатации пользовательских данных;

2) алгоритмическая дискриминация и справедливость. Искусственный интеллект и алгоритмы машинного обучения, применяемые в сферах кредитования, найма, страхования и правоприменения, способны воспроизводить и усиливать существующие социальные предрассудки. Нравственный принцип справедливости требует, чтобы алгоритмические решения не дискриминировали лиц по признакам расы, пола, возраста, религии или иных социально значимых характеристик. Законодательство призвано устанавливать требования к прозрачности алгоритмов, обеспечивать возможность обжалования автоматизированных решений и предусматривать регулярный аудит на предмет выявления дискриминационных эффектов;

3) цифровое неравенство и социальная справедливость. Доступ к цифровой инфраструктуре и навыки ее использования распределены неравномерно как между странами, так и внутри национальных обществ. Нравственный принцип социальной справедливости обязывает государство принимать меры по преодолению цифрового разрыва, включая обеспечение универсального доступа к широкополосному интернету, развитие цифровой грамотности и поддержку уязвимых групп населения. Указанные обязательства требуют законодательного закрепления и бюджетного финансирования [3];

4) автономия искусственного интеллекта и ответственность. Развитие автономных систем (беспилотный транспорт, медицинские диагностические системы, роботизированные хирургические комплексы) актуализирует вопрос о распределении ответственности в случае причинения вреда. Нравственный принцип ответственности требует, чтобы за действия автономных систем отвечало какое-либо лицо – разработчик, владелец, оператор или сам искусственный интеллект (в форме юридического лица). Законодательство должно выработать четкие правила определения субъекта ответственности и механизмы компенсации ущерба;

5) прозрачность и объяснимость алгоритмов. Многие современные алгоритмы искусственного интеллекта, особенно основанные на глубоких нейронных сетях, функционируют по принципу «черного ящика»: их разработчики не всегда могут объяснить, почему принято то или иное решение. Нравственный принцип честности требует, чтобы значимые для человека алгоритмические решения (отказ в кредите, постановка на учет, диагностика заболевания) были объяснимы. Законодательство может вводить требования к объяснимости пропорционально значимости принимаемых решений.

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующие принципы, лежащие в основе разработки законодательства о цифровой экономике:

- принцип человекоцентричности – предполагает, что цифровые технологии должны служить человеку, а не подчинять его себе. Законодательство призвано исходить из примата человеческого достоинства, автономии и благополучия личности. Технологические решения, ведущие к дегуманизации социальных отношений, тотальной слежке или манипуляции поведением, подлежат ограничению или запрету;
- принцип соразмерности (пропорциональности) – означает, что ограничения прав и свобод в связи с внедрением цифровых технологий должны быть соразмерны защищаемым публичным интересам. Сбор персональных данных, использование систем распознавания лиц и применение алгоритмического профилирования допустимы исключительно при наличии законного основания и в минимально необходимом объеме;
- принцип прозрачности – закрепляет право граждан на информацию о том, какие алгоритмы используются для принятия решений, затрагивающих их права и законные интересы, на каких данных эти алгоритмы обучались, а также о пределах их применимости. Законодательство должно требовать раскрытия информации о функционировании значимых алгоритмических систем;
- принцип ответственности – устанавливает, что разработчики, владельцы и операторы цифровых систем обязаны нести юридическую ответственность за вред, причиненный в результате функционирования этих систем. Безответственность, порождаемая «алгоритмическим прикрытием», должна быть исключена [4];
- принцип устойчивости и долгосрочного развития – требует, чтобы законодательство о цифровой экономике учитывало интересы будущих поколений, включая экологические последствия цифровизации (энергопотребление дата-центров, утилизация электронных отходов), а также долгосрочные социальные эффекты автоматизации труда [5].

В настоящее время регулирование цифровой экономики находится на переходном этапе: наряду с традиционными законодательными актами (законы о персональных данных, электронной подписи, цифровых правах) широкое распространение получили инструменты «мягкого права» (soft law) – этические кодексы, стандарты, рекомендации. В качестве примеров можно привести рекомендацию ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта (2021) [6], «Этические принципы для надежного искусственного интеллекта», опубликованные Европейской комиссией, а также собственные кодексы этики в области искусственного интеллекта, разрабатываемые крупными IT-корпорациями.

Однако, как отмечается в исследовательской литературе, мягкое регулирование обладает ограниченной эффективностью в условиях, когда нарушение

этических норм сопряжено с получением значительной экономической выгоды. В связи с этим представляется неизбежным переход от рекомендательных норм к юридически обязательным требованиям, подкрепленным механизмами контроля и санкциями. Указанный переход должен осуществляться на основе широкого общественного обсуждения, учета разнообразия культурных традиций и баланса интересов всех заинтересованных сторон (стейкхолдеров).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- нормы морали и нравственности выступают фундаментальной основой для развития законодательства о цифровой экономике, определяя его ценностно-нормативную рамку и стратегические ориентиры;
- ключевыми этическими вызовами, требующими законодательного реагирования, являются проблемы конфиденциальности, алгоритмической дискриминации, цифрового неравенства, автономии искусственного интеллекта и непрозрачности алгоритмов;
- базовыми принципами имплементации нравственных норм в цифровое законодательство должны стать человекоцентричность, соразмерность, прозрачность, ответственность и устойчивость;
- перспективным направлением развития правового регулирования является переход от этических кодексов и рекомендаций к юридически обязательным нормам, обеспечивающим защиту прав и свобод человека в условиях цифровой трансформации.

Таким образом, успешное развитие цифровой экономики невозможно без формирования целостной этико-правовой парадигмы, в которой моральные и нравственные принципы служат не внешним дополнением, а внутренним фундаментом законодательных решений.

Список литературы

1. Глазунова Е. З., Баряева А. О. «Золотое правило нравственности» в экономике // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2022. № 1. С. 16–20.

2. Абрамова Е. Н. Нормы морали и нравственности как фундамент развития законодательства о цифровой экономике // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 1 (15). С. 106–108.

3. Привалов Н. Г. Философия хозяйства. Нравственная экономика : учебное пособие. М. : Научно-издательский центр «ИНФРА-М», 2025. 212 с.

4. Кудрявцева О. В., Бялецкая Е. М., Кудрявцева М. А. Интеллектуальная система поддержки принятия решений для управления машинными носителями информации на основе человеко-машинного коллективного интеллекта // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. 2026. № 1 (55). С. 104–111.

5. Кудрявцева О. В., Кудрявцева М. А., Бялецкая Е. М. Разработка базы данных в MongoDB для управления изменениями в DevOps // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. 2025. № 2 (52). С. 81–86.

6. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris : UNESCO, 2021. 48 p.

УДК 323.21:316.65

ПАТРИОТИЗМ В МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ОТ СЛУЖЕНИЯ К САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Н. Е. Логинов, Р. Н. Назар

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (г. Макеевка, Россия)

В работе рассматриваются возрастные различия в восприятии патриотизма как феномена русского человека. Представлен обзор теоретических подходов и результаты пилотажного опроса авторов (n = 100) в двух возрастных группах. Полученные данные иллюстрируют сохранение консенсусных ценностей и различия в понимании державности и прагматизма.

Ключевые слова: *патриотизм, возраст, русский человек, межпоколенческие различия, гражданская идентичность.*

The article examines age differences in the perception of patriotism as a phenomenon of the Russian person. A review of theoretical approaches and the results of the authors' pilot survey (n = 100) in two age groups are presented. The obtained data illustrate the preservation of consensus values and differences in the understanding of statehood and pragmatism.

Keywords: *patriotism, age, Russian person, intergenerational differences, civic identity.*

Патриотизм – одно из ключевых понятий курса «Основы российской государственности». Разработанный в рамках проекта «ДНК России» учебно-методический комплекс, авторами которого выступили А. Д. Харичев, А. В. Полосин и А. В. Селезнева, определяет патриотизм не просто как любовь к Родине, но как сложную систему ценностей, связывающую человека с государством, историей, культурой [8, с. 102]. Для русского человека, как отмечают философы и культурологи, патриотизм традиционно связан не с выгодой, а с жертвенностью, соборностью, особым отношением к Родине как к «матери» или «святой земле» [3, с. 45]. Однако в современной науке акцент смещается в сторону изучения того, как эти традиционные смыслы трансформируются под влиянием социально-исторических изменений и, что особенно важно, как они по-разному воспринимаются разными поколениями.

Актуальность межпоколенческого анализа патриотизма обусловлена несколькими факторами. Во-первых, данные массовых опросов фиксируют устойчивый интерес к этой теме: согласно мониторингу ВЦИОМ, за последние десять лет уровень патриотических ценностей среди россиян остается стабильно высоким, однако его содержательное наполнение меняется [1]. Во-вторых, поколения, выросшие в СССР и постсоветской России, обладают различными референтными точками, что неизбежно формирует расхождения в понимании ключевых смыслов – от державности до прагматизма. Как отмечает Ю. А. Левада, «советский человек» и «постсоветский человек» – это разные антропологические типы с различными системами ценностных координат [5, с. 10].

В-третьих, современные исследователи фиксируют процесс трансформации патриотического дискурса: традиционные черты (жертвенность, служение) сосуществуют с новыми (прагматизм, самореализация), причем их соотношение варьируется в зависимости от возраста респондентов [2].

В российской научной традиции патриотизм рассматривается как многомерное явление, включающее эмоциональный (любовь к Родине), когнитивный (знание истории и культуры) и конативный (готовность к действию) компоненты. В. В. Ильин подчеркивает, что патриотизм в русской философской традиции всегда был связан не с рациональным расчетом, а с экзистенциальным переживанием связи с землей и народом [3, с. 52]. В. А. Тишков, анализируя национальное самосознание, указывает на особую роль исторической памяти как консолидирующего фактора: именно история, по его мнению, выступает тем фундаментом, на котором выстраивается общероссийская идентичность [7, с. 178].

Однако в последние десятилетия исследователи все чаще обращают внимание на трансформацию патриотического сознания под влиянием социально-экономических и политических изменений. О. Ю. Малинова в работе «Патриотизм как символическая политика» показывает, что традиционные для русской философии смыслы (жертвенность, соборность, особый путь) сегодня существуют в двух регистрах. Для старшего поколения они остаются связанными с исторической памятью и конкретными жизненными практиками; для молодежи же эти символы часто функционируют в отрыве от этики жертвы, превращаясь в элементы «державного» дискурса, который может сочетаться с вполне прагматическими установками [6, с. 112].

Ключевое значение для понимания межпоколенческих различий имеют работы, посвященные поколенческому анализу. Ю. А. Левада еще в начале 2000-х годов зафиксировал формирование «постсоветского человека», ценностные ориентации которого существенно отличаются от «советского человека»: снижение патерналистских ожиданий, рост индивидуализма, переосмысление отношения к государству [5, с. 12]. Более поздние исследования М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги (2020) подтверждают эти выводы, демонстрируя, что молодежь России оценивает государство и свое отношение к нему все чаще через призму комфорта, возможностей самореализации и качества жизни, тогда как старшее поколение сохраняет ориентацию на патриотизм-служение [2, с. 215].

Особый интерес представляют данные массовых опросов, позволяющие проследить динамику патриотических установок. Согласно мониторингу ВЦИОМ, в 2024 году 87 % россиян заявили, что гордятся историей своей страны, причем этот показатель стабильно высок во всех возрастных группах. В то же время на вопрос о том, что такое патриотизм, ответы дифференцируются по возрасту: среди респондентов старше 45 лет доминирует понимание патриотизма как «защиты Родины» (71 %) и «любви к своей стране» (65 %), тогда как среди молодежи 18–24 лет значительно выше доля тех, кто определяет патриотизм

как «работу на благо страны» (48 %) и «уважение к традициям» (44 %) [1]. Эти данные свидетельствуют о том, что при сохранении консенсусных ценностей формируются различные смысловые акценты, связанные с возрастом.

Для наглядной иллюстрации выявленных в литературе тенденций и проверки возможности их операционализации в рамках данной обзорной статьи был проведен пилотажный опрос. Данные этого опроса не являются репрезентативными и не позволяют делать обобщения на генеральную совокупность. Они используются исключительно как иллюстративный материал, дополняющий теоретический анализ и демонстрирующий, как описанные в литературе различия могут проявляться на локальном уровне. Полученные результаты следует рассматривать как предварительные гипотезы, требующие проверки на репрезентативных выборках.

Исследование проводилось в феврале-марте 2026 года в г. Макеевка (ДНР). Учитывая специфический социально-политический контекст региона (близость к зоне вооруженного конфликта), полученные данные не могут быть автоматически экстраполированы на другие территории без дополнительных исследований. Метод сбора данных – устное структурированное интервью. Опрошено 100 человек, разделенных на две возрастные группы: группа 1 (молодежь) – 50 человек в возрасте 18–35 лет (20 мужчин, 30 женщин; студенты и работающие); группа 2 (старшее поколение) – 50 человек в возрасте 50 лет и старше (20 мужчин, 30 женщин; пенсионеры и работающие).

Для понимания именно «русского» восприятия в опрос были включены утверждения, отражающие традиционные для отечественной культуры смыслы: служение, державность, связь истории и личности. Отобрано пять утверждений: 1. «Россия – великая держава с особым путем» (цивилизационный аспект, державность); 2. «Настоящий патриот должен быть готов защищать Родину с оружием» (военно-патриотический аспект, служение); 3. «Родина там, где тебе хорошо и где ты нужен» (прагматический аспект, противопоставленный традиционному); 4. «Критиковать власть – значит быть патриотом, потому что ты хочешь сделать страну лучше» (гражданский аспект); 5. «Я горжусь историей России, даже если в ней были сложные страницы» (историко-культурный аспект).

Для каждого утверждения фиксировались три параметра: согласие с утверждением (шкала от 1 до 5, где 1 – абсолютно не согласен, 5 – полностью согласен); частота обсуждения / задумчивости (шкала от 1 до 5, где 1 – никогда об этом не думаю / не говорю, 5 – часто обсуждаю, это важная для меня тема); эмоциональная окраска (гордость, чувство долга, раздражение/скепсис).

Дополнительно записывались комментарии респондентов для качественного анализа. В таблице ниже приведены средние значения по группам; при интерпретации следует учитывать малый объем выборки.

Таблица

Результаты анализа

Согласие с утверждением (средний балл, 1–5)			
№	Утверждение	Старшее поколение (50+)	Молодежь (18–35)
1	Россия – великая держава с особым путем	2.5	4.0
2	Настоящий патриот должен быть готов защищать Родину с оружием	4.5	4.0
3	Родина там, где тебе хорошо и где ты нужен	1.0	3.7
4	Критиковать власть – значит быть патриотом	1.0	2.0
5	Я горжусь историей России	5.0	5.0

Частота обсуждения / задумчивости (средний балл, 1–5)			
№	Утверждение	Старшее поколение (50+)	Молодежь (18–35)
1	Россия – великая держава с особым путем	4.8	3.0
2	Настоящий патриот должен быть готов защищать Родину с оружием	4.5	1.0
3	Родина там, где тебе хорошо и где ты нужен	3.2	2.3
4	Критиковать власть – значит быть патриотом	4.7	1.5
5	Я горжусь историей России	5.0	4.2

Эмоциональная окраска (% от группы)				
Утверждение	Группа	Гордость	Долг	Раздражение / скепсис
1. Россия – великая держава	Старшее поколение	20	0	80
	Молодежь	60	0	40
2. Защита Родины с оружием	Старшее поколение	0	100	0
	Молодежь	0	100	0
3. Родина там, где хорошо	Старшее поколение	0	0	100
	Молодежь	60	0	40
4. Критика власти как патриотизм	Старшее поколение	0	20	80
	Молодежь	60	0	40
5. Гордость историей	Старшее поколение	100	0	0
	Молодежь	100	0	0

Полученные данные позволяют наглядно представить те тенденции, которые ранее были описаны в крупномасштабных исследованиях. Проведенный

анализ носит исключительно иллюстративный характер. Выборка (n = 100) не является репрезентативной, отсутствует контроль смешивающих факторов (образование, доход, медиапредпочтения). Исследование проводилось в специфическом регионе (г. Макеевка, Донецкая Народная Республика), что ограничивает возможность экстраполяции результатов. Полученные данные следует рассматривать как предварительные гипотезы, требующие проверки на более широких и разнородных выборках с использованием валидированных методик.

Список литературы

1. О современном российском патриотизме // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme (дата обращения: 28.03.2026).

2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М. : ЦСПиМ, 2020. 592 с.

3. Ильин В. В. Патриотизм как ценность: философский анализ // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 45–58.

4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием и ценности русского человека. М. : Эксмо, 2019. 480 с.

5. Левада Ю. А. Человек советский и человек постсоветский: сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 1. С. 7–15.

6. Малинова О. Ю. Патриотизм как символическая политика // Полития. 2019. № 3 (94). С. 103–126.

7. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. : Наука, 2021. 350 с.

8. Харичев А. Д., Полосин А. В., Селезнева А. В. Основы российской государственности : учебное пособие. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 448 с.

УДК 9.908

ЦИФРОВОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАРОДА

А. И. Лойко

Белорусский национальный технический университет
(г. Минск, Республика Беларусь)

Рассматриваются особенности сохранения духовно-нравственной идентичности народа в условиях цифрового империализма. Особенности заключаются в достижении народом цифрового суверенитета, основанного на достижениях отечественных инженерных наук в области технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *цифровой империализм, духовность, идентичность, народ, технологии.*

This article examines the specifics of preserving the spiritual and moral identity of a people in the context of digital imperialism. These specifics lie in the people's achievement of digital sovereignty, based on the achievements of domestic engineering sciences in the field of artificial intelligence technologies.

Keywords*: digital imperialism, spirituality, identity, people, technology.*

Духовно-нравственная идентичность народа формируется с момента его актуализации в историческом времени. Какой-то период народ определяется с духовной основой своей идентичности. Обычно она заимствуется в пределах определенного цивилизационного пространства. Восточноевропейские народы своей духовной основой избрали христианство по восточному обряду. В рамках этого духовного пространства сформировались традиции философского мышления, архитектуры, искусства, хозяйственной деятельности, государственного управления и патриотизма.

Восточнославянские народы могли находиться в разных государствах, но их объединяли ценности православия. Эта особенность была характерна для исторического периода традиционных обществ. В историческую эпоху индустриальных обществ практиковались переоценка ценностей и нигилизм. В условиях внутренних трансформаций духовно-нравственная идентичность народа оказалась в режиме жесткого тестирования на способность адаптироваться к новым условиям.

Судя по советскому периоду, духовно-нравственной идентичности народа удалось адаптироваться к особенностям индустриального общества. Но эта адаптация не может быть разовой, поскольку индустриальное общество трансформируется промышленными революциями и технологическими укладами. В его эволюции выделяют индустриальную, постиндустриальную и информационную стадии.

Основу индустриального общества формирует рыночная экономика, которая постоянно претерпевает институциональные трансформации. С начала XX столетия рыночная экономика представлена крупными корпорациями, банками и компаниями. Эти крупные структуры частного капитала интегрированы с институтами государственной власти. В результате сформировавшегося разнообразия данных государственных структур в пределах Европы между ними возникла острая конкуренция, которая выразилась в форме Первой мировой войны, в которую были втянуты колонии метрополий. Так возник империализм. По итогам войны в Европе произошел распад империй. Их место заняли новые государственные образования. В России империя уступила место федерации советских республик. Эта федерация существовала до 1991 года. Она распалась на отдельные государства, в числе которых была и Российская Федерация.

На какое-то время термин «империализм» потерял актуальность, поскольку человечество вступило в историческую эпоху глобализации и разрядки. На этом историческом фоне усилиями крупных технологических компаний США, занятых разработкой аппаратных и программных средств электронной коммуникации, шло формирование предметной тематики феномена, который стали обозначать как цифровой империализм.

Цифровой империализм является практикой деятельности крупных информационных компаний. Они через всемирную паутину получают доступ к миллионной аудитории пользователей и их данным, которые сами предоставляют

через пользование мобильными телефонами и компьютерами [1]. Взамен бесплатных данных, компании предоставляют пользователям доступ к с режиссированному ими контенту западной культуры. В него заложены деструктивные цели информационной войны против духовно-нравственной идентичности народа. Особый акцент делается на молодежь.

Кроме политических целей в виде информационной войны компании используют монополизированные ими цифровые платформы с целью культивирования ценностей общества массового потребления [2]. В результате подрывается самостоятельность народа, связанная с наличием у него собственной производственной базы и технологий. Акцент переносится на потребление. При этом молодежь теряет интерес к производственному сектору деятельности. Таким путем достигается монополизация национального рынка. Он локализуется платформой крупной информационной компании. В результате формируется система цифрового феодализма.

Агрегирование сервисов позволяет цифровым платформам компаний быть не только посредниками, но и владельцами прав интеллектуальной собственности. В результате сформировался феномен дилеммы модератора.

На уровне софта идет поиск механизмов противостояния цифровому империализму. Одним из решений являются открытые протоколы. Это доступные непатентованные наборы правил и стандартов взаимодействия устройств в социальной сети. Они не принадлежат одной компании; обеспечивают совместимость оборудования и программного обеспечения разных производителей в сети Интернет, веб-ресурсов, передачи файлов и электронной почты.

Важную роль играет национальный регулятор и национальное законодательство, которые имеют рычаги контроля деятельности информационных компаний через выдачу и отзыв лицензий.

Одним из решений противостояния цифровому империализму является переход духовно-нравственных институтов общества в формат социальных сетей, где сосредоточена коммуникация цифровых поколений и где легко устанавливаются духовные координаты обратной связи пользователей социальной сети с идентичностью собственного народа. Эту идентичность сохраняют институты христианства по восточному обряду, которые приобрели большой опыт противостояния деструктивным тенденциям в развитии индустриального общества.

Особенно большим опытом сохранения идентичности народа располагает православная церковь на территории Беларуси, поскольку православные здесь в исторический период контрреформации подвергались притеснениям. В сложных исторических условиях функционировали братства. Тяжелейшим испытанием для православных стала навязываемая им униатская уния, согласно которой они должны были признать верховенство Ватикана.

Благодаря Симеону Полоцкому и Георгию Конисскому православные верующие смогли отстоять свое право на идентичность [3]. В год белорусской женщины, таковым объявлен 2026 г., в Беларуси вспоминают уникальную духовную роль Евфросинии Полоцкой, которая создала в Полоцке центр архитектуры и образования [4]. Даже католики, представленные иезуитами, вынуждены были признать ее роль в становлении Полоцка как города, дающего учащимся высшее образование. Власти Российской империи разрешили функционирование Полоцкой иезуитской академии с надеждой на то, что она будет сохранять местные интеллектуальные традиции и традиции местного права. В результате в Беларуси выработалась уникальная культура толерантности, которая стала частью национальной идентичности белорусов. Эта основа помогает белорусам вместе с Парком высоких технологий противостоять цифровому империализму [5].

Список литературы

1. Loiko A. I. Data Ontology: a textbook on the academic discipline "Philosophy and Methodology of Science" for master's students of all specialties / A. I. Loiko. Minsk : Belarusian National Technical University, 2025. 79 p.
2. Мартынов Д. С., Лукьянова Г. В. Платформа как фактор цифрового империализма в российском информационном пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 2. С. 425–435.
3. Лойко А И. Георгий Конисский и Александр Дембовецкий: преемственность духовной деятельности // Жизнь и творческое наследие А. С. Дембовецкого: к 180-летию со дня рождения : материалы Международной научно-практической конференции, Могилев, 13 марта 2020 г. Минск : Беларуская наука, 2021. С. 64–66.
4. Лойко Л. Е. Евфросиния Полоцкая в духовной традиции отечественной правовой культуры // Духовные ипостаси Евфросинии Полоцкой: историческая и современная : материалы Международной научной конференции, Минск, 12 мая 2016 г. / под ред. А. И. Лойко. Минск : Белорусский национальный технический университет, 2016. С. 131–135.
5. Байнев В. Ф., Саевич В. В. Переход к инновационной экономике в условиях межгосударственной интеграции: тенденции, проблемы, белорусский опыт. Минск : Право и экономика, 2007. 127 с

УДК 9.908

ЦИФРОВОЙ КОЛОНИАЛИЗМ И ИДЕНТИЧНОСТЬ НАРОДА

А. И. Лойко

Белорусский национальный технический университет
(г. Минск, Республика Беларусь)

Рассматриваются особенности сохранения идентичности народа в условиях цифрового колониализма. Особенности заключаются в достижении народом цифрового неприсоединения, основанного на достижениях отечественных разработок в области технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *цифровой колониализм, искусственный интеллект, идентичность, народ, цифровое неприсоединение.*

The article examines the specifics of preserving people's identity under conditions of digital colonialism. These specifics lie in the people's achievement of digital non-alignment, based on advances in domestic developments in artificial intelligence technologies.
Keywords: *digital colonialism, artificial intelligence, identity, people, digital non-alignment.*

Исторически колониализм стал проявляться в форме колонизации племенами, народами, религиозными орденами, религиями территорий других племен и народов. Так, античные греки занимались колонизацией региона Средиземноморья за счет создания на побережье морей городов, через которые они вели торговлю с местными племенами, в частности, скифами.

Великое переселение народов сопровождалось колонизацией германскими и славянскими племенами территорий континентальной Европы. Затем германские племена уже в государственном статусе Тевтонского и Ливонского орденов колонизировали территорию прибалтийских племен и хотели захватить земли восточных славян. В 1410 году восточные славяне вместе с западными (поляками) сорвали этот план. Колонизация прибалтийских племен, в частности пруссов и ятвягов, закончилась полной утратой ими своей идентичности.

У колонизации всегда есть сторона, связанная с подчинением местного населения интересам пришельцев. Исключением стала история Франции и России. Во Франции германские племена ассимилировались с галлами. Они приняли их язык, христианскую веру и дали Франции со своей стороны немецкие названия провинций и страны. Колонизация восточными славянами огромных территорий Северной Евразии не включала полной ассимиляции местных народов. В результате они сохранили свою этническую, культурную и религиозную (ислам) идентичность. По итогу великих географических открытий колонизация европейцами Америки, Австралии и Новой Зеландии закончилась формированием новых наций с собственными государствами. Поэтому не всякая колонизация является колониализмом.

Понятие колониализма начало применяться к практикам португальцев, наладившим систему работорговли. Они силой захватывали местное африканское население и поставляли его за деньги в регионы Южной и Северной Америки. В результате работорговля стала одним из элементов индустриального общества. В традиционных обществах также существовал институт работорговли. В США работорговлю отменили только во второй половине XIX столетия.

Понятие колониализма также связывалось с владением европейскими метрополиями территорий в Азии и Африке. Эти территории контролировались армиями метрополий. Наибольшие колониальные владения имели Великобритания, Испания, Бельгия, Нидерланды, Португалия, Франция.

Классический колониализм сопровождался физическим завоеванием территорий. Сформировавшийся в XX веке цифровой колониализм не использует физического насилия для захвата территорий [1]. Потенциальные колонии

сами предоставляют свое информационное пространство для колонизации данных с помощью проприетарного программного обеспечения. Прибыль получают крупные транснациональные корпорации [2].

Причиной открытия доступа этим компаниям в национальные информационные пространства является зависимость от их инфраструктуры операционных систем и социальных сетей. Компании используют свои преимущества для скрытого вывоза ресурсов данных. Для самих стран существуют риски отключения и ограничения доступа к сервисам, облачным технологиям и подпискам.

Избежать цифрового колониализма национальные регуляторы могут через развитие автономных программных и аппаратных баз, чтобы избежать влияния глобальных цифровых монополий. Важная роль отводится созданию национальных платформ.

Актуальным остается вопрос о влиянии цифрового колониализма на идентичность народа. Это связано с тем, что социальные сети и цифровые платформы трансформируют культурные коды, ценности и поведенческие модели аутентичных культур. Они сводят культуру к стереотипам, которые легко контролировать.

Трансформируются образовательные платформы, которые формируют цифровое сознание, отличное от традиционного национального образования. В результате угроз, создаваемых цифровым колониализмом, сформировалась стратегия нового национализма в цифровой среде [3]. Она базируется на модификации технологического национализма [4]. Этот национализм реализуют инженеры и разработчики программного обеспечения [5]. Они создают цифровые платформы, которые трансформируются в технологические экосистемы [6]. На этой основе формируется цифровой суверенитет государств. Он в значительной степени реализован в Китайской Народной Республике, в которой создана технологическая экосистема цифрового пространства. Она обеспечивается аппаратными и программными средствами собственного производства [7]. К подобной модели цифрового суверенитета движется Российская Федерация и Республика Беларусь [8].

Список литературы

1. Бучинская О. Н. Цифровая колонизация - новое явление мировой экономики // Экономика современной России. 2024. № 3. С. 78–92. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3(106)-78-92.

2. Loiko A. I. Digital colonialism and national movements for digital independence // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2026. Vol. 10, iss. 1. P. 52–56. https://doi.org/10.35634/2587-9030-2026-10-1-52-56.

3. Цветков И. А. Новый национализм и борьба за господство в глобальном цифровом культурном пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13, вып. 4. С. 478–487. https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.404.

4. Полухина В. Д. Технологический национализм как фактор борьбы за лидерство среди ведущих государств на международной арене (на примере России, США и Китая)

// Международные отношения. 2025. № 1. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72318.

5. Capri A. Techno-nationalism and diplomacy // Hinrich Foundation. 2020. URL: https://www.hinrichfoundation.com/research/wp/tech/techno-nationalismand-diplomacy.

6. Авдийский В. И., Иванов А. В., Царегородцев А. В. Взаимосвязь цифрового суверенитета и цифрового пространства: новые вызовы и перспективы // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № 3. URL: https://esj.today/PDF/21FAVN324.pdf.

7. Горян Э. В. «Цифровой национализм» как воплощение китайской доктрины «Пяти принципов мирного сосуществования» // Международное право и международные организации. 2022. № 4. С. 82–97.

8. Сергеенко А. И. Цифровой суверенитет государства // Осенние чтения «Молодежь и право» : материалы II Международных научных конференций студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 19–20 ноября 2021 г. Минск : Белорусский государственный университет, 2022. С. 147–148.

УДК 132

ДУХОВНОСТЬ В КАТЕГОРИЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ И ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Л. Е. Лойко

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь
(г. Минск, Республика Беларусь)

Рассматриваются особенности духовности в категориях исторического времени и исторического сознания. Общее основание в содержании обеих категорий формирует преемственность культуры, а различие – человеческий фактор. Он наиболее ярко выражен в историческом сознании.

Ключевые слова: *духовность, категория, историческое время, историческое сознание, ценности.*

The characteristics of spirituality are examined in the categories of historical time and historical consciousness. The common ground in the content of both categories' shapes cultural continuity. The differences in the content of the categories are shaped by the human factor, which is most clearly expressed in historical consciousness.

Keywords*: spirituality, category, historical time, historical consciousness, values.*

Когда духовность рассматривается в формате категории исторического времени, то используется методология исторических наук [1]. В этой методологии выделяются критерии периодизации истории человечества, периоды традиционных и индустриальных обществ. В свою очередь традиционные общества Ф. Энгельсом делились на стадии дикости, варварства и цивилизации.

Первые исторические формы духовности обнаружены археологами в пещерах через наскальные росписи. Древний человек пытался через институт духовности вести диалог с природными силами и духовными мирами. Оформились институты мифологии, магии, колдовства, шаманства. Духовность связывалась с ритуалами приношения жертвенных даров природным силам. Актуальным

стало многобожие. Посредством него выделялись различные природные силы, взаимодействие с которыми было важным для людей. Строились уникальные духовные центры.

Некоторые духовные традиции предполагали жертвоприношения, в том числе человеческие. Подобные практики были характерны для регионов Центральной Америки и Океании.

На историческом этапе существования традиционных обществ, связанном с цивилизациями в регионе Средиземноморья произошло радикальное изменение в понимании людьми духовности. Акцент сместился с диалога с природными силами на диалог с единым Богом, который является творцом мироздания и человека. В результате возникли исторические условия для формирования монотеистических религий. Одной из первых таких религий стало христианство. Оно сосредоточилось на понимании духовности как внутреннего мира человека с компонентами души и тела. Этот внутренний мир человека не является самодостаточным. Он нуждается во внешней опоре. Таковой опорой является нематериальный Бог. Для общения с ним стали создаваться духовные институты и необходимая им инфраструктура.

Восточные славяне приняли христианство в X веке. Они перешли на духовную основу православия. Это решение сразу проявилось в культуре в виде оригинальной архитектуры, иконописи, философии и литературы. К. Смолятич, К. Туровский, Е. Полоцкая, С. Радонежский сформировали восточноевропейскую модель духовности, что сыграло важную роль после 1453 года, когда турки-сельджуки завоевали Константинополь и Москве пришлось взять на себя историческую миссию Третьего Рима. Базовым архитектурным ансамблем христианства в Восточной Европе стало Золотое кольцо с уникальными храмовыми, монастырскими и церковными комплексами. В создании одного из них непосредственное участие принял Сергий Радонежский.

За несколько столетий православие стало в российском пространстве не только религией, но и культурным кодом и идентичностью значительной части россиян. Благодаря этому православие и другие формы духовности сохранились, несмотря на советский период истории, когда доминировали установки атеизма.

Историческое сознание также является предметом исторических наук [2], но в другом формате. Этот формат связан с герменевтикой. Он означает попытку современников понять, как и почему люди культивировали духовность в разные исторические эпохи. Эту тематику актуализировал В. Дильтей. Он отводит ключевую роль пониманию не только исторических событий, но и реконструкции того, как люди думали в конкретные эпохи в определенном контексте [3].

В результате сформировалось предметное поле целого ряда наук, акцентированных на феномене прошлого, воспроизводимого словами и глазами его непосредственных очевидцев. Большая роль стала отводиться архивным

исследованиям. По-новому стали изучаться древние рукописи и применяемые в них письменные языки.

Гадамер ввел в структуру герменевтики онтологическую тематику. Стало очевидным, что историческое сознание отражает какие-то онтологические сущности исторического времени.

Еще одну тематику исторического сознания актуализировал Ф. Брентано через понятие интенциональности. Согласно этому понятию историческое сознание людей всегда имеет направленность. Эта направленность обозначается как историческая память. Ее формирует желание людей избежать исторических ошибок и трагедий. На уровне гражданского общества это проявляется в исторической памяти о родных людях и их жизненных судьбах [4]; на уровне государства – во внешней политике, направленной на сохранение мирной жизни граждан. Одновременно государство исходит из рисков военных конфликтов, поэтому проводит патриотическую работу с тем, чтобы в Вооруженные силы приходили мотивированные на защиту Родины люди [5].

Историческое сознание в форматах патриотизма культивируется инфраструктурой исторической памяти. Это исторические мемориалы, музейные комплексы, исторические реконструкции, которые перемещают современную молодежь в другие исторические эпохи и формируют преемственность поколений.

Таким образом, категории исторического времени и исторического сознания имеют разные онтологические основания, но их контексты сходятся в точке исторической памяти и патриотизма. Сами по себе эти ценности не актуализируются. Они требуют активной коммуникативной среды, которой способствуют цифровые технологии с возможностями презентаций и дистанционного формата участия [6].

Список литературы

1. Лойко Л. Е. Социально-философское осмысление феномена коллективной памяти // Человек в фокусе новых вызовов : сборник научных статей IV Международного научно-методологического междисциплинарного семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума», Минск, 13 ноября 2025 г. Минск : Белорусский государственный университет, 2025. С. 153–156.

2. Лойко Л. Е. Культурные традиции и историческое сознание // Традиции и современное состояние культуры и искусств : сборник научных статей. Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2025. Вып. 5: С. 420–423.

3. Лойко Л. Е. Родина и историческая память – ключевые темы воспитательного процесса // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация : материалы IX Международной научной конференции, Москва 18–19 апреля 2025 г. : в 3 т. М. : Московский художественно-промышленный институт, 2025. Т. 1. Пленарное заседание. Секция «Научно-философский поиск смысла категорий "Родина", "Отечество", "Патриотизм". Методология патриотического воспитания». С. 398–401.

4. Лойко Л. Е. Философия коллективной памяти // Перспективы развития строительного комплекса: образование, наука, бизнес : материалы XIX Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых

ученых и студентов. Астрахань : Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, 2026. С. 428–431.

5. Лойко Л. Е. Минская школа философии и методологический анализ исторической науки // Философское знание в цифровую эпоху: к 95-летию Института философии Национальной академии наук Беларуси : материалы Международной научной конференции, г. Минск, 19–20 марта 2026 г. : в 3 т. Минск : Четыре четверти, 2026. Т. 1. С. 191–193.

6. Лойко Л. Е. Неклассическая методология исторических исследований // Россия и мир XXI века в зеркале социально-гуманитарных исследований : межвузовский научный сборник. Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2026. Вып. 24. С. 100–103.

УДК 629.113

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ПРОЦЕССА ВОСПИТАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Е. И. Лунева, М. Н. Черкасова, М. А. Набоков

Ростовский государственный университет путей сообщения (г. Ростов-на-Дону, Россия)

13 выпускников Ростовского государственного университета путей сообщения (бывший Ростовский институт инженеров железнодорожного транспорта) стали руководителями высших учебных заведений. На примере материалов, находящихся в открытом доступе (фото, статьи, справочные издания), и документов из архива данного вуза (сведения об учебе в период с 1949 по 1954 год) охарактеризован период студенчества В. Г. Иноземцева на фоне исторических событий.

Ключевые слова: *историческая память, студенчество, исторический дискурс, ректор.*

13 graduates of Rostov State Transport University have become the heads of higher education institutions. Using publicly available materials (photos, articles, reference works) and documents from the RSTU archive (information about his studies at the university from 1949 to 1954), this article describes V. G. Inozemtsev's student years in the terms of historical events.

Keywords: *historical memory, students, historical discourse, rector.*

Сохранение исторической памяти остается важнейшей составляющей духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания обучающегося. В русской языковой культуре выражение «Иван, не помнящий родства» обозначает человека, который не стремится знать историю своего народа, страны, не соблюдает традиции. В словаре Г. Я. Солганика [7] подчеркивается, что выражение «Иваны, не помнящие родства», употребляется для номинирования людей без убеждений и традиций. Согласно исторической справке, беглые каторжники в царской России скрывали свои имена, говорили, что они не помнят, кто они и откуда. Так за ними и закрепился юридический статус, который записывался в полицейский протокол «не помнящий родства». А. П. Чехов

в книге «Остров Сахалин» писал, что среди бродяг, «потерявших память», самыми распространенными именами и фамилиями были Иван Непомнящий [4].

Выражение закрепилось в русском языке и вошло именно в литературную речь благодаря перу М. Е. Салтыкова-Щедрина, который называл Иванами Непомнящими «мелкодушных» литераторов и газетных дельцов [7, с. 572].

В наше непростое время геополитических потрясений актуальность связи с родной страной, местом, где рожден человек, становится очевидной. На наш взгляд, учебное заведение – место, где исторические скрепы памяти имеют качественное значение и выполняют как воспитательную, так и образовательную функцию. История вуза и людей, создававших вуз, учившихся в нем, становится понятна и дорога при знакомстве с биографиями и достижениями выпускников учебного заведения.

Цель статьи – на примере персоналии выпускника электромеханического факультета Ростовского государственного университета путей сообщения (РГУПС) продемонстрировать процесс становления личности молодого человека на фоне исторических событий.

Анализу подверглись материалы, находящиеся в открытом доступе и архивные документы.

Всемирный биографический энциклопедический словарь [3], содержащий 25000 статей о выдающихся людях различных стран и народов мира, посвятил одну из своих статей выпускнику механического (современное название факультета – электромеханический – *прим. авторов*) факультета Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта (РИИЖТ, 1954 г.), Владимиру Григорьевичу Иноземцеву – ученому, изобретателю, организатору высшего образования на транспорте, доктору технических наук, ректору Российского университета транспорта (МИИТ), академику.

В. Г. Иноземцев родился в г. Ростове-на-Дону в семье преподавателей в 1931 году. В 1949 году закончил школу с золотой медалью и поступил на механический факультет РИИЖТ. В архиве РГУПС хранится документ о решении Государственной экзаменационной комиссии (ГЭК) присвоить 24 июня 1954 года Владимиру Григорьевичу квалификацию инженера путей сообщения, механика [6]. Склонность к творчеству и изобретательству, инженерное мышление и трудоспособность позволили реализовать эти качества еще во время учебы в Ростовском институте инженеров железнодорожного транспорта. В зачетной книжке В. Г. Иноземцева только одна оценка – «отлично» по всем предметам [6]. Листая личное дело студента Иноземцева, понимаешь, что во втором семестре необходимо было сдать шесть экзаменов, два из которых были гуманитарной направленности (основы марксизма-ленинизма и немецкий язык) и четыре естественно-научных (высшая математика, теоретическая механика, физика, химия). В третьем семестре – пять экзаменов, а в четвертом – за июньскую

сессию студент В. Г. Иноземцев получил за восемь экзаменов «отлично», которые проводились с интервалом в два-четыре дня. Таким образом, в 50-х годах XX века в среднем в сессию студенты сдавали шесть экзаменов, не считая зачетов. Отметим, что стандартная сессия в Ростовском государственном университете путей сообщения включает три-пять экзаменов.

В личном деле Владимира Григорьевича находится запись о присуждении Сталинской стипендии за отличные достижения в учебе и большую общественную работу. Современные студенты зачастую не представляют важности такой стипендии, которая имела не только материальное выражение, но в непростые для нашей страны времена (послевоенный период) являлась особым маркером. В Постановлении Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 20 декабря 1939 г. № 2078 указано, что для студентов высших учебных заведений, находящихся в ведении народных комиссариатов СССР, выделяется тысяча стипендий по 500 рублей в месяц. Это были достаточно большие деньги для того времени [1].

Историческая окраска прослеживается и в отраслевых номинациях должностей, что является аттрактором и поводом для исторического комментария первой трети XXI века. Например, по результатам учебы в университете молодой специалист В. Г. Иноземцев был представлен к присвоению первичного персонального звания инженер-лейтенант тяги [6]. Документы, находящиеся в архиве РГУПС, а именно аттестация, были подписаны начальником института генерал-директором административной службы III ранга М. М. Панфиловым. Звания и должности из военного дискурса свидетельствуют о стратегической значимости транспортной отрасли, подчиняющейся законам военного времени и жесткой дисциплине.

В архивных материалах сохранилась выписка из заседания ГЭК, в которой говорится, что, будучи студентом, Владимир Григорьевич разработал кран машиниста для управления автотормозами. Изучение тормозной системы транспортных средств является обязательной для студента-транспортника. Научно-исследовательскую, организаторскую и внедренческую работу в развитие тормозной техники железнодорожного подвижного состава доктор технических наук, профессор П. С. Аисимов охарактеризовал как «титанический труд» В. Г. Иноземцева [2]. Это утверждение подтверждается и фактом существования учебника «Тормоза железнодорожного подвижного состава» [5], написанного в виде вопросов и ответов для работников локомотивных бригад.

Размах, многогранность (в годы учебы получил звание мастера спорта по спортивной ходьбе) и значимость личности Владимира Григорьевича Иноземцева проявлялись в решении масштабных задач и широком использовании эксплуатационной базы научно-производственных коллективов. Владимир Григорьевич являлся членом Совета директоров ОАО ««Трансмаш», председателем Научного совета по транспорту отделения Российской академии наук, председателем Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии по транспорту». В. Г. Иноземцев

награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями, дважды знаком «Почетному железнодорожнику», знаками «Почетный работник высшего профессионального образования России», «Почетный работник транспорта России». Ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки России».

Знакомство с личностью Владимира Григорьевича Иноземцева через призму его студенческой жизни в историческом дискурсе позволяет продемонстрировать начальный этап становления гражданина, ученого- исследователя, руководителя.

Список литературы

1. 1939.12.21. Об учреждении премий и стипендий имени Сталина // Журнал «Коллекция». URL: https://sammlung.ru/?page_id=94424.

2. Аисимов П. С. Железные дороги России значительно опережают зарубежные по масштабам внедрения электропневматических тормозов на пассажирском подвижном составе и применению композиционных тормозных колодок // Железнодорожный транспорт. URL: https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=41763/.

3. Всемирный биографический энциклопедический словарь / под ред. : В. И. Бородулина, Н. М. Кузнецова, Н. М. Ланда и др.; гл. ред. А. П. Горкин. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 926 с.

4. Кто они – Иваны, не помнящие родства? // Главный исторический портал страны «История. РФ». URL: https://history.ru/read/articles/kto-oni-ivany-nie-pomniashchiie-rodstva.

5. Иноземцев В. Г. Тормоза электроподвижного состава. Москва : Транспорт, 1982. С. 272.

6. Иноземцев В. Г. Личное дело // МПС СССР, Ростовский-на-Дону институт инженеров жел.-дор. транспорта, отдел кадров. М I. Опись № 2. Ед. хран. № 2173. Связка № 49. Начато 18 августа 1949 г. Окончено 30 июня 1954 г. Хранить по перечню № 1629 (постоянно).

7. Солганик Г. Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения: около 10000 слов и выражений. М. : АСТ : Астрель, 2008. 749 с.

УДК 37.033.032.014.25

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ НА ВЕКОВЫХ ТРАДИЦИЯХ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Т. Ю. Мельникова[1], Ю. Г. Лях[2]

[1] Белорусский государственный медицинский университет,
[2] Международный государственный экологический институт имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

Народная мудрость гласит: соседей не выбирают. В нашем случае соседство с Российской Федерацией на протяжении длительного времени сформировало среди двух народов не только дружественные отношения, но и более тесные, братские связи. Братские отношения между народами, как правило, состоят из миллионов человеческих судеб и взаимных отношений между людьми, проживающих на территории Беларуси и России. В этих отношениях переплелись судьбы представителей этих народов, превратившись в вековые

традиции, которые преследуют истинно гуманные цели и человеколюбие. Именно эти традиции, благодаря достойному военному и трудовому героизму старших представителей Беларуси и России, позволяет молодому поколению этих стран сохранять и приумножать их.

Ключевые слова: *патриотическое воспитание, гражданское общество, молодое поколение, боевая и трудовая слава, народные традиции.*

Popular wisdom says: you don't choose your neighbors. In our case, our long-standing proximity to the Russian Federation has fostered not only friendly relations between the two nations, but also closer, fraternal ties. Fraternal relations between nations typically consist of millions of human destinies and mutual relationships between people living in Belarus and Russia. These relationships intertwine the destinies of these peoples, transforming them into centuries-old traditions that pursue truly humane goals and philanthropy. It is these traditions, thanks to the worthy military and labor heroism of the elders of Belarus and Russia, that allow the younger generations of these countries to preserve and enhance them.

Keywords: *patriotic education, civil society, young generation, military and labor glory, folk traditions.*

Братское отношение к людям – это поведение, основанное на взаимном уважении, доверии, общности интересов, наличии какой-то общей цели. Это отношение, которое способствует сотрудничеству и дружелюбию, исключает конфликты, недопонимание и напряженность.

Скорее всего братское отношение, из перечисленного ранее, основывается в основном на уважении друг к другу и в большей мере на доверии. Без доверия не может быть никаких дальнейших продвижений в развитии связей.

Использование братского отношения к людям всегда помогало устанавливать доброжелательную и продуктивную атмосферу в общении между многочисленными религиозными конфессиями, которые всегда присутствуют в России и Беларуси. А они, как правило, основаны на гуманизме между людьми.

Будущее наших народов в руках молодого поколения. Какие традиции они усвоят, так и будут выстраивать свою внутреннюю политику и соответственно отношение с братскими народами.

Беларусь и Россия, а также их народы за многовековую совместную бытность прошли очень трудный путь становления – от слабых и зависимых до могущественных и самостоятельных. Эту тенденцию следует поддерживать последующему поколению на всех уровнях.

Сейчас наши государства находятся в некотором окружении не дружественных стран, которым по-прежнему крайне ненавистно благополучие и братское отношение российских и белорусских народов. Данным странам не пошли на пользу уроки последних войн, они пытаются в очередной раз получить реванш.

Наиболее уязвимыми и незащищенными в вопросе политических интриг как всегда молодое поколение. Не являются исключением и молодые люди Беларуси и России.

Тем не менее у нас есть кому разобраться в происходящих мировых событиях. Это поколения (отцы и деды), которые на себе испытали все отрицательные моменты демократического строя негативно, а иногда даже враждебно настроенных стран и их правительств.

Отцы и деды теперешнего молодого населения Беларуси и России несут ответственность за сохранение и передачу правдивой информации всего происходящего в наших странах и целом мире. Они в ответе за формирование сознания молодежи и выработке в их психике желания жить, творить добро и сохранить наши страны в мире и дружбе [1].

Особенно следует уделить внимание вопросу воспитания последующего поколения наших стран и акцентировать их внимание на роли своих предков, которые отстояли нашу свободу и независимость в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами в сороковые годы прошлого столетия.

Именно им принадлежит заслуга того, что народы наших государств неделимы и служат многонациональным интересам. Помнить об их подвигах – прямая обязанность. Помнить и благодарить не только за сохраненный мир на земле, но и за обновленный и обогащенный генетический уровень патриотизма и защитника своей родины, своего отечества.

Многое передали нам ушедшие наши отцы, деды и прадеды, многое мы успели от них услышать, записать, запомнить, создать фото и кинохронику, чтобы их подвиги оценить и сохранить. Это материал поистине бесценен.

Опыт ветеранов – это сокровище, которое всегда помогало нашим народам строить современное общество в дружбе и взаимопонимании. Изучение исторических братских связей в военные годы не должно прекращаться.

Обратимся к истории, которая началась в 1939 году, когда наши народы стояли плечом к плечу друг к другу.

Деревня Чисти-Мильчанские (Докшицкий район, Витебская область, Республика Беларусь) с 1921 года оказалась в приграничной полосе, но на территории СССР.

По рассказам очевидцев в деревне было запрещено зажигать свет в темное время суток, пока не закроют окна, содержать собак во дворах, иметь оружие (охотничье). Свадьбы проходили без громкой музыки и т. д.

Приведем некоторые пункты из задач, которые ставились перед пограничными войсками новообразованной границы.

«1. Пограничные войска, несущие службу охраны зоны заграждения, имеют задачу: а) не допускать проникновения в глубь СССР из западных областей Беларуси и Украины, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР контрреволюционных элементов, шпионов, диверсантов, террористов, а также своевременно вскрывать нелегальные связи этих элементов, проходящие через зону заграждения; б) осуществлять организованный пропуск через зону

заграждения лиц, имеющих разрешение соответствующих органов, и не допускать нелегальных переходов зоны заграждения в обе стороны; в) обеспечивать соблюдение установленного пограничного режима.

2. Средствами охраны зоны заграждения являются: а) агентура пограничных частей; б) пограничные наряды; в) бригады содействия.

3. Службу пограничных нарядов организовать в соответствии с оперативной обстановкой на необходимую глубину, но ввиду малочисленности застав разрешается приближать к линии бывшей границы.

4. Войсковую охрану (пограничными нарядами) организуют начальники застав на основе решений комендантов участков. Пограничные наряды высылать в основном подвижные с задачами наблюдения, проверки следов нарушения и поисков нарушителей... .

5. Применять оружие без предупреждения разрешается только в случае нападения на пограничные наряды. При задержании нарушителей оружие должно применяться только в крайнем случае и только после трехкратного оклика и предупредительного выстрела.

При побегах арестованных, задержанных и задерживаемых лиц, оружие применяется только тогда, когда исчерпаны все предупредительные меры (оклик, предупредительный выстрел) и нет возможности остановить их другими способами.

6. Пропуск через зону заграждения жителей тыловых местностей Союза ССР, западных областей Беларуси и Украины осуществляется контрольно-пропускными пунктами на основании пропусков, выдаваемых органами РК милиции в порядке приказа НКВД СССР № 001554 от 30 декабря 1939 года.

7. Всех задержанных, доставленных на заставу, помещать в помещение для арестованных. Задержание оформлять путем составления протокола задержания (в упрощенной форме)».

Об эффективности охраны зоны пограничного заграждения – бывшей советско-польской границы свидетельствует тот факт, что со времени ее установления до начала Великой Отечественной войны пограничными отрядами НКВД БССР здесь было задержано 174 783 нарушителя.

В охране зоны пограничного заграждения, как и охраны границы, большую помощь пограничникам оказывали жители пограничной полосы, которые о замеченных вблизи границы подозрительных лицах сообщали на заставы или сами задерживали нарушителей ….

Освободительный поход войск Красной Армии на Польшу начался 17 сентября 1939 года, и уже спустя день весь наш край был в тылу советской территории. 15 января 1940 года создан Докшицкий район. Служба пограничных отрядов зоны заграждения регламентировалась «Инструкцией НКВД СССР пограничным

частям Ленинградского, Белорусского, Украинского и Молдавского округов о порядке охраны зоны заграждения», утвержденной 27 декабря 1940 года.

Одним из примеров братских отношений народов Беларуси и России может служить обыкновенная история молодого пограничника и девушки из простой Белорусской деревни.

Владимир Афанасьевич Плюснин родился в Архангельской области 10 июля 1909 года. В 1934 году служил в Полоцком пограничном отряде на Советско-Польской границе (рис. 1).

Рис. 1. Владимир Афанасьевич Плюснин (стоит первый справа во втором ряду) с боевыми товарищами (1934 год)

До 1936 года Владимир Афанасьевич был командиром отделения в Березинском пограничном отряде, который дислоцировался в деревне Чисти-Вардомские. Рядом с этой деревней находились казармы пограничников и войсковой тир, где пограничники повышали военную подготовку.

В этой же приграничной с Польшей деревне Чисти-Вардомские Витебской области в 1939 году проживала Вера Фоминична Гнеденок. Она родилась 10 июля 1915 года в крестьянской семье.

В 1936 году перед войной вышла замуж за молодого пограничника-россиянина Владимира Афанасьевича Плюснина, который служил на Белорусско-Польской границе в качестве командира отделения.

В 1936 году Владимир Афанасьевич уволился в запас и уехал вместе с Верой Фоминичной в Архангельск.

С 1941 года В. А. Плюснин ушел воевать на Карельский фронт. В третьем лыжном батальоне 19 армии в качестве командира стрелкового взвода громил фашистов (рис. 2).

Рис. 2. Старший лейтенант Владимир Афанасьевич Плюснин (1945 год)

О том, как Владимир Афанасьевич воевал, говорят его награды, а их в то грозное время просто так никому не давали.

Затем был Японский фронт. На тот участок войны наше военное командование отправляло уже опытных бойцов и командиров.

Хоть такими мерами командование все-таки пыталось оградить молодых и не обстрелянных солдат, от их опрометчивой гибели.

В 1947 году В. А. Плюснин закончил войну победой над Японией. После этого активно участвовал на этот раз на трудовом фронте, восстанавливая разрушенное народное хозяйство.

«За свои боевые подвиги Владимир Афанасьевич награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной Войны первой степени, медалями (рис. 2). После войны продолжительный период работал главным энергетиком на СЕВЕРМАШЕ. Умер 21 октября 1972 года.

Вера Фоминична во время войны работала в госпитале и на лесосплаве. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.» Не стало ее 29 октября 2006 года.

У них родились трое детей – Плюснин Борис Владимирович, Плюснин Вячеслав (Слава) Владимирович и Плюснин (Пучкова) Наталия Владимировна, которые достойно хранили и хранят традиции своих героических родителей» [3].

Именно из таких, как уже говорилось ранее, миллионов обыкновенных историй наших белорусских и российских личностей формировались гражданские, братские отношения дружественных народов.

Гражданско-патриотическое воспитание молодого поколения на вековых традициях Беларуси и России является важнейшим условием сохранения мира в регионах наших государств.

Список литературы

1. Лях Ю. Г., Мельникова Т. Ю. Воспитательная работа среди молодежи в свете дружеских отношений братских народов России и Беларуси // Сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества в условиях современных глобальных вызовов : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (30–31 мая 2024 г.) / под общ. ред. Т. В. Золиной. Астрахань : Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, 2024. С. 42–47.

2. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой отечественной войне. Том 1-Книга первая (11.1938 г. – 12.1940 г.). Часть 5. № 141 // Мозохин.ru. URL: https://mozohin.ru/article/a-90.html.

3. Лях Ю. Г. Помнить, чтобы жить (исторические аспекты деревни Чисти-Мильчанские). Минск : ИВЦ Минфина, 2021. 212 с.

УДК 32.001:81'42

СООТНОШЕНИЕ КОНЦЕПТОВ «ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ», «ГОСУДАРСТВО» И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

М. А. Петров, Р. Н. Назар

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (г. Макеевка, Россия)

В работе рассматриваются теоретические подходы к определению понятия «государственность» в современном научном дискурсе. На основе анализа политической, философской и исторической литературы выявляется соотношение категорий «государство», «государственность» и «цивилизация». Обосновывается, что государственность представляет собой интегративное понятие, включающее институциональные, ценностно-культурные и процессуально-исторические измерения.

Ключевые слова: *государство, государственность, цивилизация, политическая традиция, национальная идентичность, цивилизационный подход.*

The article examines theoretical approaches to defining the concept of “statehood” in modern scientific discourse. Based on an analysis of political, philosophical, and historical literature, the correlation between the categories of “state”, “statehood” and “civilization” is identified. It is argued that statehood represents an integrative concept encompassing institutional, value-cultural and procedural-historical dimensions.

Keywords: *state, statehood, civilization, political tradition, national identity, civilizational approach.*

В современной политической науке, историографии и философии права понятие «государственность» остается одним из наиболее востребованных, но одновременно и дискуссионных. Несмотря на длительную традицию его использования, отсутствует единое, общепризнанное определение. Часто термин «государственность» употребляется как синоним понятия «государство», что приводит к концептуальной неопределенности и затрудняет анализ процессов политической организации общества. В то же время в условиях современных цивилизационных вызовов, трансформации национальных суверенитетов и поиска новых форм идентичности возникает необходимость в более строгом различении этих категорий.

Цель исследования – выявить содержание понятия «государственность» в его соотношении с категориями «государство» и «цивилизация», а также определить эвристический потенциал цивилизационного подхода для понимания государственности как социокультурного феномена.

В отечественной и зарубежной научной традиции длительное время доминировал институциональный подход, в рамках которого государство определялось через совокупность формальных признаков: наличие публичной власти, территории, суверенитета, правовой системы. Такое понимание восходит к классическим работам М. Вебера, определявшего государство как «отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (т. е. считающееся обязательным) насилие как средство» [1, с. 38]. В рамках этого подхода «государственность» часто выступала либо синонимом государства, либо обозначала степень развитости его институтов.

Однако уже в середине XX века исследователи обратили внимание на недостаточность чисто институционального подхода. Как отмечает С. П. Перегудов, «государственность – это не просто система институтов, но и способность общества поддерживать их функционирование на основе разделяемых ценностей и исторически сложившихся норм» [6, с. 15]. Данное различие приобретает принципиальное значение при анализе кризисных явлений: можно говорить о сохранении формальных институтов государства при утрате государственности как целостного качества политической жизни.

В современной российской науке утверждается понимание государственности как сложного, многоуровневого феномена, включающего три основных измерения: институциональное (система органов власти и правовых норм), функциональное (способность осуществлять управление и поддерживать порядок) и ценностно-идентификационное (легитимность власти в глазах населения, историческая преемственность, культурные основания политической организации). Как подчеркивает В. В. Ильин, «государственность аккумулирует исторический опыт народа, его представления о справедливом устройстве власти, традиции взаимодействия общества и государства» [4, с. 102].

Важным вкладом для различения исследуемых понятий стала работа В. Е. Чиркина, который предложил рассматривать государственность как «качественное состояние общества, характеризующееся наличием устойчивой политической организации, способной к самовоспроизводству и развитию на основе национально-культурной традиции» [7, с. 47]. В отличие от государства как формальной структуры, государственность предполагает укорененность политических институтов в социальной ткани, их признание обществом и способность к эволюционной трансформации.

Особую значимость для концептуализации государственности приобретает цивилизационный подход, получивший развитие в трудах Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и позднее – С. Хантингтона. В рамках этого подхода цивилизация понимается как устойчивая социокультурная общность, имеющая собственные ценностные основания, религиозные традиции, историческую память и формы политической организации. Государственность в этом контексте предстает не как универсальная форма, единая для всех обществ, а как конкретно-исторический способ бытия цивилизации. Одним из первых на связь государственности с цивилизационной спецификой обратил внимание Н. Я. Данилевский. В работе «Россия и Европа» он обосновывал, что политические формы не могут быть механически перенесены из одной культурно-исторической общности в другую, поскольку они органически связаны с глубинными слоями народной жизни. Данилевский писал: «государство есть не внешняя форма, а внутреннее содержание народной жизни, ее историческое выражение» [3, с. 124].

В современной науке цивилизационный подход к государственности развивается в рамках двух основных направлений. Первое (представленное, в частности, работами А. С. Панарина) делает акцент на культурно-ценностных основаниях политической организации. Панарин утверждает, что «государственность есть способ бытия цивилизации в политической форме; она сохраняет идентичность общества в условиях внешних вызовов и внутренних трансформаций» [5, с. 210]. Второе направление (связанное с исследованиями Б. С. Ерасова) акцентирует институциональное измерение цивилизации, рассматривая государственность как механизм, обеспечивающий устойчивость и преемственность цивилизационной общности. Цивилизационный подход позволяет преодолеть односторонность как формально-юридического, так и узко социологического понимания государства. Государственность в этой перспективе выступает как интегративная категория, объединяющая политические институты с исторической памятью, культурными кодами, религиозными традициями и коллективными представлениями о справедливом общественном устройстве.

Проведенный анализ позволяет предложить следующую схему соотношения рассматриваемых понятий. Категория «государство» обозначает преимущественно формально-институциональный аспект: систему органов власти,

правовых норм, территориальной организации, суверенитета. Государство может быть описано через универсальные признаки, применимые к различным историческим эпохам и регионам.

«Государственность» является более широким и многомерным понятием. Она включает в себя не только институциональные структуры, но и: 1) историческую преемственность политических форм; 2) легитимность власти, основанную на традиции и общественном признании; 3) способность общества к самовоспроизводству политической организации; 4) ценностно-культурные основания политического порядка. Государственность всегда конкретна, она формируется в рамках определенной национально-культурной традиции и не может быть сведена к универсальным признакам.

«Цивилизация» выступает как наиболее широкая категория, обозначающая устойчивую социокультурную общность, обладающую собственной идентичностью, ценностной системой и исторической судьбой. Государственность в рамках цивилизационного подхода понимается как форма политической организации цивилизации, обеспечивающая ее самосохранение и развитие. Как отмечает В. Н. Шевченко, «государственность есть тот мост, который соединяет абстрактное понятие цивилизации с конкретными механизмами политического управления и социальной интеграции» [8, с. 88].

Разграничение понятий «государство», «государственность» и «цивилизация» имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно позволяет более адекватно анализировать процессы политической трансформации, кризисы государственности и пути их преодоления.

Так, в постсоветской истории России отчетливо проявилось различие между формальным существованием государственных институтов (Российская Федерация как правопреемница СССР) и необходимостью восстановления государственности как целостного качества, включающего укрепление легитимности власти, восстановление исторической преемственности и формирование общенациональной идентичности. Как подчеркивает О. В. Гаман-Голутвина, «восстановление государственности – это не только институциональное строительство, но и реконструкция культурно-символического пространства, коллективных представлений о месте страны в мире и ее историческом предназначении» [2, с. 124].

Цивилизационный подход к государственности позволяет также объяснить различия в политическом развитии обществ, которые при формальном институциональном анализе выглядят сходными. Например, государства, имеющие схожие конституционные формы, могут демонстрировать принципиально разный уровень устойчивости, легитимности власти и способности к интеграции общества. Эти различия заложены в особенностях цивилизационного развития, исторической традиции и характере взаимоотношений общества и государства.

Кроме того, различение рассматриваемых категорий имеет методологическое значение для междисциплинарных исследований. Политология традиционно фокусируется на институциональных аспектах государства. Историческая наука обращается к государственности как процессуальной характеристике, раскрывающей эволюцию политических форм. Философия и культурология вводят цивилизационное измерение, позволяющее связать политическую организацию с глубинными ценностными основаниями. Синтез этих подходов возможен именно на основе категории «государственность», объединяющей институциональные, процессуальные и ценностные аспекты.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости концептуального различения понятий «государство», «государственность» и «цивилизация» в современной науке. Государство представляет собой формально-институциональную структуру, обладающую универсальными признаками. Государственность является более широкой категорией, аккумулирующей исторический опыт, культурные основания и способность общества к самовоспроизводству политической организации. Цивилизационный подход позволяет рассматривать государственность как форму бытия национально-культурной общности, обеспечивающую ее устойчивость и преемственность.

В условиях современных вызовов – глобализации, кризиса традиционных форм суверенитета, поиска новых идентичностей – обращение к категории государственности приобретает особую актуальность. Она позволяет выйти за рамки формально-юридического анализа и включить в исследовательскую оптику ценностные, культурные и исторические измерения политической жизни. Дальнейшая разработка этой категории требует интеграции усилий политологов, историков, философов и правоведов, а также обращения к сравнительным исследованиям различных цивилизационных традиций.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
2. Гаман-Голутвина О. В. Государственность в зеркале политических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 117–131.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 576 с.
4. Ильин В. В. Государственность: теория и практика. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2014. 320 с.
5. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Алгоритм, 2002. 496 с.
6. Перегудов С. П. Государственность как категория политической науки // Политические исследования. 2011. № 3. С. 13–27.
7. Чиркин В. Е. Государствоведение. М. : Юристъ, 1999. 400 с.
8. Шевченко В. Н. Цивилизация и государственность: теоретико-методологические аспекты // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 82–93.

УДК 37.034

ДУХОВНЫЕ КОРНИ: КАК ЛЮБОВЬ К МАЛОЙ РОДИНЕ РОЖДАЕТ ЛЮБОВЬ К БОЛЬШОЙ СТРАНЕ (из практики работы воскресной школы: эффективные формы и методы патриотического воспитания)

И. М. Прокудина
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
(г. Тамбов, Россия)

Рассматриваются особенности духовно-нравственного и патриотического воспитания детей и подростков с использованием разных эффективных форм работы.

Ключевые слова*: Родина, патриотизм, малая родина, духовность, история, творчество, ремесла.*

The features of spiritual, moral, and patriotic education of children and adolescents using various effective forms of work are discussed in the article.

Keywords*: Motherland, patriotism, small homeland, spirituality, history, creativity, crafts.*

В далеком 1968 году для художественного фильма «Щит и меч» композитором Вениамином Баснером и поэтом Михаилом Матусовским была написана песня «С чего начинается Родина?». Она стала неофициальным гимном любви к своей земле, своей малой родине. Для кого-то Родина – это карта мира, для кого-то – символы государства – флаг и гимн, а для большинства из нас – место, где прошло детство: двор, улица, село или город, лесок, речушка или берег моря, голос мамы, руки отца, бабушкино рукоделие. Именно здесь из глубин нашей памяти вырастает щемящее чувство, именуемое «патриотизм».

Патриотизм – это гораздо больше, чем чувство гордости за свою страну. Это очень сложное, многогранное явление, пронизанное глубокими духовными корнями эмоциональной привязанности человека к своему прошлому, настоящему и будущему. Настоящая любовь к Родине не воспитывается только на учебниках или митингах; крикливые лозунги не пробудят в душе чувство причастности к великому. Настоящая любовь зарождается там, откуда она берет свое начало в сердце каждого человека – гражданина страны – когда он испытывает нежные чувства к родным местам своего детства, ставшим неотъемлемой частью его самого. Эти самые первые связи между человеком и местом, где он появился на свет, создают основу для формирования настоящего патриотизма.

Именно изучение истории родного края (краеведение), представляющее собой живой процесс исследования местной культуры, традиций, обычаев и обрядов, исторических событий и природных объектов, позволяет преодолеть дистанцию между абстрактным понятием «Отечество» и личным восприятием Родины. Оно становится мостиком от глобальной исторической перспективы

к конкретным фактам собственной биографии, раскрывая перед каждым картину прошлого, насыщенную яркими деталями и живыми примерами людей, оставивших след в истории родного края.

В итоге краеведение приобретает особое значение, становясь «краелюбием». Это важный механизм гражданского воспитания, способствующий формированию глубокой личной ответственности каждого молодого человека за судьбу страны и готовность внести личный вклад в ее развитие, а не просто очередной школьный предмет.

От абстрактного к личному: почему «малая родина» важна

Детям и подросткам сложно осознать всю масштабность понятия «страна», особенно когда речь идет о такой огромной территории, как наша Россия – «шестая часть земли» – с богатой тысячелетней историей. Для школьников географическая карта – всего лишь условный рисунок с набором названий городов и рек, лишенный личностного смысла и живых эмоций.

Однако все меняется, стоит нам обратить внимание на историю места, где дети живут. История конкретного региона, города или села воспринимается совершенно по-другому, потому что связана вплотную с повседневным опытом учеников. Узнавая историю, подробности жизни знаменитых земляков, изучая местные достопримечательности, участвуя в краеведческих экспедициях, ребята начинают ощущать личную связь с прошлым и настоящим. Постепенно приобретая и расширяя знания, дети осознают сопричастность с судьбой всех граждан страны и понимают собственную ответственность за будущее большого Отечества.

Благодаря такому подходу формируется важнейший аспект патриотической идентичности: переход от понимания любви к малой родине к осознанной любви к большой стране. Этот путь является естественным процессом формирования гражданской личности, позволяющей человеку органично включиться в общество, обрести устойчивые моральные ориентиры и стать полноценным гражданином своей страны.

Рассмотрим теперь, как из «малой» любви вырастает чувство любви к Родине.

Малая родина как духовный фундамент

Малая родина – это не просто географическая точка, это:

- первые впечатления детства: лесок с его дарами, речка с первой рыбалкой, школьный двор в первый сентябрьский день, запахи скошенной травы или хлеба;
- семейные традиции, альбомы с пожелтевшими фотографиями, навыки рукоделия, передаваемые из поколения в поколение;
- рассказы бабушек и дедушек о том, как жили раньше, какие испытания прошли;
- местные обычаи, праздники, песни, сказки, предания, легенды;
- имена земляков, которыми гордится село или город.

Все это формирует у ребенка ощущение принадлежности к семье и сопричастности с тем местом, где он живет, а позже – и со всей огромной страной, частью которой является его малая родина.

«Любовь к родному краю, родной культуре, родной речи начинается с малого – с любви к своей семье, к своему жилищу, к своему детскому саду. Постепенно расширяясь, эта любовь переходит в любовь к родной стране, к ее истории, прошлому и настоящему, ко всему человечеству», – писал академик Д. С. Лихачев [1, с. 6].

Практические шаги для воспитания любви к Родине

Для осознания неразрывной связи малой родины и Отечества можно использовать разные формы работы:

- краеведческие проекты – «История моей улицы», «Знаменитые земляки», «Экологические проблемы нашего края»;
- семейные архивы – сбор фотографий, писем, воспоминаний, создание мини-музея дома или в школе;
- социальное участие – помощь ветеранам, уборка территорий, формирующие гражданскую позицию;
- культурные события – участие в народных праздниках, фестивалях, мастер-классах по традиционным ремеслам.

Ярким примером патриотического воспитания подрастающего поколения стала воскресная школа при храме святителя Николая, Мирликийского Чудотворца в селе Пушкари Тамбовского района Тамбовской области. Все началось осенью 2021 года, когда открылась воскресная школа. Настоятель храма священник Максим Насонов, чтобы заинтересовать детей и родителей историей храма и села, провел изыскательские работы в областном архиве. По метрическим книгам восстановил старейшие фамилии сельчан, изучил историю поселения древних артиллеристов-пушкарей, историю строительства церкви, насчитывающей более 120 лет.

Потом уже, в процессе работы школы, возникла идея возрождения ремесел, какими славились местные мастера. Начали с того, что попроще – вязание. На помощь педагогам пришли бабушки-мастерицы, прихожанки храма.

Весной появилась мысль о походе на Татарский вал. Так называется на Тамбовщине часть Засечной Белгородско-Симбирской укрепленной линии, насыпного земляного вала, построенного для защиты южных границ Российского государства в XVII веке. Этот историко-культурный объект проходит всего в паре километров от села Пушкари. К сотрудничеству пригласили историков Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина. Дети и родители, живущие рядом с этим памятником истории, многого не знали ни об истории, ни об уникальной растительности вала. Интерес к прошлому стал возрастать [2].

Поскольку прародителями современных пушкарцев были представители казачьего сословия, которые еще со времен основания города-крепости Тамбов в 1636 году были переселены с Дона, Терека, появился замысел проведения Фестиваля казачьей культуры. Местные жители приняли активное участие в организации и проведении праздника. Тогда, в 2022 году, никто не думал, что фестиваль станет постоянным. Ныне он включен в областной календарь культурных событий.

Тем временем в школе открыли небольшой этнографический музей, экспонаты для которого передавали жители села. В 2024 году была организована мастерская «Трудолюбивая Марфа», объединившая воспитанников, педагогов и родителей по различным направлениям декоративно-прикладного творчества. У воспитанников воскресной школы популярностью пользовались традиционные ремесла: вязание крючком и спицами, ткачество, вышивка (рис. 1) [2].

Рис. 1. Мастерская «Трудолюбивая Марфа»

Параллельно в школе работает краевед-реконструктор, ветеран военных действий в Афганистане, бескорыстно участвующий в воспитании подрастающего поколения. Этот удивительный человек пытается возродить живую историю, попутно прививая детям любовь к родному краю, обучая их работе с деревом и металлом. Он воссоздает оружие, костюмы и макеты оборонительных элементов крепости Тамбова (рис. 2).

Рис. 2. Оружие, костюмы и макеты оборонительных элементов крепости Тамбова

В 2025 году в воскресной школе была создана гончарная мастерская. Лучше всего приходить в школу гончаров всей семьей, ибо традиционно на Руси гончарное искусство было семейным ремеслом.

На примере одной из многочисленных школ показано, что всестороннее формирование любви к родному краю через изучение истории, возрождение традиционных ремесел возможно патриотическое воспитание детей в современном мире. Любовь к своей малой родине станет прочной опорой для подрастающего поколения, поможет сохранить идентичность в мире, где все меняется с космической скоростью, сформирует осознанное отношение к России – стране, которую будут готовы защищать и беречь, начиная с того места, которое называется домом.

Список литературы

1. Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 2014. 30 с.

2. Сайт Никольского храма села Пушкари Тамбовского района. URL: https://hrampushkari.ru/.

УДК 316.7:004.8

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

М. М. Рабаданов, Л. С. Кузякина, О. А. Моглова
Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

В условиях разрыва между традиционными формами передачи культурного наследия и цифровыми привычками молодежи информационные технологии становятся новым «языком» трансляции духовно-нравственных ценностей. Астраханская область с ее уникальным этноспортивным наследием (верблюжьи бега, байга и др.) рассматривается как пилотная площадка для создания цифровых симуляторов национальных игр. Предлагаемая инициатива синхронизирована с федеральной политикой. Цифровые симуляторы позволят сохранить, популяризировать и передать традиционные ценности (коллективизм, силу духа) через естественный для молодежи игровой формат.

Ключевые слова: *информационные технологии, цифровые симуляторы, национальные виды спорта, этноспорт, Астраханская область.*

In the context of a growing gap between traditional forms of transmitting cultural heritage and the digital habits of young people, information technologies are becoming a new "language" for conveying spiritual and moral values. The Astrakhan region, with its unique ethnosport heritage (camel racing, baiga, etc.), is considered a pilot platform for creating digital simulators of traditional ethnic games. The proposed initiative is aligned with federal policy. Digital simulators will make it possible to preserve, promote, and transmit traditional values (such as collectivism and fortitude) through a game format that is natural for young people.

Keywords: *information technologies, digital simulators, national sports, ethnosport, Astrakhan region.*

Информационная среда, доминирующая для подрастающего поколения, зачастую транслирует ценности, чуждые традиционным укладам народов России. Разрыв между традиционными формами передачи культурного наследия и цифровыми привычками молодежи ставит вопрос о поиске нового «языка» коммуникации. В качестве такого инструмента все чаще рассматриваются информационные технологии, в частности.

Астраханская область – уникальный многонациональный регион, который сохранил богатый пласт традиционных игр и состязаний (верблюжьи бега, лапта, байга и др.). Многообразие этнического состава нашего региона превращает его в уникальную площадку для сохранения традиционной физической культуры. Здесь проживают русские, казахи, татары, а также ногайцы, чеченцы и другие. В ряде сел доля казахского населения достигает 80–100 %.

Уникальный региональный бренд – верблюжьи бега. Астраханская область – это единственное место в России, где проводятся гонки на двугорбых

верблюдах, развивающих скорость до 60 км/ч [1, 2]. Соревнования организуются с 2000 года, участвуют специально подготовленные верблюды. Другие национальные игры русских, казахов, калмыков находятся под угрозой утраты, так как правила игры передаются только устно. Оцифровка поможет создать их «цифровой слепок», сохранить правила, механику и философию. В нашем регионе уже есть успешные прецеденты цифровизации культуры: интерактивный музей «Дом с историей» и проект «Нейросети оживляют историю».

Министерство спорта Российской Федерации анонсировало разработку компьютерных симуляторов лапты и городков; Комитет национальных и неолимпийских видов спорта совместно с Федерацией компьютерного спорта России запустил акселератор по созданию игр на тему этноспорта [3, 4]. Предлагаемая инициатива авторов полностью синхронизирована с государственной культурной политикой. Кроме того, 93 % российской молодежи 12–24 лет регулярно играет в компьютерные игры. Игровая среда – их естественный язык. Правильно спроектированный симулятор этноигр (верблюжьи бега – аркадный гоночный; лапта – командный спортивный; байга – экшен-симулятор) будет способствовать формированию ценностных установок через собственный игровой опыт и сохранению традиций многонациональной Астрахани.

Цифровые симуляторы – действенный мост между традицией и современностью. Они позволят сохранить, популяризировать и передать духовно-нравственные ценности в формате, естественном для молодого поколения. Астраханская область обладает уникальным этноспортивным наследием, которое может стать основой для пилотного регионального проекта.

Кроме того, полезным дополнением стало бы создание цифрового каталога – энциклопедии народных игр нашего региона с правилами, видео и ссылками на симуляторы и его использование на уроках краеведения.

Список литературы

1. Национальные виды спорта и игры народов России : информационно-методическое издание. Екатеринбург, 2022. 120 с. URL: https://xn--80aaao0biipc3a1g.xn--b1ag8a.xn--p1ai/новости/16721.

2. Верблюжьи бега в Астраханской области: из истории уникальной традиции // Лотос ГТРК «Астрахань». 25 мая 2023. URL: https://lotosgtrk.ru/news/na-vserossiyskom-selskom-sabantue-pod-astrakhanyu-proydut-verblyuzhi-bega/.

3. Полулях Е. В. Методы геймификации в условиях цифровой трансформации образования // Образование и наука. 2024. № 3. URL: https://elib.wku.edu.kz.

4. В России хотят сделать видеоигру про городки // Газета.Ru. 5 ноября 2025. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/11/05/27112442.shtml.

УДК 37.035.6

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Е. В. Рыжкова, Г. Б. Абуова
Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

Рассматриваются особенности формирования исторической памяти молодежи и ее значение для гражданско-патриотического воспитания. Историческая память является одним из ключевых факторов, определяющих идентичность личности и ее отношение к собственной стране, а гражданско-патриотическое воспитание, в свою очередь, направлено на формирование активной гражданской позиции и чувства гордости за свое Отечество. В условиях стремительных общественных изменений и высокой информатизационной нагрузки, сохранение и трансляция исторического опыта молодому поколению приобретают особую актуальность, так как именно через призму прошлого закладываются основы настоящего и будущего.

Ключевые слова: *историческая память, гражданско-патриотическое воспитание, молодое поколение, идентичность, наследие, ценности, патриотизм, история, Россия.*

The article examines the formation of historical memory among young people and its significance for civic and patriotic education. Historical memory is one of the key factors that determine an individual's identity and their attitude towards their own country, while civic and patriotic education aims to foster an active civic stance and a sense of pride in one's homeland. In today's rapidly changing and highly information-saturated society, preserving and transmitting historical experiences to the younger generation becomes increasingly important, as it lays the foundation for the present and the future.

Keywords: *historical memory, civic and patriotic education, young generation, identity, heritage, values, patriotism, history, Russia.*

Историческая память, являясь коллективным достоянием общества, играет неоценимую роль в формировании гражданской идентичности. Она представляет собой не просто совокупность знаний о прошлых событиях, но и живой, постоянно переосмысливаемый пласт культурного наследия, который позволяет каждому гражданину ощутить себя частью большой истории своей страны [1].

Процесс формирования ценностных ориентаций неразрывно связан с усвоением исторического опыта. Героические подвиги, самоотверженность, борьба за идеалы – все это становится неотъемлемой частью нравственного компаса. И наоборот, осмысление ошибок и уроков прошлого, будь то периоды поражений или упущенных возможностей, способствует выработке критического мышления и формированию ответственности за будущее.

В этом контексте особое значение приобретает понятие «исторического нарратива». Это не просто последовательное изложение исторических событий, но целостная система интерпретаций, формирующая определенный взгляд

на прошлое, настоящее и будущее. В Российской Федерации, учитывая сложность и многогранность отечественной истории, создание и трансляция таких нарративов, которые бы опирались на достоверные факты и способствовали укреплению общенационального единства, являются одной из ключевых задач. Влияние этих нарративов на мировоззрение молодежи поистине велико, поскольку они определяют не только то, как молодые люди воспринимают историю, но и как они видят свою роль в построении будущего страны.

Формирование исторической памяти у молодого поколения – это многогранный процесс, в котором задействованы различные институты и сферы жизни общества [2].

Особую роль играет семья, где зачастую закладываются первые представления о прошлом через семейные истории, рассказы старших, традиции и отношение к памятным датам. Школьная и вузовская программы, деятельность учителей и преподавателей, сама методика преподавания истории определяют глубину и полноту освоения учащимися исторического опыта. Не менее важными являются средства массовой информации и культура, которые, транслируя информацию в различных форматах – от документальных фильмов и книг до художественных произведений и музейных экспозиций, формируют общественное мнение и оказывают мощное воздействие на сознание молодежи.

Для эффективного формирования исторической памяти необходимо использовать как традиционные, так и современные подходы. Посещение музеев различных уровней (от федеральных до местных краеведческих), работа с архивными материалами, участие в поисковой работе и экспедициях позволяют молодежи прикоснуться к истории напрямую, почувствовать ее живость и достоверность. Вместе с тем интерактивные технологии – виртуальные экскурсии, образовательные игры, мультимедийные платформы – открывают новые возможности для вовлечения молодежи в изучение истории, делают процесс более динамичным и увлекательным, способствуя лучшему запоминанию и осмыслению информации [3].

Одной из наиболее острых проблем на пути формирования адекватной исторической памяти является искажение исторических фактов – намеренное или случайное. Это может происходить под влиянием идеологических тенденций, ложных новостей и целенаправленной пропаганды. Для противодействия этому явлению необходимы комплексные методы: развитие критического мышления у молодежи, обучение навыкам верификации информации, популяризация научных исследований, поддержка независимых источников информации, а также публичное осуждение и опровержение дезинформации. Важна также открытая дискуссия и возможность разных точек зрения, основанных на достоверных данных.

Историческая память – это не просто совокупность фактов и событий прошлого, а живая, постоянно развивающаяся система представлений о нем, которая

оказывает фундаментальное влияние на формирование идентичности, ценностных ориентаций и гражданской позиции личности. В контексте гражданско-патриотического воспитания молодого поколения историческая память выступает краеугольным камнем, позволяющим укоренить чувство принадлежности к своей стране, понимание ее уникального пути развития и готовность служить ей.

Глобализация, сопровождающаяся информационным изобилием и многообразием интерпретаций прошлого, может приводить к размыванию национальных нарративов и ценностей. Молодое поколение, погруженное в цифровое пространство, сталкивается с потоком информации, зачастую противоречивой и далекой от объективности. Это требует от нас не только защиты от искажений истории, но и активного поиска новых, современных форм ее осмысления и представления.

Перед системой образования и общественными институтами стоит задача освоения новых, интерактивных и вовлекающих форматов гражданско-патриотического воспитания. Традиционные методы, такие как лекции и уроки истории, нуждаются в дополнении проектной деятельностью, посещении музеев, интерактивных выставок, использовании мультимедийных технологий и вовлечении молодежи в поисковую и исследовательскую работу. Особую актуальность приобретает развитие критического мышления, умения анализировать информацию и самостоятельно формировать собственную позицию на основе проверенных исторических данных.

Не менее важным является и налаживание диалога между поколениями. Старшее поколение является носителем живой памяти, личного опыта и уникальных историй, которые обогащают понимание прошлого. Встречи с ветеранами, участие в торжественных мероприятиях, семейные предания – все это способствует укреплению связей с историей. Создание платформ для такого диалога, где молодежь может задавать вопросы, делиться своими исследованиями и получать обратную связь от старших, является ключевым условием для формирования устойчивой исторической памяти и гражданской ответственности. В Российской Федерации, с ее богатой и сложной историей, этот аспект приобретает особую значимость, способствуя укреплению национального единства и возникновению у подрастающего поколения чувства гордости за свою страну и готовности внести свой вклад в ее будущее [4].

Историческая память выступает устойчивым фундаментом для формирования гражданской идентичности молодого поколения, обогащая его ценностными ориентациями, чувством причастности к истории и уважением к прошлому. Осознанное осмысление как триумфов, так и трагедий национальной истории, подкрепленное критическим мышлением и способностью отличать правду от искажений, становится залогом ответственного гражданского поведения.

В условиях стремительных глобализационных процессов и безграничного информационного потока задача сохранения преемственности и налаживания диалога поколений приобретает особую актуальность. Использование традиционных и новаторских, интерактивных форм работы с историческим наследием, от музейных экспозиций до виртуальных путешествий, призвано пробудить интерес молодежи к прошлому и вовлечь ее в активную историко-патриотическую деятельность.

Для обеспечения устойчивого развития российского общества необходим консолидированный, выверенный подход к формированию исторической памяти. Только совместными усилиями семьи, образовательных учреждений, культурных институтов и общественности мы сможем сохранить и приумножить бесценное историческое наследие, передав будущим поколениям в его подлинном, осмысленном виде, как основу для формирования сильной и единой гражданской нации.

Список литературы

1. Панюкова О. Н. Историческая память как основа гражданско-патриотического воспитания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2020. С. 45–49.

2. Алексеева И. А. Историческая память как фактор формирования гражданской идентичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. С. 68–76.

3. Белова Н. М. Гражданско-патриотическое воспитание личности в условиях информационного общества. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2017. 152 с.

4. Петров С. А. Региональные аспекты гражданско-патриотического воспитания: роль локальной исторической памяти // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. С. 115–122.

УДК 304.44

ФУНКЦИИ НАУКИ В ФОРМАТЕ СОЦИОПРИРОДНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ: ЦЕННОСТИ И АНТИЦЕННОСТИ

Е. А. Шишкина

Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

В статье рассматриваются функции науки с позиции ее участия в развитии ценностного экологоориентированного мировоззрения и становления природосберегающих антропогенных практик. Одновременно определяется ее значимость в формировании экономизированного потребительского менталитета, выступающего главным моральным регулятором социоприродных противоречий и источником истребления природных ресурсов.

Ключевые слова: *наука, социоприродные противоречия, ценностные ориентации.*

The article examines the functions of science from the standpoint of its participation in the formation of an environmentally oriented value worldview and the formation of environmentally friendly anthropogenic activities. At the same time, its significance in the formation of an economized consumer mentality, which acts as the main regulator of socio-natural relations and a source of destruction of natural resources, is determined.

Keywords: *science, socio-natural contradictions, value orientations.*

Глобальные противоречия, сложившиеся между обществом и средой обитания, предстали важнейшими характеристиками времени и потребовали поиска каналов гармонизации отношений природы и человечества. Наука обозначилась здесь не только инструментом познания истоков тотального экологического кризиса, но и механизмом регуляции социоприродных взаимодействий, способом формирования идеологических ценностных ориентиров общественного сознания. Однако история науки, как подмечает И. Пригожин, не есть линейное движение к истине путем последовательных приближений, она изобилует противоречиями и неожиданными поворотами [11], потому векторы ее развития множественны и неоднозначны.

Будучи погруженной в пространство всеобщих конфликтов и несообразностей времени, ознаменовавших собой переход социальной системы на новый уровень развития, наука оказалась подчиненной всем противоречиям, которые переживает человечество на стадии переорганизации общественного порядка. Старт порабощения природного пространства приходится, вероятно, на XIX век, когда, обнаружив несметные природные богатства, наука манифестировала возможность использования ресурсов планеты не только для жизнеобеспечения, но и для обогащения. В отличие от Античности с ее созерцательной методологией познания природной среды и невмешательством в ее жизнь наука Нового времени породила «человека-рацио», о котором начинает говорить М. Вебер [1, 2] и который за небольшой промежуток времени трансформировался в Homo economicus[1]. Эти метаморфозы избавили общество от потребности поклонения природе, создали устойчивую мотивацию ее подчинения и порабощения, о чем красноречиво свидетельствует крылатое выражение И. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача» [9].

Чем больше прибыли от природы получал человек, тем сильнее он верил во множество порожденных наукой иллюзий о неисчерпаемости ее благ, возможности преодоления социального неравенства и иных проблем путем ее эксплуатации, своем безграничном всемогуществе над ней. В то же время идеи о природопользовании как способе экономического обогащения и природе как неисчерпаемом источнике жизнеобеспечения имели своих оппонентов, к примеру, в лице Ф. Энгельса или В. И. Вернадского. В частности, Ф. Энгельс оставил человечеству пророческое предупреждение, советуя не обольщаться своими

[1] Homo economicus (лат.) – человек экономический.

победами над природой, потому как за каждую из них она нам мстит. После достижения поставленных нами целей следуют совсем другие, непредвиденные последствия, зачастую уничтожающие значение первых [15, с. 142–143]. Менее столетия потребовалось для того, чтобы глобальный социум погрузился в пучину экологических катастроф и убедился в верности этих прогнозов.

Немногим позже В. И. Вернадский, концептуализируя феномен ноосферы как сферы человеческого разума, называет человечество мощной геологической силой, ответственной за гармонизацию социоприродных отношений и сохранение всей биосферы [3]. Однако убедительные доводы в пользу эколого-ориентированных социальных ценностей в большинстве случаев уступали по силе аргументации экономическим интересам общества. Возможно, поэтому, как заметили И. А. Сосунова и соавторы, естественно-научная сфера, выступая опорой современного рационализма, оказалась неспособной предвидеть последствия антропогенных практик по использованию естественных ресурсов. Технологический прогресс, обретя лавинообразные формы, стремительно изменил естественнонаучную картину природной среды [14, с. 11].

В свою очередь, инвайронментальная социология, стартовавшая в 80-х годах XX столетия и затронувшая вопросы разрушительного влияния антропогенной деятельности на природную среду, заявила себя как научное направление новых стилей рациональности. Ее концептуальный каркас был построен на работах классиков научной школы – Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, К. Маркса. Существенную роль в создании ценностных научных ориентиров сыграли школы эволюционизма и натурализма, ставшие трамплином для диалога естественной среды обитания и глобального социального сообщества. Но и этот значимый шаг в направлении переоценки ценностей и формирования устойчивого природоохранного менталитета не смог опередить темпы деэкологизации, проявляющейся в потреблении ресурсов и техногенном загрязнении, подкрепляемых широким спектром научных теорий и парадигм, заинтересованных в экономическом благополучии человечества.

Сегодня в структуре социальных ценностей по-прежнему преобладают материалистические ориентации, противостоящие возможности экологизации социальных практик [7, с. 138]. Наука превратилась в платформу повсеместных социальных рисков: триумфальные технологии общественного процветания трансформировались в средства социального самоуничтожения. В творческом стремлении к созданию новых технологий, стимулирующих научные открытия, В. И. Данилов-Данильян и К. С. Лосев увидели еще более изощренный способ освоения и потребления природных ресурсов [5, с. 74]. Весьма характерным для нашего времени стал и облик представителей научного сообщества, среди которых, по мнению Д. С. Лихачева, мало осталось тех, по которым коллеги и ученики сверяли бы поступки, как по этическому камертону [6, с. 113].

В результате к началу XXI века наука оказалась неспособной разрешать стратегические вопросы глобального социального развития, но не от слабости аргументации и неумения преодолевать актуальные трудности. Сегодня она настолько приспособилась к установившемуся порядку господствующих социальных отношений и отождествила истину с получением пользы, что вывести ее из этого состояния можно, лишь нарушив классический порядок общественного развития [4, с. 8]. Вопреки попыткам противостоять современным тотальным рискам, взращенным на почве ценностных дефектов общественного сознания и доминирования экономической политики над экологическими интересами, наука все более утрачивает свою мировоззренческую функцию, регулирующую социоприродные отношения на основе нравственных постулатов и противостояния экологической экспансии. Преследуя экономические цели, достижение которых определенно зависит от ресурсных возможностей природы, наука соблазнила человека перспективой всемогущества, обусловила отчуждение его от природы и тем самым повела по пути самоуничтожения [7, с. 8]. Она оказалась неспособной включить в свои теоретические форматы взаимоотношения между человеком и окружающей средой [12, с. 8].

Тем не менее полипарадигмальность как методологическая основа познания социальной реальности в современных условиях хотя зачастую и создает концептуальную множественность и неразбериху, все же предоставляет широкие возможности для конструирования картины мира на основе социоприродной гармонии. По мнению В. Г. Немировского, переход науки на этап постнеклассического развития повлек за собой кризис научного рационализма, в связи с чем важность обрел анализ массового сознания и массового бессознательного [10]. Все больше состояние и качество экологического пространства определяется ценностными характеристиками общества. Стратегии потребительства угрожают благополучию естественной среды, здоровью биосферы и самого человека. Экологические риски, стимулируемые гедонистической этикой, подчинены универсальным процессам и в условиях социальных бифуркаций, описываемых И. Пригожиным, способны дать толчок к новым эволюционным перестройкам, которые приведут к капитальному переконструированию всей естественной среды обитания. И, поскольку человечество к нему не готово, от науки требуются хотя бы самые общие показатели возможных опасностей, определяющих движение ускоренной эволюции всего живого на планете [13].

Несоответствие между темпами потребления природных ресурсов и объемами научных знаний, ориентирующих человечество на защиту естественной среды обитания, произрастает из материальных притязаний общества, превосходящих его духовные ценности и подчиняющих науку экономическим потребностям. Ее очередные попытки найти средства разрешения противоборствующих отношений между глобальной геоэкономикой и глобальной геоэкологией

обусловили появление множества научных направлений. В частности, одна только система социологического знания представлена такими экологоориентированными областями, как инвайронментальная социология, экологическая социология, социальная экология, социология риска, социология экологической культуры и др. Взаимодействия природной среды и человека изучаются в рамках Чикагской школы (Э. Берджесс, Р. Парк, Р. Макензи), функционалистской экосоциологии и целого ряда естественных и технических наук. Но и они обнаруживают лишь теоретические успехи.

Таким образом, функции науки в решении глобальных социоприродных дилемм неоднозначны и противоречивы. В современных условиях она пока не располагает способностью создания надежных инструментов защиты естественной среды обитания от чрезмерного посягательства на нее со стороны ориентированного на экономические блага человечества. Становление экологического сознания есть процесс длительного противоборства ценностей и антиценностей, где науке отведена значимая роль, но при условии ее полного переформатирования на духовные потребности.

Список литературы

1. Вебер М. Феодализм, «сословное государство» и патримониализм : пер. с нем. / пер. и комм. А. Ю. Антоновского // Ойкумена : альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Харьков, 2011. Вып. 8.

2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Господство. М. : Издательский дом «Высшая школа экономики», 2019.

3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

4. Григорьев С. И., Субетто А. И. Основы неклассической социологии: новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX–XXI веков. М. : РУСАКИ, 2000.

5. Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М. : Прогресс-традиция, 2000.

6. Лихачев Д. С. Мысли о жизни, истории, культуре. М. : Российский фонд культуры, 2006.

7. Магомедов М. Г. Экологические ценности в структуре социальных ориентаций российской молодежи // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11 (58), № 6.

8. Майоров Г. Г. Философия как искание Абсолюта. М. : 2004 ; Безопасность Евразии. 2005. № 3 (21).

9. Мичурин И. В. Итоги шестидесятилетних работ. 5-е изд. М. : Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1949.

10. Немировский В. Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии. URL: http://conf.ipps.institute.sfu-kras.ru/sites/ipps.institute.sfu-kras.ru/files/publications/Massovoe_soznanie_i_bessoznatelnoe_kak_obekt_postneklassicheskoy_sociologii.pdf.

11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. URL: https://707.su/RWa9.

12. Привалов Н. Г. Цикличность в развитии гражданского общества // Циклы : материалы IV Международной конференции. Ставрополь, 2002. Ч. 2.

13. Реймерс Н. Ф. Экология (теории, законы, правила принципы и гипотезы). М. : Журнал «Россия Молодая», 1994. 367 с. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/WHBB0iVX2cN8Ix3wtrjZH_Y3W9ujf2jxuNz03nA1dd4W4e11jKvbrW-HUJcJUwWKJ3AJrPYq2sUriUlC8Vv2Nrz87DfxHKtm6DwobtRFJX7sY0kG/Reymers_Ekologia.pdf.

14. Сосунова И. А., Рыбальский Н. Г., Самотесов Е. Д. Методология и методика общественного участия в подготовке и принятии экологически значимых решений. М. : Национальное информационное агентство «Природные ресурсы», Российское экологическое федеральное информационное агентство, 2004.

15. Энгельс Ф. Диалектика природы. М. : ОГИЗ, Госполитиздат, 1941.

УДК 94 (470)

ДНК-ГЕНЕАЛОГИЯ КЛЕСОВА ПРОТИВ НОРМАННСКОЙ ТЕОРИИ

К. Д. Яксубаев, А. Р. Ибляминова, А. В. Тюлюпова

Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

В статье проводится логический анализ работ российских и зарубежных ученых, разгромивших до основания ложную и вредную норманнскую теорию. Норманнская теория – одно из проявлений той идеологической войны, которую ведет Запад против России на протяжении многих столетий. Современные достижения новой великой науки ДНК-генеалогии замечательного российского ученого Анатолия Алексеевича Клесова полностью опровергли норманнскую теорию.

Ключевые слова: *норманнская теория, Рюрик, Рарог, сокол.*

The article provides a logical analysis of the work of Russian and foreign scientists who have thoroughly destroyed the false and harmful Norman theory. The Norman theory is one of the manifestations of the ideological war that the West has been waging against Russia for many centuries. Modern achievements of the great new science of DNA genealogy by the remarkable Russian scientist Anatoly Alekseevich Klesov completely refuted the Norman theory.

Keywords: *Norman theory, Rurik, Rarog, falcon.*

Запад тратит большие деньги на вербовку среди россиян своих сторонников. С каждым месяцем идеологическая война становится все ожесточеннее и ожесточеннее. Идеологическая война является таким же важным фронтом борьбы с западом, как и на реальной войне. Мы, деятели науки, не должны сидеть сложа руки, а должны наносить удары и побеждать.

Как известно, сущность зловредной норманнской теории такова: «Дескать, русские и другие народы России не были способными к созданию большого государства. И поэтому, большое российское государство создали им иностранцы – норманны».

Норманнская теория не является безобидным заблуждением норманистов. Норманнская теория – это идеологическое оружие Запада, которым он старается поразить неокрепшие умы молодых россиян.

Наша задача – уничтожить это оружие.

Основной метод решения поставленной задачи – логический анализ и обзор самых важных открытий антинорманистов за последние годы.

Логическому анализу и обзору подвергаются работы нескольких ученых:

1. Статья «Генетика мира викингов» А. Маргаряна, Д. Лоусона, Э. Виллерслева [2].

Расшифровка генома 297 викингов и их 145 женщин дало невероятные результаты:

- 34 % – скандинавы, 31 % – кельты, 23 % – славяне. славянской считается гаплогруппа r1a, кельтской r1b, скандинавской – i1;
- волосы большинства были темные, а не светлые, как считалось ранее;
- появились в шведском острове Готланд в 975 году; оказалось, что большинство их них имеет славянское происхождение;
- славянская у-хромосома встречается в захоронениях викингов в Норвегии и Исландии не реже, чем кельтская или скандинавская. Таким образом, славянские викинги сыграли главную роль в этногенезе норвежцев;
- среди них имеются много выходцев из нашей Сибири и Казахстана.

Мы видим, что норманнская теория оказалось полностью ложной. Все оказалось наоборот. Не норманны шли толпой в Россию, а славяне и другие народы бывшего СССР двигались в Скандинавию и осваивали ее. Почему так происходило? Скандинавия со всех сторон окружена славянскими землями и Россией, поэтому попасть в Скандинавию можно было только через указанные территории.

2. Работы Анатолия Алексеевича Клесова – создателя новой великой науки ДНК-генеалогия. А. А. Клесов – лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола, самый молодой профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в свое время. Его открытия в ДНК восстанавливают древнейшую историю народов России. Из-за этого он подвергается жестоким нападкам со стороны прозападных сил.

Остановимся подробнее на его исследованиях в книге «Происхождение славян. ДНК-генеалогия против "норманнской теории"» [1].

Скандинавская гаплогруппа R1a-Z284

Более старая ветвь субклада R1Z-284 образовалась примерно 4300 лет назад, молодые ветви – примерно 3600 лет назад. Их общий предок жил примерно 4600 лет назад. В России этого субклада почти нет.

Передвижения норманнов шло на запад, на Британские острова, а не на восток. Об их прибытии на запад остались исторические сведения в летописях и сагах, а об их якобы прибытии в Россию ничего.

О генетике Рюриковичей от Клесова

Гаплотип Рюриковичей установлен точно – N1a1. Норманисты утверждают, что Рюриковичи пришли из Швеции. Действительно, гаплотип N1a1 в

Швеции имеется. Клесов установил мутации даноного гаплотипа: VL11, VL12, VL14, VL15. Этих мутаций в Скандинавии вообще нет.

Споры с норманистами ведутся и по происхождению самого имени Рюрик. Наши ученые утверждают, что слово Рюрик означает сокол, который является тотемом племени Рюриковичей. Это действительно так.

На западнославянском языке слово Рерик (rerig) – сокол. Сокол был эмблемой, гербом рода князей Киевской Руси. Отметим, что и западные, и российские биологи называют самого крупного сокола – балобана России Рарогом.

Лингвисты утверждают, что имя Рерик или Рюрик не выводится из слова Рарог. Они признают первичность оканья перед аканьем в древнерусском языке. Акать стали не ранее XIII века. Наука отражает как раз переходные законы древнерусского языка не ранее X века.

По этим законам из жесткого слова Рарог невозможно вывести мягкое Ререк или Рюрик. Однако, что было ранее X века, лингвисты не знают. 1500 или даже 2000 лет назад все могло быть иначе. Слоги Ра, Ро, Ре могли быть мягкими. Слово Рерик как имя сокола могло существовать и 2000 лет назад в языках некоторых славянских племен. Это означает, что переход Рарог в Рерик был не нужен. Слова Рарог и Рерик могли существовать независимо друг от друга в далекой древности. Можно сослаться на имя богини Реи. Мы видим, что звук Ре очень древний. Приведем рисунок школьницы Дианы Пейчевой, как она видит герб Рюриковичей (рис.).

Рис. Герб Рюриковичей

Приведем еще несколько доводов против норманской теории.

Довод 1. Если бы норманнов было, скажем сто человек, то сейчас их потомков было бы миллион и они генетически отличались от народов России. Однако этого нет.

Довод 2. Современный человек может быстро поменять и родину, и религию. Но народы той эпохи не могли этого сделать так быстро. Если бы первые князья Руси были бы норманнами, то они обязательно бы насаждали культ Одина и Тора. Тогда бы в России существовали в течение продолжительного времени социальные группы, исповедовавшие данный культ. Ничего этого тоже нет.

На территории России, даже бывшего СССР, все боги классические. Они древние и хорошо известные. Это бог Перун, богиня Макошь у славян и прибалтов, бог Тенгри и богиня Умай у всех тюрков России.

На языческом идоле князя Владимира имелся бог Хорс. Ему могли поклоняться скифы или сарматы, примкнувшие к славянам. В общем, на территории России действовали только родные боги, чужих не было.

Довод 3. Если бы у князей Руси был чужой язык, то они бы обязательно насаждали его среди населения.

Вспомним историю. Англосаксы завоевали Англию и полностью изменили языки ее народов. Никаких следов норманнского языка в России нет.

Приведем сведения из книг Льва Николаевича Гумилева – историка, сына великого русского поэта Анны Ахматовой и выдающегося русского ученого [3, 4].

Л. Н. Гумилев утверждает, что имя Руси дали русы и что это не славянское племя, а может быть германское. По Гумилеву, русы не скандинавы, то есть не норманны, не викинги. Русы известны с IV века, а варяги – с IX. Таким образом, русы не имеют отношения к норманнской теории.

Анатолий Алексеевич Клесов провел анализ книг Гумилева. Он считает, что русы, они же руги, россомоны, рюгены, балтийские славяне, имеют гаплогруппу I1 и с начала века живут на одной же территории. Вполне возможно, что балтийские славяне имели численное преимущество, поэтому ко времени норманнов все эти народы давно стали славянами.

Мнение Л. Н. Гумилева, о том, что русы дали имя нашей стране может быть ошибочным. В русском и славянских языках слов с корнем -рус- великое множество, значит, это слово является родным для русских и славян.

Известно, что слово Русь означает светлое.

Пример. Жена мужу: «Вынеси ковер на Русь», то есть нужно вынести ковер из дому на светлое солнечное место. Слово русый означает светлые волосы и т. д.

Открытие Гумилева и астраханских историков

Научный сотрудник Астраханского музея-заповедника Дамир Соловьев: «Гумилев писал, что в районе села Бараний Бугор Астраханской области он обнаружил большое количество "хазарской" керамики. Мы проверили теорию Гумилева. Выехали на место, и нашли остатки города с хазарской керамикой». Таким образом, село Бараний Бугор Астраханской области является серьезным кандидатом на звание последней столицы Хазарского каганата.

О происхождении слов викинг, варяг, казак

Эти слова возникли в эпоху распада племенных отношений. Все люди в одном племени или общине являются родственниками: братьями, сестрами, тетками, а из других – чужими для людей данного племени.

В соответствующую историческую эпоху юноши уходили из племени в свободное плавание, в свободную жизнь и автоматически становились

чужими для бывшего родного племени. Поэтому слова викинг, варяг, казак обозначают чужой, вне племени.

Определение значения этих слов через профессию является неверной методикой, нужно их искать в социальных, производственных отношениях.

На наш взгляд, исследование Анатолия Алексеевича Клесова является самым точным и самым подробным анализом гаплотипов Рюриковичей и норманнов. Анатолий Алексеевич буквально на атомы разложил лживую норманнскую теорию. Можно смело утверждать, что норманнская теория завершила свою кривую дорогу в истории народов.

Список литературы

1. Клесов А. А. Происхождение славян. ДНК-генеалогия против «норманнской теории». М., 2024. 512 с.
2. Маграрян А., Даниэль Л., Виллеерслева Э. Популяционная геномика мира викингов // Nature. 2020. URL: https://doi.org/10.1038/s41586-020-2688-8.
3. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2006. 846 с.
4. Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 2002. 445 с.

UDC 316.42

DIGITAL AXIOSPHERE IN THE ERA OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

A. Yu. Aryasova, N. F. Baybulatov, Yu. A. Alyautdinova
Astrakhan State University
of Architecture and Civil Engineering
(Astrakhan, Russian Federation)

Era of digitalization, driven by economic and political upheavals and inevitable shifts in the axiosphere, is changing society as a whole, and in particular, the value orientations of social groups large and small. These global transformations require an understanding of the shifting value system.

Keywords: *information, digitalization, values, value orientations, axiosphere, digital society.*

Эпоха цифровизации под влиянием экономических и политических потрясений и неизбежных сдвигов в аксиосфере меняет общество в целом и, в частности, ценностные ориентации больших и малых социальных групп. Эти глобальные трансформации требуют осмысления меняющейся системы ценностей.

Ключевые слова: *информация, цифровизация, ценности, ценностные ориентации аксиосфера, цифровое общество.*

In the modern world, useful information has acquired such immense value that it has become both tangible and intangible wealth. Information flows, both spontaneous and driven by various interest groups, have produced qualitative shifts in human worldviews, contributed to a qualitative improvement in living standards, and a number of sociocultural changes – a process that is both long-term and rapid. Even E. Toffler at the end of the 20th century [1, p. 30–31] described the society

of his time as «informational», since its life activity is determined, first and foremost, by «information that interacts with the spiritual and material manifestations of human existence». Thanks to rapidly improving computer technologies, information embodied in materiality has a formative effect on the material environment of modern man, and at the same time, information is a universal and sought-after resource for interaction, transforming and changing in the process of information exchange.

Thus, in the process of information exchange in all spheres of life of the information society – industrial, economic, political, scientific and others – a new system of social interaction is formed. Knowledge and the full possession of necessary information can be interpreted both as the objects of labor and as a powerful incentive for the development of economic relations. Computer literacy skills, high-quality computer equipment, internet access, and energy resources are becoming the main «tools of labor» in the age of digital technology and information technology.

Digital technologies have rapidly entered everyday life, and in a very short time, they have become the engine of progress and a determinant of social development. Successful businessmen and manufacturers immediately appreciated their economic feasibility and benefits, offering quick profits with relatively low production costs. New forms of business, built on networks and digital technologies, have emerged, and we can now confidently speak of the emergence of a digital economy, demonstrating that the «digital society» has practically become a reality, at least in some countries.

Although digitalization is changing the life of modern society and has already been legally institutionalized, its ideological and moral aspects are highly controversial, and the axiological issues of digitalization are in high demand for understanding in the general scientific community.

It should be noted that the most controversial descriptive designation is the current stage of social development. It is referred to by various definitions: as «post-industrial», «informational», or «post-informational», as well as «network society» or «knowledge society», and finally, referring to the latest socio-economic trends, as «digital society».

Digitalization is a multi-vector, multi-layered process, and one that has not yet been fully reflected upon in its value proposition. Its content is characterized by a number of ambivalent positions. Opponents of digitalization characterize the digital society as a «society of programmers and oligarchs» [2, p. 18], some investigations describe it as an «electronic concentration camp» [3] or even «eternal slavery» [4]. A number of researchers seriously fear the emergence of a «new crypto world» [2, p. 45–48], manipulation of a personal data [6]. A few supporters of a positive assessment of the ongoing digital transformations express the conviction that «…the new digital era gives us the opportunity to create a new, socially protected society based on traditional and new values» [7, p. 98].

Such scientific debates have been ongoing for decades. What is clear the powerful growth of information and knowledge production is the primary factor

in the emergence of a new «post-industrial society» [8]. M. Castells [9, p. 495–505] proposed the concept of a «network society», emphasizing the universal scale of information exchange that has engulfed the planet, turning it into a «global village».

Therefore, these days, digitalization, as an active exchange of information, has already become something much more than a purely technical phenomenon – it has acquired a clearly expressed social orientation. [10, p. 127–138].

A society's value system and the axiosphere as a whole determine the life and activity of both the individual and society. A person needs a value system as a moral compass. An individual's value orientations form the foundation of their worldview and the core of their motivation, underpinning their connections and interactions with the surrounding reality.

The system of values acquired in the process of socialization is a component of mass consciousness, its internal core, which determines strategically important goals, religious beliefs, moral norms and behavioral stereotypes, which together create the uniqueness and integrity of this individual in the system of his social interactions.

Thus, «values serve as a common denominator that unites individual interests and social needs» [11, p. 86].

Values serve as the basis for individuals' vital decisions. They are objective in nature and manifest themselves within social structures and relationships. A person's subjective perception of values changes as they become socialized, and they acquire the ability to critically analyze and creatively rethink previously accepted values, resulting in the development of a specific set of personal value orientations.

The axiosphere encompasses a rich subjective world of value systems, value orientations, and diverse manifestations of value consciousness. The digital axiosphere is a subsystem of the axiosphere of society as a whole. The structure of digital axiosphere values is represented by organizational-functional, social-ideological, and personally oriented values. The formation of the digital media environment initially gave rise to technical, functional, and organizational values, followed by the development of ideological values within the media environment. Later, through the practical use of digital resources, life-meaningful values, realized by individuals within the modern digital media environment, began to take hold.

Digital axiosphere, by its very nature, will not be a fixed, static, or permanent reality. Any transformation of sociocultural, economic, and other relations will transform the axiosphere into a new state, first quantitatively and then qualitatively, forcing a reconsideration of its content and inherent hierarchy of values. Consequently, the axiosphere as a whole (and thus the digital axiosphere) is historically fluid, structurally heterogeneous, with internal and external interconnections between its elements and society's value-oriented foundation.

Список литературы

1. Toffler E. On the Threshold of the Future // The "American Model" with the Future in Conflict / ed. by G. Kh. Shakhnazarov. M. : Progress, 1984. P. 30–31.
2. Chernyshev A. G. Strategy and Philosophy of Digitalization // Power. 2018. № 5. P. 18.
3. Filimonov V. P. Digital Society and the End of History // Church and Society in Times of Apostasy. 2018. URL: https://antieres.wordpress.com/2018/02/02/tsifrovoe_obwestvo_i_konec_istorii (accessed: 01.05.2026).
4. Lukin D. Zombies Forever or Transhumanism as Eternal Slavery. M. : Eksmo, 2016. URL: https://www.ozon.ru/context/detail/id/137218062/ (date of access: 01.05.2026).
5. Mavrina L. The dangerous new cryptoworld // Expert. 2018. № 15 (1071). P. 45–48. URL: http://expert.ru/expert/2018/15/opasnyij-novyij-kriptomir/ (date of access: 01.05.2026).
6. Keen A. How to Fix the Future: Staying Human in the Digital Age. Atlantic books, 2018.
7. Factor A. M., Kamolov S. G., Nikandrova A. A. Human values in the digital age // Modeling, optimization and information technology. 2018. № 2 (21). P. 98.
8. Bell D. The Coming Industrial Society: An Experience of Social Forecasting. M. : Academia, 1999.
9. Castells M. The Formation of a Society of Network Structures // The New Post-Industrial Wave in the West. Anthology / ed. by V. L. Inozemtsev. M. : Academia, 1999. P. 494–505.
10. Digitalization of Metropolis: Resources, Risks, Capitalization / E. V. Kargapolova, A. S. Dikanova, A. Ju. Aryasova, Ju. V. Georgievskaya // Navigating Technological Advancement in the VUCA and BANI World. Hershey : IGI Globa, 2025. DOI 10.4018/979-8-3373-2240-7.ch008. EDN YHHMYW.
11. Factor A. M., Kamolov S. G., Nikandrova A. A. Human values in the digital age // Modeling, optimization and information technology. 2018. № 2 (21). P. 86.

UDC 9.908

WHY IS HAVING MORE IMPORTANT FOR MODERN HUMANS THAN BEING: A CONTINUATION ON E. FROMM'S REFLECTIONS

A. I. Loiko
Belarusian National Technical University
(Minsk, Republic of Belarus)

This article examines the characteristics of human historical existence within the paradigms of "being" and "having." The "being" paradigm emphasizes the preservation of a people's identity even in the context of industrial civilization. The "having" paradigm has been chosen by specific generations of people on behalf of humanity for the sake of their own egoism and without spirituality.

Keywords: *Fromm, "being" paradigm, "having" paradigm, identity, demographic transitions.*

Рассматриваются особенности исторического существования человечества в парадигмах «быть» и «иметь». Парадигма «быть» акцентирует тезис сохранения идентичности народа даже в условиях индустриальной цивилизации. Парадигма «иметь» избрана конкретными поколениями людей от имени человечества ради собственного эгоизма и без духовности.

Ключевые слова: *Фромм, парадигма «быть», парадигма «иметь», идентичность, демографические переходы.*

The topic of this article is inspired by E. Fromm's book "To have or to be?" [1]. Humanity existed within the "being" paradigm until the end of the 20th century. Initially, this paradigm was dominated by the survival of biological populations in an aggressive natural environment of predators, while simultaneously adapting to the climate. Humans needed a stable food supply, water sources, safe shelter, and reproduction that ensured expanded population growth. Hunting wild animals, fishing, and gathering did not provide a stable guarantee of food security. People then transitioned to nomadic livestock breeding and agriculture. The Neolithic Revolution created a favorable environment for humanity, but the risks were introduced by humans themselves, as they began to cultivate the practices of robbery and war. They formed the institution of slavery.

Against this backdrop, people began to seek spiritual support for themselves and turned to religious practices. These practices transformed into monotheistic religions. They shifted people's attention from material goods to a value-based framework within which human birth and motherhood were celebrated in the name of God, and abortion was condemned [2]. These values proved so significant that they became archetypes of the collective unconscious of traditional societies. The "to be" paradigm in this format acquired a very solid foundation. This confirmed its dominance in industrial societies until the early 20th century. The first signs of its loss of such a solid foundation were discovered by C. G. Jung [3]. He discovered the destruction of the structures of the collective unconscious. Their place was taken by secularized consumer individualism, which, under the conditions of a market economy, quite quickly transformed the bourgeoisie (owners of private property) into an institution of the leisure class [4].

The technological determinism of mass machine production required the creation of a capacious internal consumer market. The middle class became its primary resource. Highly productive work conditions with corresponding pay were organized for it. As a result, the material well-being of a significant portion of the population of industrial societies began to improve.

Since the population of these societies still clung to the biological paradigm of "to be," the growth of material opportunities was combined with high reproductive rates. From two billion in 1927, the planet's population increased to eight billion in 2022. This demographic growth was not hindered by economic crises, revolutions, or world wars.

Simultaneous existence within the paradigms proved productive. However, at the end of the 20th century, the dynamic equilibrium of the paradigms of "being" and "having" was disrupted by the emergence of the extended human. These individual sacrifices the biological emphasis of intergenerational continuity and reproduction for the sake of maintaining their own "body," represented by a car, digital devices, a career, a country house, an expensive apartment, and a "well-deserved rest" [5].

In the context of a market economy, children are valued as a very expensive project, requiring significant family investment over many years. Children are also

perceived as a significant psychological burden. Since the parental instinct continues to exist, it is transformed into the acquisition of rare breeds of dogs and cats, which simultaneously demonstrate the high social status of their owners. A statistical indicator of the consequences of the dominance of the "have" paradigm is the depopulation of nations in more than a hundred countries around the world. This data is from 2026. It indicates a second demographic shift. As a result, the institution of classical marriage has been devalued. Planning relationships between men and women has shifted to material and career interests. Child-centered parenting has lost its value. The family format is being replaced by civil marriage, the scope of which makes same-sex marriage possible. The number of people with negative attitudes toward the institution of family and its associated responsibilities is growing.

As a result, the dynamic equilibrium of the human population is being disrupted. During the first demographic transition, the tendency toward equilibrium between high mortality and high fertility was observed. The spiritual institutions of society supported fertility as an important factor in the stability of the social system. As a result, in the early stages of industrial civilization, medicine significantly reduced mortality. High birth rates ensured demographic stability for humanity.

During the second demographic shift, a trend of low mortality and low birth rates emerged [6]. However, this trend cannot be considered constructive, as it fosters depopulation processes and undermines the institutions of states focused on social programs. In this situation, the use of artificial intelligence technologies in the form of chat bots, AI agents, and robots could offer salvation for these states. However, this strategy only addresses the problems of the labor market, not the consumer market where products are sold. The number of physical consumers is declining due to depopulation. Consequently, the capacity of national consumer markets across the planet is shrinking. The situation is exacerbated by the fact that the planet has export-oriented economies, and depopulation has primarily affected states with traditionally large consumer markets.

High birth rates persist in regions with low consumer market capacity. These people are forced to migrate to metropolitan areas to find opportunities to integrate into social assistance programs. They account for a modest population growth in the UK and France, and their role is more pronounced in US demographic statistics.

The second demographic shift concerns not the physical human, but the human augmented by technological devices and technologies. Maintaining the extended infrastructure and communications of their artificial body is expensive. This artificial body of the extended human includes personal transportation and gasoline, digital devices and related services, electricity, and household utilities. Rising costs of living have become the norm. As a result, the trend toward scientific and technological progress has resulted in the phenomenon of a "global village," in which children are not a priority because the family project associated with them has become expensive.

The situation in a market economy is exacerbated by the arguments of feminists. They believe that having children is seen as altruistic on their part. Men receive sexual pleasure and leave their women for nine months with the important yet inexpensive task of creating all the conditions for the birth of a healthy child. At the same time, no one compensates women for the costs associated with their personal health. They often suffer significant health losses. Subsequently, they have no absolute guarantee that they will not find themselves in a situation of divorce at the instigation of their husband or common-law partner. Centric market culture assumes that a woman cannot help but bear and raise children, because she is determined by maternal instinct.

The institutions of traditional religions have always been based on the need to provide guarantees for fertility and the institution of the family. This is characteristic of both Christianity and Islam. Christianity is based on the institution of the monogamous family. Islam allows a man the right to have a harem, provided he can prove his financial and material solvency with a bride price. These guarantees play an important role in the functioning of the institution of the extended family and clan.

Therefore, in countries with the status of developing economies, the value of a large family and clan remains the basis for high fertility, as is evident in the example of sub-Saharan African countries. But during the period of rapid population growth, people themselves became concerned about whether everyone would have enough drinking water, food, and clean air.

Thomas Robert Malthus's theory asserts that population grows faster than resources. The Green Revolution prevented famine, as seen in India. It became clear that famine and drinking water shortages are caused by human factors, linked to social inequality, the consequences of colonialism, and unsustainable activity, leading to the expansion of deserts, particularly the Sahara.

Until humanity frees itself from its own mistakes, it needs the support of a spiritual tradition that, during the most difficult periods of human history, ensured the stability of the "to be" paradigm. The paradox is that the "to have" paradigm lacks a stable foundation. There is no technological solution for it due to the vulnerability of the consumer market, which is undermined by depopulation.

Список литературы

1. Фромм Э. Иметь или быть? М. : АСТ, 2022. 320 с.
2. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М. : АСТ, 2018. 14 с.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 368 с.
4. Казенин К., Муракаев М. Влияние религии на рождаемость: обзор современных демографических исследований // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2022. № 40 (4). С. 9–49.
5. Соколова В. С. Структура общества потребления // Молодой ученый. 2013. № 7 (54). С. 507–509.
6. Гудкова Т. Б. Концептуализация второго демографического перехода: эвристический потенциал и ограничения теории // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 125–136.

УДК 316.3;334.012.34

НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР КАК СУБЪЕКТ УКРЕПЛЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Р. М. Гергель
Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Россия)

В статье анализируется роль некоммерческого сектора в сохранении и укреплении духовно-нравственных основ российской семьи в условиях глобализации, демографических изменений и ценностной неопределенности. На основе актуальных исследований отечественных ученых и практиков обосновывается системный характер участия некоммерческих организаций в реализации семейной политики. Выделены основные механизмы их воздействия на трансформацию семейных ценностей, предложены направления оптимизации государственно-частного партнерства в данной сфере.

Ключевые слова: *некоммерческий сектор, духовно-нравственные основы семьи, традиционные семейные ценности, глобальные вызовы, гражданское общество, семейная политика.*

The article analyzes the role of the non-profit sector in preserving and strengthening the spiritual and moral foundations of the Russian family in the context of globalization, demographic changes, and value uncertainty. Based on current research by domestic scientists and practitioners, the article substantiates the systemic nature of NGO participation in the implementation of family policy. The article highlights the main mechanisms of non-profit organizations' influence on the transformation of family values and proposes directions for optimizing public-private partnerships in this area.

Keywords: *non-profit sector, spiritual and moral foundations of the family, traditional family values, global challenges, civil society, family policy.*

Современный этап развития российского общества характеризуется наложением разнонаправленных глобальных тенденций: цифровизации всех сфер жизни, пересмотра традиционных гендерных ролей, миграционных процессов, экономической турбулентности. В этих условиях институт семьи испытывает серьезную трансформацию, которая не всегда носит позитивный характер. Как отмечает А. М. Русецкая, «глобализация создает поле ценностной конкуренции, где традиционные для российской культуры матримониальные и репродуктивные установки вступают в противоречие с западными либеральными паттернами» [1, с. 45].

В ответ на эти вызовы государство активизировало семейную политику, однако исключительно административно-правовыми методами проблему

духовно-нравственной консолидации семьи решить невозможно. Именно здесь возникает потребность в институтах гражданского общества, прежде всего – в некоммерческом секторе, который обладает гибкостью, близостью к локальным сообществам и способностью работать с ценностными установками на доверительной основе. Цель настоящей статьи – обосновать ведущую роль некоммерческих организаций как субъекта укрепления духовно-нравственных основ российской семьи в контексте глобальных вызовов.

Под духовно-нравственными основами семьи в научной литературе понимается система ценностных ориентаций, норм и моделей поведения, базирующихся на традиционных религиозных, культурных и исторических кодах российского народа. Т. П. Иванова выделяет такие ключевые компоненты, как «верность супружескому долгу, приоритет родительства, уважение к старшим поколениям, ответственность за воспитание детей, взаимопомощь и соборность» [5, с. 28].

Однако данные социологических исследований последних лет фиксируют эрозию этих основ. Согласно выводам С. В. Григорьева, «доля молодежи, считающая допустимым сожительство без регистрации брака, выросла с 2015 по 2023 год на 27 %, а число респондентов, для которых ценность многодетной семьи не является значимой, превысило 43 %» [10, с. 92]. Эти цифры свидетельствуют не просто об изменении бытового поведения, но о глубинной ценностной перестройке, которая требует системного противодействия на уровне формирования смыслов.

Иванова подчеркивает, что «утрата духовного стержня семьи ведет к девальвации всего социального порядка, поскольку семья выступает первичным агентом социализации и трансляции культурного кода» [5, с. 30]. В этой связи укрепление духовно-нравственных основ становится не только социальной, но и цивилизационной задачей.

Под глобальными вызовами в контексте семейной проблематики понимаются макротенденции, носящие трансграничный характер. И. А. Лебедева систематизирует их следующим образом: «во-первых, идеологическая экспансия концепций, отрицающих нормативный характер традиционной семьи; во-вторых, демографический кризис, усугубляемый низкой рождаемостью и старением населения; в-третьих, цифровая трансформация интимности, ведущая к замещению реальных отношений виртуальными» [11, с. 58–60].

Особое место среди вызовов занимает деформация репродуктивного поведения. С. Рыбальченко в своем докладе для Общественной палаты Российской Федерации указывает, что «глобальный тренд на малодетность формирует в массовом сознании установку на принципиальную невозможность совмещения успешной карьеры и воспитания трех и более детей» [3, с. 34]. Эта установка прямо противоречит традиционным для российского общества представлениям о многодетной семье как о норме и образце.

Кроме того, глобальные вызовы проявляются в ослаблении межпоколенных связей. Традиционная система передачи нравственных норм от бабушек и дедушек к внукам разрушается под давлением урбанизации и географической мобильности. Как следствие, семья оказывается «разорванной» во времени и пространстве, а ее духовная функция – атрофированной.

Именно в этой ситуации некоммерческие организации (НКО) приобретают качественно новое значение. Как пишет Е. А. Козлова, «современные российские НКО эволюционировали от простого предоставления социальных услуг к активной ценностно-ориентированной деятельности, направленной на конструирование семейных смыслов» [4, с. 112].

Принципиальное отличие некоммерческих организаций от государственных структур заключается в добровольности, высоком уровне доверия со стороны благополучателей и способности работать с «тонкими» материями – стыдом, неуверенностью в родительской компетентности, психологическими травмами. О. В. Смирнова отмечает: «Именно некоммерческий сектор обеспечивает ту среду, где традиционные ценности не декларируются, а проживаются участниками через совместные мероприятия, группы поддержки и образовательные программы» [6, с. 47].

Яна Лантратова в своей работе, посвященной интеграции НКО в укрепление традиционных ценностей, подчеркивает важность законодательного признания этой роли: «... выступают не просто исполнителями государственного заказа, но самостоятельными субъектами семейной политики, способными инициировать ценностные изменения снизу вверх» [2, с. 22]. Она связывает эффективность данной разновидности организаций с их способностью работать в малых группах, где возможно персонализированное обсуждение сложных нравственных дилемм.

Анализ литературы и практики позволяет выделить несколько ключевых механизмов, через которые некоммерческий сектор влияет на духовно-нравственные основы семьи:

1) психолого-педагогическая поддержка семей в кризисных ситуациях. Е. П. Морозова в исследовании, опубликованном в «Вестнике Санкт-Петербургского университета», доказывает, что «обращение в кризисные центры при некоммерческих организациях способствует не только снижению конфликтности, но и переосмыслению супругами ценности брака как такового» [12, с. 85]. Методики, разработанные в НКО («школы приемных родителей», группы поддержки многодетных матерей, семейное консультирование), показывают результативность, значительно превышающую стандартные государственные услуги;

2) образовательные проекты для детей и родителей. А. И. Васильев акцентирует внимание на том, что «программы духовно-нравственного воспитания, реализуемые НКО на базе воскресных школ, культурных центров и семейных

клубов, заполняют вакуум, образовавшийся после деидеологизации школы» [8, с. 104]. В частности, широкое распространение получили проекты, посвященные истории рода, семейным традициям, совместному чтению и волонтерству. Через вовлечение в социально значимую деятельность у детей и взрослых формируется чувство сопричастности и ответственности;

3) пропаганда многодетности и родительства как ценности. С. Рыбальченко подчеркивает, что «в условиях информационной войны против традиционной семьи НКО выступают как контрагенты деструктивного контента, создавая позитивные образы многодетных семей, проводя фестивали, конкурсы и медиакампании» [3, с. 38]. Примером служат межрегиональные форумы приемных семей, где через живое общение и публичное признание формируется престиж родительства. Важно, что такая пропаганда не носит административно-принудительный характер, а работает через механизм социального доказательства;

4) содействие семейной самодостаточности и взаимопомощи. О. Н. Соколова отмечает, что «деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – СО НКО) в сфере семейных ценностей все чаще включает элементы наставничества и соседской взаимопомощи» [14, с. 73]. Такие проекты, как «семейные ресурсные центры», «патронажные службы из числа активных родителей», позволяют передавать нравственные нормы не формально, а через повседневные практики заботы.

Эффективность некоммерческих организаций как субъекта укрепления семьи напрямую зависит от выстроенной системы взаимодействия с государством. М. Ю. Федорова анализирует эту проблему в статье «НКО как партнер государства в сохранении семейных ценностей» и приходит к выводу, что «наиболее продуктивной формой являются долгосрочные целевые программы, в рамках которых государство делегирует НКО не только финансирование, но и свободу методической импровизации» [10, с. 95].

В России сложилась система грантовой поддержки (Фонд президентских грантов, Фонд культурных инициатив), которая позволяет некоммерческим организациям реализовывать проекты, направленные на укрепление семьи. Однако, по справедливому замечанию Н. С. Петровой, «существует риск бюрократизации некоммерческого сектора, когда отчетность начинает доминировать над содержанием, а подлинная воспитательная работа подменяется формальными мероприятиями» [8, с. 120].

Оптимальная модель взаимодействия, как показывает опыт, предполагает: а) регулярный диалог между НКО и профильными ведомствами (Министерство труда и социальной защиты, Министерство просвещения Российской Федерации); б) создание общественных советов по семейной политике с участием лидеров данной разновидности организаций; в) включение представителей некоммерческого

сектора в разработку нормативно-правовых актов. Именно такой подход обеспечивает синергию государственного ресурса и гражданской инициативы.

В работах Лебедевой и Смирновой приводятся конкретные кейсы успешной деятельности НКО. Например, в ряде регионов России (Белгородская область, Республика Татарстан, Красноярский край) действуют «Семейные академии», созданные на базе местных некоммерческих организаций. Они включают курсы по подготовке к браку, лектории для родителей подростков, службы медиации при разводах. По данным, собранным И. А. Лебедевой, «в муниципалитетах с активной работой таких НКО количество разводов в первые три года брака снизилось на 12–15 %, а число семей, воспитывающих трех и более детей, увеличилось на 8 %» [12, с. 67].

С. В. Григорьев особо выделяет роль православных и межрелигиозных некоммерческих организаций, которые «транслируют семейные ценности не абстрактно, а через конкретную церковную традицию, что для значительной части населения обладает высоким авторитетом» [11, с. 96]. В то же время он предостерегает от монополизации одной конфессией сферы семейного воспитания, призывая к плюрализму форм при единстве нравственного ядра.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что некоммерческий сектор в современной России выступает не вспомогательным, а полноценным субъектом укрепления духовно-нравственных основ семьи. В условиях глобальных вызовов – размывания ценностей, депопуляции, цифровой изоляции – НКО обладают уникальной способностью адресно и доверительно работать с семейными установками, восстанавливая утраченные смыслы [14–16].

Считаем, что дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку системы измеримых индикаторов эффективности некоммерческих организаций в сфере семейной политики, а также на анализ рисков коммерциализации и бюрократизации некоммерческого сектора при усилении государственной поддержки. Как резюмирует О. В. Смирнова, «укрепление семьи невозможно без сильного гражданского общества, и российские НКО уже доказали свою состоятельность в этом качестве» [6, с. 52]. В эпоху глобальной ценностной турбулентности ставка на партнерство государства, семьи и некоммерческих организаций становится не просто желательной, но и необходимой стратегией выживания и развития российского общества.

Список литературы

1. Русецкая А. М. Ценности современной российской семьи в условиях глобализации // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2022. № 4. С. 42–58.

2. Лантратова Я., Интеграция НКО в укрепление традиционных ценностей семьи // Журнал российского права. 2026. № 1. С. 18–29.

3. Рыбальченко С. Семейные ценности и роль НКО в демографической политике // Вестник демографии и социологии. 2025. № 3. С. 31–42.

4. Козлова Е. А. Российская семья в контексте деятельности организаций гражданского

общества // Вестник Финансового университета. 2022. № 6. С. 108–117.

5. Иванова Т. П. Традиционные семейные ценности как нравственная основа российского общества // Философия и общество. 2022. № 2. С. 25–38.

6. Смирнова О. В. Роль некоммерческих организаций в поддержке традиционных семейных ценностей // Социальная политика и социология. 2023. № 4. С. 44–53.

7. Петрова Н. С. Некоммерческие организации в реализации семейной политики России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2024. № 1. С. 115–128.

8. Васильев А. И. Духовно-нравственное воспитание в деятельности НКО // Педагогика и просвещение. 2025. № 2. С. 98–109.

9. Федорова М. Ю. НКО как партнер государства в сохранении семейных ценностей // Гражданское общество. 2026. № 2. С. 88–99.

10. Григорьев С. В. Семья и гражданское общество: роль НКО в нравственном воспитании // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 90–101.

11. Лебедева И. А. Глобальные вызовы и поддержка семьи через некоммерческий сектор // Демография и социология. 2025. № 1. С. 55–70.

12. Морозова Е. П. Психолого-педагогическая помощь семьям от НКО // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2026. № 1. С. 80–92.

13. Соколова О. Н. Укрепление института семьи в деятельности СО НКО // Социальная работа. 2024. № 2. С. 68–77.

14. Бессарабов В. О., Тымчина Л. И. Развитие рынка аутсорсинговых услуг в условиях цифровизации экономики: теория и практика. Курск : Университетская книга, 2024. 213 с.

15. Гергель Р. М. Диалектика социальных услуг в Российской Федерации и их значение для региональной и отраслевой экономики // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2024. № S1. 35 с.

16. Гергель Р. М. Теоретико-методологические основы функционирования некоммерческого сектора на рынке социальных услуг // Прикладные экономические исследования. 2025. № S4.

УДК 371:004

ЦИФРОВАЯ ЭПОХА И СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ: КАК ТЕХНОЛОГИИ МЕНЯЮТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОКОЛЕНИЙ

А. А. Наумова, К. А. Касимова

Астраханский государственный политехнический колледж
(г. Астрахань, Россия)

В статье анализируется влияние цифровых технологий на взаимодействие поколений в семье и процесс воспитания молодежи. Рассмотрены позитивные и негативные аспекты использования гаджетов и онлайн-ресурсов: от возможностей доступа к образовательным материалам до рисков цифровой зависимости и столкновения с деструктивным контентом. Выявлены ключевые причины межпоколенческих конфликтов в цифровой среде, связанные с различиями в восприятии технологий и уровне цифровой компетентности. Предложены практические рекомендации для родителей и детей по формированию здоровых цифровых привычек: установление правил экранного времени, совместные «цифровые детоксы», развитие критического мышления и цифровой этики. Сделан вывод о том, что семья сохраняет свою роль важнейшего института социализации при условии осознанного использования технологий и выстраивания открытого

диалога между поколениями. Результаты исследования могут быть полезны педагогам, психологам, родителям и всем, кто интересуется вопросами современного воспитания.

Ключевые слова: *цифровая эпоха, семейное воспитание, взаимодействие поколений, цифровая грамотность, экранное время, цифровая социализация, межпоколенческий конфликт, цифровые технологии, цифровая зависимость, цифровая этика.*

The article analyzes the impact of digital technologies on intergenerational interaction within families and the process of youth upbringing. It examines the positive and negative aspects of using gadgets and online resources, ranging from opportunities for accessing educational materials to the risks of digital addiction and exposure to destructive content. Key reasons for intergenerational conflicts in the digital environment are identified, linked to differences in technology perception and digital competence levels. Practical recommendations are proposed for parents and children on forming healthy digital habits, including setting screen time rules, engaging in joint "digital detoxes," and developing critical thinking and digital ethics. The conclusion is drawn that the family retains its role as a crucial institution of socialization, provided that technologies are used consciously and open dialogue is established between generations. The research findings can be beneficial for educators, psychologists, parents, and anyone interested in contemporary upbringing issues.

Keywords: *digital age, family upbringing, intergenerational interaction, digital literacy, screen time, digital socialization, intergenerational conflict, digital technologies, digital addiction, digital ethics.*

Современный мир переживает цифровую революцию: технологии проникают во все сферы жизни, включая семью и воспитание. Смартфоны, планшеты, социальные сети и онлайн-игры стали неотъемлемой частью повседневности молодежи, что неизбежно меняет характер взаимодействия между поколениями.

Цель статьи – проанализировать, как цифровые технологии влияют на семейные отношения, выявить позитивные и негативные аспекты этого влияния, а также предложить рекомендации для гармоничного сосуществования семьи в условиях цифровой эпохи.

Актуальность темы обусловлена:

- ростом экранного времени у детей и подростков;
- возникновением новых форм общения и конфликтов в семье;
- необходимостью адаптации традиционных методов воспитания к цифровой реальности.

Цифровые технологии как инструмент общения и разобщения

С одной стороны, технологии сближают семью:

- видеозвонки позволяют поддерживать связь с родственниками на расстоянии;
- общие чаты создают пространство для ежедневного обмена новостями;
- совместные онлайн-игры и просмотр фильмов укрепляют эмоциональный контакт.

С другой стороны, гаджеты могут стать причиной отчуждения:

- члены семьи проводят время рядом, но погружены в собственные экраны;
- родители, увлеченные работой или соцсетями, меньше общаются с детьми вживую;
- подростки воспринимают чрезмерный контроль за их онлайн-активностью как нарушение границ.

Влияние цифровых технологий на воспитание

Позитивные аспекты:

- доступ к образовательным ресурсам (онлайн-курсы, энциклопедии, интерактивные платформы);
- развитие навыков цифровой грамотности, необходимых в современном мире;
- возможность изучать интересы ребенка через его онлайн-активность.

Негативные аспекты:

- снижение внимания и концентрации из-за многозадачности и коротких форматов контента;
- риск столкновения с деструктивным контентом (агрессия, фейки, пропаганда);
- формирование зависимости от лайков и виртуального одобрения.

Конфликт поколений в цифровой среде

Родители и дети по-разному воспринимают технологии:

- для молодежи это естественная среда обитания, для старшего поколения – инструмент;
- различия в цифровой компетентности приводят к взаимному непониманию;
- споры о «безопасном» экранном времени и правилах использования гаджетов становятся источником конфликтов.

Приведем примеры типичных разногласий:

- «Почему ты все время в телефоне?» vs «Вы просто не понимаете, как это важно!»;
- контроль за соцсетями – забота или нарушение приватности?;
- выбор контента – образовательные видео vs развлекательные ролики.

Цифровая социализация: новые вызовы

Семья уже не единственный агент социализации:

- сверстники и инфлюэнсеры оказывают сильное влияние через соцсети;
- алгоритмы рекомендаций формируют предпочтения и мировоззрение;
- виртуальные сообщества могут заменять реальное общение.

Последствия:

- размывание традиционных семейных ценностей;

- рост тревожности из-за сравнения себя с «идеальными» образами в сети;
- необходимость выработки новых правил воспитания в цифровой среде.

Практические рекомендации для семьи

Как минимизировать риски и использовать технологии с пользой

Для родителей:

- установить четкие, но гибкие правила экранного времени (например, два часа в день для развлечений, без гаджетов за столом);
- практиковать «цифровые детоксы» – совместные прогулки, настольные игры, семейные вечера без устройств;
- изучать цифровые тренды вместе с детьми – это укрепит доверие и поможет понять их мир;
- обсуждать контент – почему одни видео полезны, а другие нет, как распознавать фейки;

Для детей и подростков:

- развивать критическое мышление – задавать вопросы: «Кому выгодно это видео?», «Откуда взялась эта информация?»;
- учиться цифровой этике – уважать собеседников в сети, не распространять слухи;
- находить баланс – чередовать онлайн-активности со спортом, творчеством, общением вживую.

Совместные практики:

- создание семейного блога или фотоархива;
- обучение старших родственников работе с гаджетами – это укрепляет связь поколений;
- участие в онлайн-квестах или образовательных челленджах всей семьей.

Итак, цифровые технологии кардинально изменили семейное воспитание, создав как возможности, так и вызовы. Они могут сближать поколения через совместное освоение нового, но и отдалять, если становятся заменой живого общения.

Ключевой вывод: гармония достигается не через отказ от технологий, а через осознанное их использование. Семья, которая выстраивает здоровые цифровые привычки, обсуждает риски и поддерживает друг друга, сохраняет свою роль важнейшего института социализации даже в эпоху соцсетей и искусственного интеллекта.

Будущие исследования могут быть направлены на:

- изучение долгосрочных эффектов экранного времени на развитие детей;
- разработку программ цифровой грамотности для родителей;
- анализ влияния новых технологий (VR, метавселенные) на семейные отношения.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Психология в цифровой среде: вызовы и новые возможности // Вопросы психологии. 2020. № 4. С. 3–15.

2. Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е. Психологические последствия информатизации // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 1. С. 89–100.

3. Белинская Е. П. Человек в информационном мире // Социальная психология : хрестоматия / сост. : Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. М. : Аспект Пресс, 2003. С. 356–374.

4. Жичкина А. Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей русскоязычных сетей : дис. … канд. психол. наук. М., 2001. 162 с.

5. Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М. : Гардарики, 2005. 320 с.

6. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М. : Смысл, 2017. 375 с.

7. Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80.

8. Фельдштейн Д. И. Современное детство: вызовы и стратегии // Вестник практической психологии образования. 2015. № 1 (42). С. 2–9.

9. Шнейдер Л. Б. Семейная психология. 2-е изд. М. : Академический проект, 2006. 768 с.

10. Livingstone S., Helsper E. Parental mediation and children's Internet use // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2008. Vol. 52, № 4. P. 581–599.

11. Ofcom. Children and Parents: Media Use and Attitudes Report. London, 2022. 187 p.

12. Twenge J. M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy – and Completely Unprepared for Adulthood. New York : Atria Books, 2017. 352 p.

УДК 159.9.072.43

ОТЦОВСКИЙ СТИЛЬ ПРИВЯЗАННОСТИ КАК ПРЕДИКТОР ИГРОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА КАЗАХСТАНСКОЙ ВЫБОРКЕ

А. М. Туребаев, Ю. С. Токатлыгиль

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

В статье представлены результаты пилотажного исследования психологических предикторов игровой зависимости на казахстанской клинической выборке (N = 70). Установлено, что дефицит отцовской заботы является ключевым предиктором тяжести гемблинга ($\rho = –0{,}621$; $p = 0{,}001$), а отцовские переменные объясняют 41 % дисперсии показателя PGSI. У 51,4 % участников зафиксирован паттерн «бесчувственного контроля» со стороны отца; суммарная доля дисфункциональных отцовских стилей достигает 85,7 %. Показано действие культурного механизма «уята» как фактора диссимуляции симптомов. Результаты обсуждаются в контексте традиционной казахстанской семейной иерархии и теории привязанности Дж. Боулби.

Ключевые слова: *игровая зависимость, родительская привязанность, отцовский стиль воспитания, уят, Казахстан.*

The paper presents the results of a pilot study on psychological predictors of gambling disorder in a Kazakhstani clinical sample (N = 70). Paternal care deficit was identified as the key predictor of gambling severity (ρ = –0.621; p = 0,001), with paternal variables explaining 41 % of PGSI variance. The 'affectionless control' pattern was found in 51,4 % of participants; the total share of dysfunctional paternal parenting styles reached 85,7 %. The cultural mechanism of 'uyat' (social shame) as a symptom-concealment factor is demonstrated. Results are discussed in the context of traditional Kazakhstani family hierarchy and Bowlby's attachment theory.

Keywords: *gambling disorder, parental attachment, paternal parenting style, uyat, Kazakhstan.*

Проблема патологического гемблинга в Казахстане приобрела статус латентного социального феномена. По данным Esbol Qory Foundation, от 440 до 442 тысяч граждан республики обнаруживают клинически значимые признаки игровой зависимости, тогда как на официальном учете состоят лишь девять человек (2026). Разрыв в 48 000 раз отражает системный сбой в механизмах выявления расстройства, укорененный в специфике казахстанского социокультурного контекста, прежде всего в концепции «культуры стыда» (*«уята»)* – культурно закрепленной нормы стыда, предписывающей скрывать проблемы от публичного взгляда.

Существующий корпус зарубежных исследований гемблинга сосредоточен преимущественно на нейробиологических коррелятах и индивидуальных факторах риска, оставляя в стороне роль семейной системы. Согласно теории привязанности Дж. Боулби [1], концепции родительского воспитания Г. Паркера и др. [2], характер ранних детско-родительских отношений детерминирует базовые аффективно-регуляторные системы, дисфункция которых проявляется в поиске суррогатных источников возбуждения.

В традиционной казахстанской семье отец занимает позицию нормативного авторитета и транслятора стандартов достижения, что определяет особую роль отцовской фигуры в генезе аддикции. Дополнительным фактором, согласно теории социального сравнения [3], служит ориентация на статус окружающих, гипертрофированная в коллективистской культуре с высокой значимостью публичного успеха.

Цель пилотажного исследования – апробация диагностического комплекса и верификация гипотезы о ключевой роли дефицита отцовской эмоциональной поддержки как специфического предиктора игровой зависимости в казахстанском контексте.

Методология

Исследование проводилось в 2025–2026 годах на базе специализированного центра психологической реабилитации г. Астаны. Выборка: 70 мужчин с диагностированной игровой зависимостью (*M* = 29,3 года; SD = 6,9; диапазон 20–45 лет; 87 % – казахской этнической принадлежности; 79 % – не состоят в браке). Критерии включения: совершеннолетие, мужской пол, балл PGSI ≥ 8, информированное согласие.

Диагностический комплекс: 1) опросник родительской привязанности PBI [2, с. 5] – шкалы «Забота» и «Гиперопека» для обоих родителей, определяет четыре типа воспитания; 2) индекс тяжести проблемного гемблинга PGSI [4] – 9 пунктов, 0–27 баллов, зависимая переменная; 3) шкала социального сравнения INCOM [5] – 11 пунктов, 11–55 баллов; 4) шкала Кроуна – Марлоу [6] – контроль социальной желательности, 0–20 баллов.

Статистическая обработка – Jamovi 2.7. Ненормальность распределений подтверждена критерием Шапиро – Уилка, применялись непараметрические методы: ранговая корреляция Спирмена (ρ), регрессия OLS/GLM. Уровень значимости α = ,05.

Результаты

Контроль достоверности. Средний балл по шкале Кроуна – Марлоу: $M = 14{,}1$ (SD = 3,5) – высокий уровень социальной желательности (71 % ≥ 13 баллов). Корреляция шкалы с тяжестью гемблинга значима: $\rho = -0{,}266$; $p = 0{,}026$. Участники с выраженным «социальным фасадом» занижали декларируемую вовлеченность – прямое эмпирическое свидетельство действия механизма «уята».

Описательные статистики по ключевым переменным и их сравнение с нормативными порогами авторов методик представлены в таблице 1.

Таблица 1

Описательные статистики и нормативное сравнение (N = 70)

Переменная	M	SD	Me	Min–Max	Норм. порог	Отклонение
Забота – отец (PBI)	12,15	6,84	11,00	0–32	≥ 24,0	Ниже в 2 раза ↓↓
Гиперопека – отец (PBI)	16,20	8,10	17,00	1–37	≥ 12,5	Выше у 63 % ↑
Забота – мать (PBI)	24,30	7,10	25,00	6–36	≥ 27,0	Ниже нормы
Гиперопека – мать (PBI)	15,80	6,40	16,00	2–35	≥ 13,5	Выше у 58 % ↑
PGSI (тяжесть гемблинга)	8,42	5,12	7,00	0–27	≥ 8	100 % в кат. «проблемный»
INCOM (соц. сравнение)	38,45	8,22	39,00	15–55	~ 30,0	Выше нормы на 28 % ↑
Кроун – Марлоу	14,10	3,45	14,00	5–20	≥ 13	71 % в высоком диапазоне

Центральный результат: дефицит отцовской заботы (M = 12,15 при норме ≥ 24,0; Δ = 11,85 > SD = 6,84) носит системный характер. Сочетание низкой заботы и высокого контроля – «эффект ножниц» – формирует среду, провоцирующую поиск суррогатных источников самоутверждения. Показатель INCOM превышает авторскую норму на 28 и%, фиксируя гиперориентацию участников на социальный статус.

Распределение типов родительского воспитания по PBI представлено в таблице 2.

Таблица 2

Распределение типов родительского воспитания (N = 70)

Тип воспитания	Характеристика	Мать N (%)	Отец N (%)
Оптимальное	Высокая забота, низкая гиперопека	21 (30,0 %)	6 (8,6 %)
Аффективный контроль	Высокая забота, высокая гиперопека	14 (20,0 %)	4 (5,7 %)
Пренебрежение	Низкая забота, низкая гиперопека	10 (14,3 %)	24 (34,3 %)
Бесчувственный контроль	Низкая забота, высокая гиперопека	25 (35,7 %)	36 (51,4 %)
Итого дисфункциональных	Пренебрежение + Бесчувственный контроль	35 (50,0 %)	60 (85,7 %)

Суммарная доля дисфункциональных отцовских стилей – 85,7 %; «бесчувственный контроль» (низкая забота + высокая гиперопека) зафиксирован у 51,4 % участников против 35,7 % для матерей. В рамках теории привязанности [1, с. 430] «бесчувственный контроль» формирует небезопасный тип привязанности, ребенок получает нормативные требования без эмоционального принятия. Во взрослом возрасте азартная игра обещает мгновенное статусное самоутверждение, обходя заблокированное отцовское признание.

Корреляционный анализ. Дефицит отцовской заботы – наиболее сильная связь в модели: ρ = –0,621; p = 0,001. Отцовский гиперконтроль: ρ = +0,510; p = 0,011. Материнские показатели статистически не значимы (p > 0,05). INCOM: ρ = +0,247; p = 0,039.

Регрессионный анализ. Отцовская модель: R^2 = 0,407; $F(2,67)$ = 23,04; p < 0,001 – объясняет 41 % дисперсии PGSI. Материнская модель: R^2 = 0,048; p = 0,192. Прогностическая сила отцовской модели превышает материнскую в 8,5 раза.

Полученные данные позволяют говорить об «отцовском детерминизме» в казахстанском контексте гемблинга. В традиционной семье отец транслирует

стандарты достижения и является гарантом статусного положения. Именно поэтому дефицит отцовского тепла при высоком контроле создает хронический разрыв между требованиями и эмоциональными ресурсами ребенка. Азартная игра с ее обещанием быстрого успеха функционирует как компенсаторный механизм. Ориентация на социальное сравнение (INCOM) усиливает этот эффект через мотив «социального реванша» [5, с. 130].

Ограничения: малый объем выборки (N = 70), отсутствие контрольной группы, ретроспективный характер оценки воспитания, гендерная однородность. На основном этапе исследования (N ≥ 142, контрольная группа) указанные ограничения будут устранены.

Заключение

Дефицит отцовской заботы – ключевой предиктор игровой зависимости в казахстанской выборке ($\rho = -0{,}621$; $\beta = -0{,}612$; $R^2 = 0{,}407$). Материнское влияние статистически незначимо.

Паттерн «бесчувственного контроля» со стороны отца является преобладающим (51,4 %); 85,7 % участников воспитывались в условиях дисфункционального отцовского стиля.

Механизм «уята» обусловливает диссимуляцию симптомов и объясняет разрыв между реальной и официально регистрируемой распространенностью расстройства.

Реабилитационные программы в казахстанском контексте должны включать работу с отцовскими паттернами привязанности и снижение стигматизации обращения за помощью.

Список литературы

1. Боулби Дж. Привязанность. М. : Гардарики, 2003. 477 с.

2. Parker G., Tupling H., Brown L.B. A parental bonding instrument // British Journal of Medical Psychology. 1979. Vol. 52, № 1. P. 1–10.

3. Griffiths M. D. A 'components' model of addiction within a biopsychosocial framework // Journal of Substance Use. 2005. Vol. 10, № 4. P. 191–197.

4. Blaszczynski A., Nower L. A pathways model of problem and pathological gambling // Addiction. 2002. Vol. 97, № 5. P. 487–499.

5. Gibbons F. X., Buunk B. P. Individual differences in social comparison // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 76, № 1. P. 129–142.

6. Crowne D. P., Marlowe D. A new scale of social desirability // Journal of Consulting Psychology. 1960. Vol. 24, № 4. P. 349–354.

7. Luk J. W., Farhat T., Iannotti R.J., Simons-Morton B. G. Parent-child communication and substance use among adolescents // Addictive Behaviors. 2010. Vol. 35, № 9. P. 853–856.

8. Slutske W. S., Zhu G., Meier M. H., Martin N. G. Genetic and environmental influences on disordered gambling in men and women // Archives of General Psychiatry. 2010. Vol. 67, № 6. P. 624–630.

УДК 316.356.2

ОБРАЗ ОТЦА В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КИНОФИЛЬМАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)

Е. А. Штефан, Е. А. Генералова
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Москва, Россия)

Кинематограф – один из инструментов влияния на массы, поэтому важно отслеживать направленность перемен в идеях, транслируемых в популярных отечественных художественных фильмах. Актуальность темы связана с пониманием эволюции общественных представлений о родительстве, семье и отцовстве, а также с анализом влияния киноиндустрии на формирование социокультурных норм и ценностей. Целью исследования является анализ изменения образа отца в отечественном кинематографе двух периодов – советском и российском. Зафиксировано, что в нашем обществе закрепились фундаментальные семейные ценности, благодаря которым с течением времени образ отца в кинематографе не претерпел каких-либо существенных изменений. Однако экономические и социокультурные трансформации повлияли на трансляцию образа отца в отечественном кинематографе, к сожалению, не в лучшую сторону.

Ключевые слова: *фильм, популярный фильм, отец, отцовство, дети, воспитание, ответственность, семейные ценности, стереотипы.*

Cinema is one of the tools for influencing the masses. Therefore, it is important to keep track of the direction of change in the ideas broadcast in popular Russian feature films. The relevance of the topic is related to understanding the evolution of public perceptions of parenthood, family, and fatherhood, as well as analyzing the influence of the film industry on the formation of sociocultural norms and values. The purpose of the study is to analyze the changes in the image of the father in the national cinema of two periods – Soviet and Russian. It has been recorded that fundamental family values have been consolidated in our society, thanks to which, over time, the image of the father in the cinema has not undergone any significant changes. However, economic and socio-cultural transformations have affected the translation of the father's image in Russian cinema, unfortunately, not for the better.

Keywords*: film, popular film, father, fatherhood, children, upbringing, responsibility, family values, stereotypes.*

В современном мире происходит масса событий и процессов, которые так или иначе влияют на наше восприятие, и, конечно же, все происходящее находит свое отражение в кинематографе [2, 10, 11]. Мы видим образ, который отображают сценаристы и режиссера. Конечно же, необходимо понимать, что это их восприятие, однако при просмотре оно часто откликается во многих зрителях [12, с. 77].

Образ отца занимает важную роль в формировании представлений о семье, взаимоотношениях между членами семьи [5, 9]. Искусство кинематографа способно отражать отцовство, воздействовать на ценности и убеждения, которые являются важными. По словам И. О. Шевченко, «образ отца складывается

под влиянием примера собственного отца, распространенных социокультурных стереотипов, представления отцовства в кинофильмах, рекламе и СМИ» [12, с. 72].

Стоит заметить, что на формирование рассматриваемого образа влияли многие факторы: смена власти, развал СССР и создание России. Они так или иначе воздействуют и на наше восприятие, что отражается в фильмах. Кинематограф часто достаточно четко отражает проблемы, находящиеся на повестке дня. По словам Е. В. Мытовой, «кинематограф как один из видов искусства отражает современные тенденции в обществе, в частности в семье, как обществе в миниатюре, указывая на изменения ценностей и ролей внутри семьи, в том числе роли отца» [7, с. 198].

По мнению многих, кино – это зеркало общественной жизни, отражающее насущность, но все же мы можем заметить, что в основном отображается положительная сторона. В отечественном кинематографе отец обладает такими положительными качествами, как доброта, хозяйственность, внимательность, так и характеристики, касающиеся только отцов: ответственность по отношению к семье и детям, готовность сделать все для поддержания домашнего уюта и т. д. [12, с. 77].

Со временем многое меняется, меняются и ценности, например, если раньше семья строилась больше на отношениях, что отец – добытчик, а мать – домохозяйка, то сейчас мужчина, конечно же, остался добытчиком, но «все больше становится популярной модель, где семья может существовать независимо от брака и наличия детей» [11, с. 142]. Поменялись некоторые обязанности по сравнению с тем, что было в СССР. Кинематограф так или иначе меняет и трансформирует восприятие людей на образ отца, о чем мы сказали ранее. Исследование данного образа в отечественном кино имеет важное значение для понимания динамики развития семейных отношений, традиций и изменений в обществе.

Актуальность исследования заключается в необходимости анализа таких закономерностей, которые способствуют выявлению тенденций изменения образа отца в социокультурном пространстве отечественного кинематографа. Цель – анализ трансформации социокультурного пространства разных временных периодов (СССР и Россия) на материале популярных отечественных фильмов.

Основным методом эмпирического исследования выступил контент-анализ, который позволяет изучать закономерности транслирования СМИ ценностей, мотивов, установок, образцов поведения [4]. Объект – образ отца в отечественных кинофильмах. Эмпирической базой данного исследования стали двести фильмов двух временных периодов: СССР и Россия (по сто на каждый промежуток времени, фильмы отбирались по популярности просмотров).

По результатам контент-анализа среди режиссеров отечественных фильмов на тему отца и отцовства преобладают мужчины (89,5 %), оставшаяся доля соответственно относится к женщинам (10,5 %).

Если говорить о возрасте режиссера, то это преимущественно 35–54 года (68,3 %), в меньшей степени – 55–70 лет (16,1 %), еще реже –18–34 года (12,1 %). Старше 70 лет подняли данную тему всего лишь в 3,5 % фильмов. В советском кинематографе режиссеры были старше, то есть их доле в возрасте 55–70 лет составила 22 % против 10 % в российском, тогда как доля в возрасте 35–54 года – 66 % против 71 %, 18–34 года – 7 % против 17 %.

Жанры кинокартин, в которых показан образ отца: на первом месте – драма (41 %), далее следует комедия (28 %) и мелодрама (25 %), но также стоит выделить, что и жанр семейного кино является одним из популярных (17 %) [8].

Исходя из результатов контент-анализа, в фильмах преобладают семьи с одним ребенком (72,5 %), затем семьи с двумя детьми (15 %). Только в 12,5 % кинокартин затронуты проблемы и ценности многодетных семей. В российском кинематографе чаще, чем в советских фильмах, встречаются семьи с одним ребенком (54 % против 44 %) и двумя детьми (26 % против 14 %). Тогда как в советском кино в основном многодетные семьи (40,5 % против 10 %).

В кинокартинах как советского, так и российского периода, в 91,9 % случаев демонстрируется роль родного отца. В свою очередь роль приемного отца составляет 5,1 %, а человека, исполняющего функции отца, но отцом не являющегося, – 4 %. Стоит отметить, что в отечественном кинематографе отец является главным героем –52,8 %, второстепенный – 47,2%. В российском кино отец несколько чаще показан в роли главного героя, чем в советском (57 % против 51 %).

Анализируя возраст героя, можно увидеть, что преобладает 36–46 лет (53 %) и 46–55 лет (29,5 %). Значит, образ отца в отечественном кинематографе представлен человеком взрослым. В советском кино отец чаще показан в пожилом возрасте (56–70 лет) (11 % против 5 %) и 46–55 лет (32 % против 27 %) и реже – в возрасте 36–45 лет (48 % против 58 %).

В половине фильмов образ персонажа положительный, возможен нейтральный (40,7 %) и отрицательный (8,5 %).

Что касается ответственности по отношению к детям, то преобладает вариант, что ответственность существует (82 %). При чем в советском кино ответственность проявляется несколько чаще, чем в российском (85 % против 79 %).

При рассмотрении взаимоотношений между отцом и ребенком/детьми можно отметить, что чаще всего в отечественных фильмах рассматриваются дружеские отношения в семье (42 %), далее следуют близкие/доверительные семейные отношения (34 %). В каждом пятом фильме показываются семьи, в которых существуют отстраненные отношения между членами семьи. В 15 % фильмов нет никаких взаимоотношений в семье. В советском кино несколько чаще демонстрируются близкие, доверительные отношения (33% против 28%), тогда как в российском – отстраненные (20% против 15%) и отсутствие взаимоотношений (17% против 11%).

Отметим, что функции, выполняемые родителями, непосредственно связаны с удовлетворением определенных потребностей ее членов [2]. Рассматривая функции отца в кинофильмах отечественного кинематографа, можно выделить следующие: принятие ключевых решений в семье (64,5 %), финансовое обеспечение семьи (46,5 %), меньше отмечают физическое воспитание ребенка (24 %), реже всего выделяются моральная поддержка матери (5,5 %) и невыполнение функций вообще (2,5 %).

В отечественном кинематографе транслируются следующие стереотипы: «отец – глава семьи, последнее слово за ним» (59,5 %, чаще в советском кино), «мужчина, в первую очередь, – добытчик» (51,5 %, чаще в российском кино), реже – «от отцов нет никакого толка в хозяйстве» (10,5 %), «все отцы хотят сына» (7 %, чаще в российском), «отец должен заниматься уходом за ребенком» и «отец нужен лишь для помощи матери» (по 6,5 %).

Чаще всего в отечественных фильмах показывают примерного семьянина (46 %), реже – отца-одиночку (28,5 %), отстраненного отца (15 %), отца-домохозяина (4,5 %), отца, ушедшего из семьи (2 %). Все остальные образы, такие как отец, который воспитывает детей; которого лишили права воспитывать детей; ушедший на войну; выполняет функции отца, но отцом не является; выполняет функции отчима, приемный отец; вымышленный отец для ребенка, встречаются реже.

Ответственность – самое часто встречаемое качество в образе отца (61,5 %). Далее следуют забота и доброта (40,5 % и 32,5 %). В 31 % фильмов отмечается внимательность, хозяйственность реже –19 %. 12 % кинокартин показывают образ отца, не обладающего положительными чертами.

Несмотря на то, что 53,3 % отцов в отечественном кинематографе не обладают негативными качествами, стоит отметить, что чаще всего в их образах видны такие отрицательные черты, как безответственность (13 %), отстраненность (23,6 %) и невнимательность (16,6 %). При чем негативные качества чаще демонстрируются в российском кино.

Данный контент-анализ показал, что в двух рассматриваемых нами временных периодах (СССР и Россия) образ отца практически не менялся, а если и претерпевал изменения, то в основном не в лучшую сторону. Это связано в основном с кризисом института семьи [1, 3, 6] и может отразиться на развитии будущего общества.

Список литературы

1. Блюмкина Е. Д., Дьякова В. В., Каргаполова Е. В. Семья как социальный институт в представлениях современного российского студенчества: тенденции и противоречия // Теория и практика общественного развития. 2022. № 12 (178). С. 26–32.

2. Давыдова Ю. А., Каргаполова Е. В., Алексеева С. А., Шпаковская Е. С. Роль фильмов о Великой отечественной войне в воспитании патриотизма современной российской молодежи // ЦИТИСЭ. 2021. № 3 (29). С. 24–34.

3. Жданова М. А. Семья как фактор, порождающий социальное сиротство // Социальная педагогика. 2017. № 3. С. 56–63.

4. Каргаполова Е. В., Арясова А. Ю., Дулина Н. В. Система ценностных ориентаций в информационном пространстве региона (по материалам контент-анализа СМИ) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (56). С. 12.

5. Каргаполова Е. В., Глушков Г. А. Образ семьи в российской телевизионной рекламе: взгляд из прошлого в настоящее // Social Phenomena and Processes. 2025. № 1 (8). С. 135–146.

6. Каргаполова Е. В., Лашук И. В. Семья как ценность современного общества (по итогам социологических исследований в Астраханской области Российской Федерации и Республике Беларусь // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 305–314.

7. Мытова Е. В Образ отца в современном российском кино. Некоторые тенденции // Современный кинематограф. Основные векторы развития. М. : Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова, 2024. С. 198–201.

8. Панков Д. С., Хатипов Д. Р. Тенденция популярности жанров в кино // Молодой ученый. 2022. № 33 (428). С. 154–156.

9. Те В. В. Отличительные особенности функций отца и матери в воспитании личности ребенка // Международный научный журнал «Вестник науки». 2021. № 6. С. 45–51.

10. Тюлюнова В. В. Образ семьи в современном российском кинематографе в оценках экспертов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2 (58). С. 134–142.

11. Федорова Е. Д., Яковлева Д. В. Отношение молодежи к образу семьи в современном кинематографе // Наукосфера. 2022. № 9. С. 140–143.

12. Шевченко И. О. Образ отца в современном российском кино: сравнительный социологический анализ // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2015. С. 72–77.

УДК 005.95:304.4

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

М. Ю. Генцер, О. Р. Чугрина
Донецкий институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Донецк, Россия)

В статье рассматриваются подходы к управлению персоналом в организациях, в которых сотрудники различаются по региональному, языковому, профессиональному, возрастному и ценностному опыту. Аргументируется и подтверждается тезис: «Культурное многообразие влияет на коммуникации, адаптацию, безопасность труда, вовлеченность и качество управленческих решений». Рассмотрена модель управления культурным многообразием через диагностику, регламенты, HR-процессы, подготовку руководителей и оценку результатов. Приведены примеры российских крупных компаний – Сбербанк, Яндекс, РЖД и Норникель, которые показывают отраслевую специфику реализации кадровой политики в условиях культурного многообразия**.**

Ключевые слова: *управление персоналом, культурное многообразие, корпоративная культура, адаптация персонала, российские компании.*

This article examines approaches to human resource management in organizations where employees differ in regional, linguistic, professional, generational and value-based experience. The thesis is argued and confirmed: "Cultural diversity affects communication, adaptation, occupational safety, engagement and quality of management decisions." A model for managing cultural diversity is proposed through diagnostics, regulations, HR processes, leadership training and evaluation of results. Examples of large Russian companies such as Sber, Yandex, Russian Railways and Norilsk Nickel are given, which show the industry specifics of implementing personnel policy in the context of cultural diversity.

Keywords: *human resource management, cultural diversity, corporate culture, employee onboarding, Russian companies.*

Управление многообразием (Diversity Management) – это целенаправленная деятельность компании по созданию инклюзивной среды, учитывающей различия сотрудников по культуре, национальности, языку, возрасту, полу, опыту и другим характеристикам. Признание культурного многообразия рассматривается как стратегическое преимущество: компании с развитой инклюзивной культурой демонстрируют более высокие результаты, так как разнообразные команды лучше понимают потребности разных клиентов, принимают более взвешенные решения и создают продукцию для более широкой аудитории [1].

Культурное многообразие персонала стало естественным состоянием современной организации. Для российских компаний оно связано не только с

международными контактами, но и с масштабом страны, различиями региональных трудовых рынков, миграцией рабочей силы, распространением удаленной работы и одновременным присутствием нескольких поколений сотрудников. Поэтому кадровая служба уже не может ограничиваться формальным наймом и учетом персонала: от нее требуется способность превращать различия между людьми в ресурс совместной работы. Разнородные команды лучше замечают потребности разных групп клиентов и регионов, чаще предлагают альтернативные решения и быстрее адаптируются к изменениям. Но если многообразием не управлять растет риск недоверия, возникают ошибки коммуникации, а руководители начинают объяснять рабочие проблемы происхождением или менталитетом сотрудника. Следовательно, задача HR-специалиста состоит в переводе различий из зоны стихийного риска в зону управляемых процедур.

Практическая работа начинается с диагностики. HR-служба определяет, в каких процессах культурные различия сильнее всего влияют на результаты: подборе, адаптации, обучении, продвижении или внутренних коммуникациях. Это позволяет выявить проблемные зоны и определить направления дальнейших действий. Для оценки используются конкретные показатели: текучесть кадров по подразделениям, причины конфликтов, доступность обучения, скорость адаптации новых сотрудников и качество обратной связи руководителей. Такой анализ служит основой для эффективных HR-решений [2].

Второй элемент системы – формальные правила. Организация должна закрепить принципы уважительного поведения, единый порядок рассмотрения жалоб и понятные последствия нарушения норм. Если кодекс встроен в обучение руководителей, адаптацию новичков и оценку управленческих компетенций, он становится рабочим инструментом.

Третий элемент представляет собой настройку HR-процессов с учетом культурного многообразия. На этапе подбора персонала важную роль играют стандартизированные оценочные листы и фиксация причин отказа, что способствует объективности решений. Во время адаптации эффективными инструментами выступают наставничество и разъяснение корпоративных норм и правил взаимодействия. При обучении руководителей следует уделять особое внимание развитию навыков конструктивной обратной связи, предотвращения и разрешения конфликтов.

Заключительный элемент заключается в оценке результатов проводимой политики. Организациям следует отслеживать уровень вовлеченности персонала, текучесть кадров, результаты обучения, скорость адаптации новых сотрудников и возможности карьерного роста. Такой подход соответствует современным международным стандартам управления персоналом, в соответствии с которыми разнообразие и инклюзия рассматриваются как неотъемлемая часть общей системы управления организацией, а не единоразовая социальная инициатива.

Системное внедрение перечисленных инструментов требует их объединения в единую управленческую структуру, где ценности организации, компетенции руководителей и адаптированные HR-процессы функционируют во взаимосвязи. Цикл повторяется при изменении рыночных условий, состава команды или стратегических приоритетов компании, что обеспечивает гибкость и устойчивость системы управления персоналом. Для наглядного представления указанных элементов и их взаимосвязей целесообразно обратиться к рисунку [3].

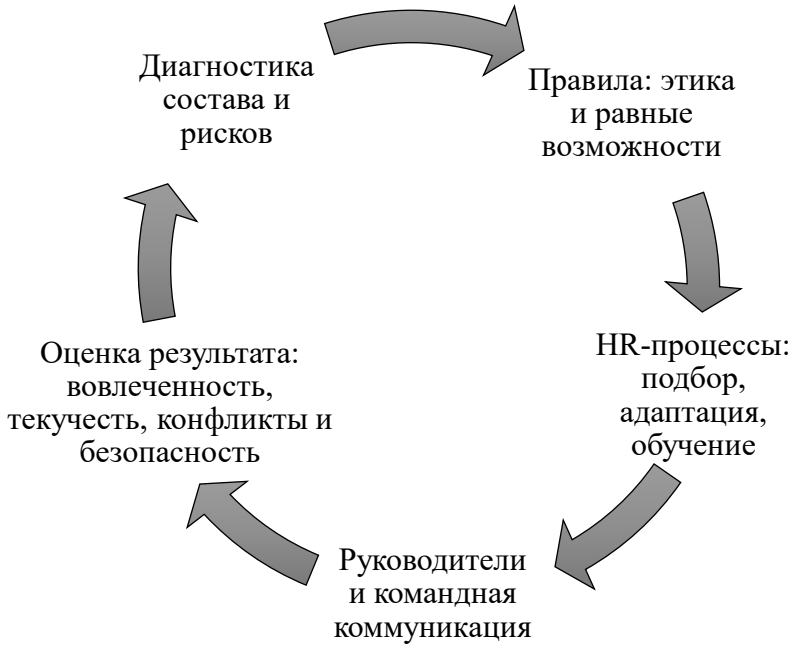

Рис. Модель управления культурным многообразием

Культурное многообразие не предполагает отказа от единых корпоративных требований. Напротив, сильная организация сочетает уважение к различиям с четкостью основных норм.

Одной из наиболее значимых областей применения таких подходов является управление конфликтами, возникающими в многообразной рабочей среде. В адаптационных программах полезно регулярно проводить тренинги по развитию культурной компетентности, чтобы сотрудники осознавали собственные стереотипы и учились выстраивать диалог. Важной управленческой рекомендацией является адаптация стиля руководства к особенностям конкретной команды: использование гибких форм организации труда, выбор эффективных подходов к обратной связи и применение дифференцированных инструментов мотивации для различных групп сотрудников.

Управление межкультурной коммуникацией – непрерывный процесс, требующий сочетания трех основных стратегий. Стратегия адаптации**,** в рамках которой сотрудники сознательно приспосабливаются к культурным особенностям друг друга, проявляют гибкость, открытость и стремление учитывать ценности коллег. Существенную роль играет и стратегия обучения**,** предусматривающая

проведение семинаров и тренингов, направленных на развитие межкультурной компетентности, совершенствование коммуникации и освоение способов разрешения конфликтов. В ситуациях выраженных языковых различий применяется стратегия медиации и перевода**,** предполагающая привлечение переводчиков или медиаторов для обеспечения взаимопонимания и эффективного взаимодействия участников команды [4].

Практическая значимость данных подходов подтверждается опытом крупных российских компаний, успешно внедряющих соответствующие инструменты в корпоративную среду. Рассмотрим отдельные примеры такой практики (табл.).

Таблица

Практики крупных российских компаний в контексте культурного многообразия

Компания	**Поликультурная среда**	**Практика**	**Управленческий вывод**
ПАО «Сбербанк»	Федеральная сеть, разные клиентские и профессиональные группы	Инклюзивные и социальные проекты, обучение, цифровые сервисы	Инклюзия связывает клиентский опыт, обучение и внутреннюю культуру [5]
МКПАО «Яндекс»	IT-экосистема, разные группы пользователей	Технологии доступности, образовательные проекты, языковые и социальные инициативы	Культурная чувствительность важна в HR и проектировании продукта [6]
ОАО «РЖД»	Совокупность регионов, профессий и сменных коллективов	Кодекс деловой этики, развитие корпоративной культуры	Единые нормы поведения снижают риски разобщенности [7]
ПАО «Норникель»	Северные территории, промышленная занятость, локальные сообщества	Взаимодействие с коренными малочисленными народами и социальные программы	HR-политика должна учитывать местную культурную среду [8]

Примеры показывают, что работа с многообразием зависит от отрасли. Для Сбербанка важны цифровые каналы и обучение, Яндекса – проектные команды и доступность сервисов, для РЖД – безопасность и единые нормы, для Норникеля – северные территории и доверие к работодателю. Следовательно, универсальная модель должна адаптироваться к бизнес-контексту, а не копироваться механически.

Таким образом, управление персоналом в условиях культурного многообразия предполагает комплексные и последовательные изменения, охватывающие как систему корпоративных ценностей, так и конкретные HR-процессы. Многообразие целесообразно рассматривать не как формальное требование,

а как стратегический ресурс, способствующий устойчивому развитию организации, росту инновационности и повышению конкурентоспособности. Успешная инклюзия начинается с трансформации корпоративной культуры, основанной на уважении, равных возможностях и признании ценности каждого сотрудника независимо от его индивидуальных особенностей.

Список литературы

1. Панчук Е. Ю. Управление межкультурной коммуникацией в многонациональных командах // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. 2023. № 1. С. 396–401.
2. Кибанов А. Я. Управление персоналом организации : учебник / под ред. А. Я. Кибанова. 4-е изд., доп. и перераб. М. : ИНФРА-М, 2026. 695 с.
3. Дейнека А. В., Беспалько В. А. Управление человеческими ресурсами. М. : Дашков и К, 2021. 378 с.
4. Шарапов М. М. Стратегии и способы культурной адаптации в эпоху глобализации и повышенной мобильности населения // Вестник науки. 2024. № 2 (71). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-sposoby-kulturnoy-adaptatsii-v-epohu-globalizatsii-i-povyshennoy-mobilnosti-naseleniya
5. ПАО «Сбербанк» – официальный сайт. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person.
6. МКПАО «Яндекс» – официальный сайт. URL: https://yandex.ru/company.
7. ОАО «РЖД» – официальный сайт. URL: https://company.rzd.ru/.
8. ПАО «Норникель» – официальный сайт. URL: https://nornickel.ru/.

УДК 316.7:004.8

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИССКУСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОХРАНЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

А. Д. Голованова, А. М. Мурзагалиев, О. А. Моглова

Астраханский государственный архитектурно-строительный университет (г. Астрахань, Россия)

В статье обосновывается возможность применения технологий искусственного интеллекта для защиты традиционных духовно-нравственных ценностей и укрепления межэтнического согласия в полиэтничных регионах на примере Астраханской области. Предложена архитектура этноцифровой платформы, включающая мультиязычный анализ, компьютерное зрение и модуль культурной экспертизы для выявления деструктивного контента с учетом региональной специфики.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, традиционные духовно-нравственные ценности, межэтническое согласие, деструктивный контент, дипфейки.*

The article substantiates the possibility of using artificial intelligence technologies to protect traditional spiritual and moral values and strengthen interethnic harmony in multi-ethnic regions, using the Astrakhan region as an example. An architecture of an ethno-digital platform is proposed,

which includes multilingual analysis, computer vision, and a cultural expertise module for detecting destructive content, taking into account regional specifics.

Keywords: *artificial intelligence, traditional spiritual and moral values, interethnic harmony, destructive content, deepfakes.*

В условиях современных глобальных вызовов, когда цифровая среда становится основным полем информационного противоборства, защита традиционных духовно-нравственных ценностей приобретает особую актуальность. Российская политика, закрепленная в Указе Президента № 809, определяет такие ценности, как единство народов России, историческая память, патриотизм и крепкая семья, в качестве основы национальной безопасности [1, 2]. Однако в полиэтничных регионах, где на одной территории веками сосуществуют десятки народов, эти ценности оказываются наиболее уязвимыми для информационных провокаций. Астраханская область является уникальной моделью «единства в многообразии». Здесь проживают представители более 150 национальностей, активно используются русский, казахский, татарский, калмыцкий и другие языки, а высокая плотность межэтнических контактов сочетается с приграничным положением на границе с Казахстаном. Именно в таких регионах информационные технологии могут оказать помощь в сохранении межнационального согласия.

Российская модель межэтнического согласия, в отличие от ассимиляции или мультикультурализма, базируется на принципе «единство в многообразии», который предполагает сохранение этнокультурной идентичности при общероссийской гражданской основе. Астраханская область идеально иллюстрирует эту модель. Однако именно плотность контактов и смешанное проживание создают почву для деструктивных информационных атак, которые могут использовать малейшие бытовые конфликты для раздувания межэтнической розни.

Наиболее опасной информационной угрозой является разжигание межнациональной и межрелигиозной розни, причем не только в явной форме прямых призывов к насилию, но и в завуалированной, через эвфемизмы, мемы с двойным смыслом, иронические высказывания. Еще один тип угрозы – это фейки об истории и культуре народов, которые искажают совместное прошлое и обосновывают территориальные претензии, как это происходит, например, в спорах между Калмыкией и Астраханской областью. Все эти угрозы распространяются через социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и региональные паблики, которые пользуются высоким доверием местного населения. Для Астраханской области характерны специфические риски: провокации на линии русско-казахского приграничья, включая языковые рейды и призывы к «освобождению территорий», спекуляции на водных и земельных вопросах, а также использование этнических диаспор для дестабилизации, когда реальные межэтнические инциденты искажаются в социальных сетях и обрастают ложными подробностями.

Существующая в России система мониторинга эффективна для социально-экономических проблем, но недостаточна для выявления тонких форм деструктивного контента. Эти системы работают реактивно, не распознают эвфемизмы и подтекст, а главное – они моноязычны и не анализируют сообщения на других языках народов России (казахском, татарском или калмыцком). Именно здесь на помощь приходят технологии искусственного интеллекта (ИИ) [3].

Рассмотрим основные возможности ИИ для защиты традиционных ценностей [4]. Методы обработки естественного языка позволяют решать три ключевые задачи. Первая – детекция токсичности и экстремистского контента с помощью моделей типа RuBERT и мультиязычного XLM-R, достигающих точности до 90 %. Вторая – распознавание эвфемизмов и подтекста, для чего должны создаваться региональные словари завуалированных оскорблений, а также использоваться алгоритмы анализа контекста, аналогичные системе AUTOFACTCHECK. Третья – анализ эмоциональной окраски, позволяющий выявлять гнев, страх или отвращение как ранние индикаторы целенаправленной дестабилизации. Компьютерное зрение дополняет эти возможности. Российская система «Окулус» уже сегодня распознает запрещенную символику и сцены насилия, обрабатывая до 200 тысяч изображений в сутки, а мультимодальные модели способны анализировать вредоносные мемы, сочетающие текст и картинку [5]. Особое значение имеет детекция дипфейков – видео, созданных с помощью генеративных нейросетей, которые могут фабриковать сцены межэтнических конфликтов с высокой степенью реалистичности. Наконец, анализ сетей с использованием графовых нейросетей позволяет выявлять бот-фермы и скоординированные кампании [6]. Для этой цели разработки Санкт-Петербургского федерального исследовательского центра Российской академии наук используют более тысячи метрик, анализируя эволюцию аккаунтов во времени и отличая живых пользователей от автоматизированных ботов. При этом мы должны отдавать себе отчет, что сами генеративные технологии искусственного интеллекта и рекомендательные алгоритмы могут непреднамеренно усиливать дезинформацию: боты на основе больших языковых моделей способны генерировать тысячи фейковых постов в минуту, а рекомендательные ленты социальных сетей, оптимизированные на вовлеченность, часто подталкивают пользователей к самому эмоционально заряженному, а значит, и деструктивному контенту. Противодействие этим рискам требует регулярного аудита алгоритмов и повышения цифровой грамотности населения.

Для Астраханской области может быть предложена следующая архитектура этноцифровой платформы. Платформа должна включать модуль сбора данных из открытых социальных сетей, региональных пабликов и жалоб граждан. Ядро системы – мультиязычный NLP-модуль, поддерживающий русский, казахский, татарский и калмыцкий языки. Этот модуль выполняет детекцию токсичности, распознавание эвфемизмов и анализ эмоций. Дополнительно

платформа должна оснащаться модулем компьютерного зрения для выявления дипфейков и запрещенной символики. Критически важным элементом является модуль культурной экспертизы, где этнологи, лингвисты и лидеры национально-культурных автономий верифицируют спорные случаи, размечают обучающие данные для дообучения моделей и обновляют словари эвфемизмов. Результаты должны выводиться на панель визуализации для оперативных служб и органов власти, которая включает карту угроз по муниципальным образованиям, систему раннего предупреждения, отправляющую оповещения при обнаружении скоординированной атаки.

Искусственный интеллект не является панацеей, но он может стать эффективным инструментом поддержки принятия решений в сфере национальной политики. Предложенная платформа, ориентированная на многоязычие и культурную специфику Астраханской области, может быть тиражирована на другие полиэтничные регионы Южного и Приволжского федеральных округов. Ключевые условия успеха – это интеграция с существующими системами мониторинга, участие этнологов в разметке данных, соблюдение этических норм с обязательным человеческим контролем и, конечно, повышение цифровой грамотности населения, чтобы граждане сами могли отличать дипфейк от реальности. Только сочетая технологические решения с живым участием экспертов и общественности, возможно сохранить то единство в многообразии, которое веками составляло силу России.

Список литературы

1. Российская Федерация. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 // Гарант. URL: https://base.garant.ru/405679061/.

2. Российская Федерация. О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : Указ Президента РФ № 858 от 25.11.2025 // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413034563/?ysclid=mpdld9o1dz662505360.

3. Российская Федерация. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента РФ № 344 от 29.05.2020 // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/?ysclid=mpdli1a912138727697.

4. Нефедонова Ю., Аникина М. Исследование по применению нейросети BERT для выявления признаков социального конфликта в медиаконтенте // Противодействие идеологии терроризма в медиасреде : круглый стол. М. : Минцифры РФ, 2025.

5. Окулус : главный радиочастотный центр // Роскомнадзор.

6. Samoilenko S. A., Suvorova I. Artificial intelligence and deepfakes in strategic deception campaigns: The US and Russian experiences // The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security. Cham : Springer, 2023. P. 507–529. DOI: 10.1007/978-3-031-22552-9_19.

УДК 93+39

МЕЖТЮРКСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В БУКЕЕВСКОЙ ОРДЕ: КАЗАХИ, НОГАЙЦЫ И ТАТАРЫ

Р. В. Ишмухамбетов, А. З. Давлекамова
Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

Статья посвящена истории взаимоотношений тюркских народов Астраханской области. Появление нового полуавтономного образования внутри Астраханской губернии – Букеевской Орды – запустило процесс формирования новой субэтнической группы – российских казахов, которые восприняли русские, а также ногайские и татарские культурные и этнические влияния.

Ключевые слова: *Букеевская Орда, казахи, ногайцы, татары, тюрки, аккультурация.*

The article is devoted to the history of relations among the Turkic peoples of the Astrakhan region. The emergence of a new semi-autonomous entity within the Astrakhan Governorate – the Bukey Horde – triggered the process of forming a new sub-ethnic group – the Russian Kazakhs, who absorbed Russian cultural and ethnic influences, as well as Nogai and Tatar cultural and ethnic influences.

Keywords: *Bukey Horde, kazakhs, nogais, tatars, turks, acculturation.*

Астраханская область – регион России, издавна связанный с Великой степью и особенно с тюркскими народами, начиная с древних времен и поныне. Здесь, на стыке Азии и Европы, веками происходили процессы взаимодействия и смешения разных этнических групп, отличающихся культурой, языком и внешним обликом. Народы обменивались формами хозяйства, материальными и духовными традициями.

В начале XIX века, в 1801 году, произошло важное событие в истории Нижнего Поволжья: султан Букей – сын хана Младшего жуза Нурали – с разрешения императора Павла I пересек реку Яик (Урал) и вместе с подвластными казахскими племенами основал Букеевскую Орду. Территория Астраханской губернии, где расположилось новое образование, уже входила в состав «внутренней территории» России.

По мнению ряда исследователей (П. И. Небольсина, Б. А. Аспандиярова, С. З. Зиманова), Букеевская Орда стала наиболее развитой частью казахского мира, сформировавшейся в тесном взаимодействии с российским обществом [2]. Здесь впервые появились: светская школа европейского типа; типография; ярмарка; новая элита из офицеров-«неплюевцев» и выпускников «Джангировского училища»; мечети нового типа, а также одна из первых газет на казахском языке – «Казакстан».

При этом традиционная казахская культура в Орде отнюдь не угасла: развивалось творчество композиторов Курмангазы и Даулеткерея, поэтов Махамбета и Гумара Караша и других деятелей. «Внутренняя Киргизская Орда»

не была отдаленной окраиной: ее посещали высокопоставленные чиновники, в том числе офицеры корпуса жандармов.

«Ногайское наследство»: мифы и реальность

Вопрос ногайско-казахских отношений на современном этапе стал тесно связан с концепцией и.н. «ногайского наследства». Дело в том, что в Казахстане некоторые отдельные группы националистов активно продвигают идею о том, что якобы Младший жуз (племя алшын) происходит из Ногайской Орды и Астраханского юрта, а значит, астраханские земли якобы искони принадлежат казахам [6]. При этом игнорируется факт проживания здесь коренных народов и прямых потомков средневековых ногаев – ногаев-юртовцев и ногаев-карагашей.

Подобные притязания опираются на существование племени алшын, которое присутствовало и в Ногайской Орде, и в Астраханском ханстве [3, с. 44]. Однако современные генетические исследования показывают, что ногайские потомки алшынов (проживающие ныне в Ставрополье и на Кубани), а также и ногайские племена уйсун, найман, тама и другие «однофамильцы» имеют иное этническое происхождение, чем их казахские «тезки». Следовательно, подобные исторические построения не имеют научного обоснования.

Реальная картина исторических событий выглядит иначе. Астраханское ханство (конец XV века) исторически предшествовало присоединению региона к Московскому государству. Этот процесс прошел относительно мирно: местное ногайское население (ногаи-юртовцы) принесло шерть (присягу на подданство), сохранив при этом свою религию и идентичность. Ногайцы на Нижней Волге – прямые потомки Астраханского ханства и представители этноса на территории исторической Ногайской Орды. Они служили Русскому государству в Ливонской, Польской и Северной войнах, охраняли границы и выполняли дипломатические функции. Таким образом, идея об «изгнанных» и якобы ушедших в состав казахского народа жителях ханства не имеет твердого подтверждения.

Однако связь ногаев и казахов совершенно по-иному проявилась в XIX столетии. Ведь именно с участием юртовских ногайцев и карагашей было связано появление казахов на Астраханских землях. Они сыграли ключевую роль в основании Букеевской Орды в начале XIX века. Их история тесно переплетается с историей букеевских ногайцев, которые выступали в роли ханской «гвардии» при казахских правителях [4, с. 95].

Служилые группы в Букеевской Орде

Феномен служилых групп в Букеевской Орде – это уникальное этносоциальное явление, возникшее на стыке трех кыпчакских народов (татар, казахов, ногайцев), а также с численно меньшим включением монгольских (калмыки) и кавказских этнических элементов.

Ключевым аспектом этого участия оказалась роль «служилых» в управлении ханством. Ханская власть привлекала служилые группы неказахского происхождения для контроля над кочевниками. В обмен на привилегии и

земельные наделы букеевские ногайцы и калпаки обязывались службой, включавшей военно-полицейские функции, что давало обрести престижный статус.

В число служилых групп входили туленгуты, ногайказахи, калпаки [1], букеевские карагашногаи и другие. Со временем туленгуты сменились «принятыми служилыми», а с 1820-х годов появились «новые туленгуты» из числа карагашногаев и ходжатуленгутов.

Служилые группы выполняли военные, полицейские и почтовые задачи, составляя опору власти хана. Их роль особенно ярко проявилась во время восстания Исатая Тайманова.

Привилегии служилых заключались в том, что хан предоставлял им в пожалование земли и осуществлял их судебную защиту. Туленгуты также частично освобождались от налогов, а ногай-казахи и калпаки, хотя и платили, имели частичный «иммунитет» от преследования за проступки, им позволялось входить к ханам и султанам с оружием, а представитель букеевских ногайцев из рода кояс Шомбал Ниязов стал фактически (бел-бий) «премьер-министром» в ханском совете при хане Джангире Букееве [2, с. 93].

Интеграция в букеевское общество происходила по-разному. Иноэтничные группы принимались либо по решению хана, либо явочным порядком. Со временем они превратились в особые субэтнические единицы в составе букеевских казахов, сохраняя при этом частично ногайское и татарское самосознание.

При этом служилые группы и сами активно участвовали в социальных протестах 1820–1840-х годов, несмотря на то что их позиция была неоднозначной.

Складывалась трехчленная система «Нобилитет – земля – служба»: приближенные к хану могли отправлять детей в Неплюевское училище, формируя новую элиту (например, группа букеевских ногайцев, иначе ногай-казахов).

Ногайцы и казачество

Астраханские казаки, в состав которых входили ногаи-юртовцы (в том числе представители знатной семьи Урусовых), сыграли важную роль в переселении казахов в Астраханскую губернию. Например, ногайский князь Темирбулат Урусов служил переводчиком при хане Букее и выполнял функции конфидента.

Хабибулла Танин, юртовский ногаец-казак из семьи, связанной с Урусовыми, был телохранителем хана и неоднократно спасал его жизнь [4, с. 95]. Джанибек Токбердиев, представитель карагашей, также входил в ханскую «секретную службу» и выполнял секретные поручения. Сам же Букей тесно взаимодействовал с духовным лидером ногайцев-карагашей Мулла Сеитом Халгеевым, сыном ногайского духовного подвижника Сеид Бабы, чей авторитет влиял на возрождение исламских традиций среди ногайцев и букеевских казахов. Авторы, исследовав родословную этого рода ногайских сеидов, вслед за Дамиром Исхаковым, считают его потомком знаменитого сеида Астраханского ханства Енгуват Азея, дававшего шерть от всего населения Астраханского ханства посланцам Ивана Грозного в 1554 году [9].

Ногайцы-юртовцы и карагаши, хорошо знавшие местность и адаптированные к взаимодействию с российской властью, стали основой для формирования служилых групп, выполнявших военные, дипломатические и полицейские функции. Часть карагашей, перешедших на службу к букеевским ханам, образовала особую группу «карагаш».

Формирование особой группы казахского этноса – российских казахов

Сегодня астраханские казахи – самая многочисленная тюркская группа в регионе, а букеевцы (включая волгоградских и саратовских) составляют большинство казахов в России. Они обладают особым самосознанием и этнической идентичностью, сформировавшейся в Букеевской Орде благодаря взаимодействию с другими народами Астраханского края.

Яркий пример успешной интеграции и аккультурации казахов в российское общество – судьба Губайдуллы Джангирова (1840–1909), внука хана Букея и сына Джангира. Он стал выдающимся российским военным деятелем, получил титул дворянское звание и титул князя Чингиса, достиг звания генерала от кавалерии, участвовал в Русско-Турецкой войне и был награжден орденами Святой Анны и золотой саблей «За храбрость» [8]. Сохраняя казахскую идентичность и мусульманскую веру, он продемонстрировал возможность интеграции национальных элит в российское общество.

Межкультурное взаимодействие

Тесные связи между ногайцами и казахами подтверждаются традицией, признающей ногайского ахуна Казакая эфенди предком Мурынжырау Сенгирбек улы и передатчиком ногайских эпосов в казахскую среду. Эти эпосы служили обоснованием закрепления букеевцев в Волго-Уралье.

Ногайское и татарское культурное влияние заключалось в перенятии различных черт быта, кухни, одежды и т. д. Например, в одежде: папахи-кубанки, бешметы, черкески (шепкен), наборные пояса (соявлы белбав), женские покрывала (тастар) и шапки (кундыз боьрк). Восприятие в кухне: балиш (малищ), кайнары (пэрэмэшэ), а также заимствования в лексике (инкал, борек и др.).

Влияние в обычаях: частушки на татарском языке, использование баетов, обычай мазать лоб детей жертвенной кровью на Курбан Байрам, ношение архалука и папахи-кубанки [5].

По данным переписи 2002 года, несколько десятков человек в Саратовской области определили себя как «ногай» с казахским родным языком. В переписи 2021 года категория «ногайцы с казахским языком» заметно увеличилась в Астраханской области [7]. Большинство ногай-казахов идентифицируют себя как часть казахского народа, сохраняя при этом элементы трайбализма – негласной иерархии по родовому происхождению.

Сегодня ногайцы, казахи и татары активно взаимодействуют на Астраханской земле: заключаются смешанные браки, проводятся совместные мероприятия, развивается сотрудничество в рамках российского общества.

Список литературы

1. Арсланов Л. Ш., Викторин В. М. Александров – Гай “каракалпаклары” // Мирас (Возрождение). Бөтендөнья татарстанның халыкара иҗтимагый – сияси, фәнни – популяр һәм әдеби – нәфис айлык журналы (Всемирный обществ.-политический и литературно-худож. ежемесячный журнал народа Татарстана). 1998. № 4 (77). Б. 116–120 (на татарск. яз.)
2. Ишмухамбетов Р. В. Ханская власть и внутренние «служилые» группы в Букеевской Орде казахов (по данным архивов Оренбурга, Астрахани и Казахстана) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (33). С. 90–100.
3. Ишмухамбетов Р. В., Мусаев А. Д. К этнической истории ногаев-юртовцев // Проблемы востоковедения. 2025. № 1 (107). С. 40–47.
4. Кидирниязов Д. С., Ишмухамбетов Р. В. Юртовские ногайцы на службе России в начале XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2025. № 2 (69). С. 93–96.
5. Полевые материалы автора (хранятся в его личном архиве).
6. Ирмуханов Б., Ермагамбетова А. Недосказанность о Младшем жузе // Nomad. URL: https://nomad.su/?a=15-201604060013&ysclid=mnow0cf8fc796600401.
7. Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami.
8. Абдиров М. Губайдулла Жангиров – казахский генерал русской армии // Казахстанский военный сайт. URL: https://military-kz.ucoz.org/publ/voennaja_istorija_kazakhskogo_khanstva/rosimper/gubajdulla_zhangirov_kazakhskij_general_russkoj_armii/4-1-0-138.
9. Астрахань в Лицевом Своде Ивана Грозного, 3 // LiveJournal. URL: https://elena-pim.livejournal.com/123585.html.

УДК 177:17.03

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ТРАДИЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ В РЕЛИГИОЗНОЙ ЭТИКЕ Б. ВЫШЕСЛАВЦЕВА

Н. И. Мушинский

Белорусский национальный технический университет
(г. Минск, Республика Беларусь)

Рассматривается учение о справедливости как традиционной духовно-нравственной ценности в религиозной этике Б. Вышеславцева. Делается вывод об актуальности традиционных аксиологических нарративов справедливости как основы межэтнического согласия в условиях современных глобальных вызовов технократического развития.

Ключевые слова: *традиционные ценности, глобальные вызовы, русская религиозная этика, Б. Вышеславцев, учение о справедливости*.

This article examines the doctrine of Justice as a traditional spiritual and moral value in the religious ethics of B. Vysheslavtsev. It concludes that traditional axiological narratives of Justice remain relevant as the basis for interethnic harmony in the face of contemporary global challenges of technocratic development.

Keywords: *traditional values, global challenges, Russian religious ethics, B. Vysheslavtsev, the doctrine of Justice.*

В современных условиях научно-технический переворот порождает глобальные вызовы и угрозы, имеющие далеко идущие аксиологические последствия. Сложившаяся на протяжении тысячелетий традиционная шкала ценностей,

закрепленная в том числе в религиозной этике русского православия, все чаще подвергается критике под видом реализации принципов свободы и демократии. Деструктивные силы, пытаясь сохранить ускользающее мировое лидерство, внедряют в массовое сознание систему нетрадиционных ценностей, якобы более соответствующих реалиям настоящего времени, на самом деле ведущих человечество к биологическому вырождению, ставящих его на грань военно-политического и экологического самоуничтожения. Под предлогом отстаивания инновационных аксиологических приоритетов, санкционированных массовой культурой и системой моды, на территории геополитических противников разжигаются вооруженные межнациональные конфликты и «цветные революции», исходя из принципа «разделяй и властвуй», налагаются несправедливые экономические санкции. С помощью самых передовых информационных технологий, в том числе искусственного интеллекта, в массовое сознание, особенно некритически мыслящего молодого поколения, внедряются ложные ценностные приоритеты, припоминаются межнациональные обиды далекого и давно забытого исторического прошлого. Тем самым расшатываются основы единой государственности, сеется рознь между даже этнически близкими родственными народами, формируется «пятая колонна» внутри общественной системы (как это происходит, наглядно показали события на Украине, бывшей братской советской республике, а также неудавшаяся попытка государственного переворота в Беларуси во время президентских выборов 2020 года).

Сложившаяся ситуация межэтнического противостояния в целом характерна для эпохи новейшего научно-технического переворота, разрушившего географические границы между удаленными регионами планеты, достаточно вспомнить колониальную систему XIX века, мировые войны и ракетно-ядерное противостояние XX века. Между тем ведущие этико-философские системы современности пытаются сгладить ситуацию, формулируя инновационный нарратив справедливости.

В изменившихся условиях они призывают народы к равноправному взаимовыгодному сотрудничеству с уважением взаимных экономических интересов; пытаются преодолеть трагическую разобщенность научного и религиозного дискурса, наполнить традиционные ценности гуманизма, добра и красоты новым смыслом согласно универсальным общечеловеческим критериям справедливости.

Это особенно характерно для русской религиозной этики на рубеже XIX–XX веков. Для наглядности в качестве примера можно привести воззрения такого яркого ее представителя, как Бориса Вышеславцева (1877–1954): присущее ему отстаивание традиционных духовно-нравственных ценностей на основе принципов справедливости.

На протяжении жизни этот философ мог воочию наблюдать события двух мировых войн и социальной революции в России, сопровождавший подъем их

материалистических и позитивистско-сциентистских воззрений, застал начало атомной эры. Осмысливая понятие справедливости, он пытается связать фрейдовский психоанализ и традиционные христианские ценности, в философском отношении опирающиеся на объективно-идеалистическую онтологию Платона и неоплатоников: «Этика сублимации, "этика преображенного Эроса", соединяет в себе христианский платонизм и открытия современного психоанализа» [1, с. 14]. Попутно он анализирует фихтеанскую систему наукоучения, шеллингианскую диалектику натурфилософии и трансцендентального идеализма, марксистов, ницшеанцев, феноменологию последователей Гуссерля (Макс Шелер и др.), выстраивает их в стройную последовательность: «С нашей точки зрения, вопрос решается так: сублимация всеобъемлющая… (не частная и условная) невозможна без… абсолютного совершенства, без аксиологического Абсолюта. Такова великая традиция Платона, Плотина, Фихте, Шеллинга; ее же поддерживает Шелер» [1, с. 114].

Анализируя становление рационалистической интерпретации нарратива справедливости от античности до современного позитивизма, Вышеславцев раскрывает ее ограниченность, выраженную в отождествлении справедливости и закона, что далеко не всегда совпадает (так Сократ из уважения к закону отказался бежать из-под стражи, в результате был казнен несправедливо; Христос тоже был распят по закону, но не по справедливости). «Абсолютизация бездушного закона» – характерная черта римского права: «Стоическое обожествление закона и справедливости… было всего ближе… сердцу римского народа» [1, с. 35]. В широком смысле это относится ко всей античной цивилизации: «Этический идеал расцвета греко-римской культуры есть… идеал справедливости, как гармонии… Но справедливость есть идеальная закономерность» [1, с. 34]. Через ряд последовательных стадий эта ограниченная точка зрения доходит до современности, находит выражение в западных мифологемах «свободы» и «демократии»: «Ошибаются те, кто думает, что справедливое устроение человечества… разрешается системой справедливых законов, идеальным государством – … республикой … как думает современное внехристианское человечество» [1, с. 39].

На самом деле, указывает Б. Вышеславцев, именно христианство, особенно православие, наполняет нарратив справедливости высоким духовным смыслом (через принцип «возлюби ближнего как самого себя»), формирует на этой основе устойчивую систему традиционных ценностей: «Этика благодати противопоставляется этике закона» [1, с. 86]. Именно поэтому религия сохраняет свои позиции, остается востребованной в том числе в условиях современного научно-технического переворота. Более того, подчеркивает русский философ, даже декларативно атеистические философские системы неизбежно приобретают черты мистического культа (если не Бога, то личности политических вождей). Таковы объективные характеристики психологии восприятия, выраженной

в сознании широких масс: «Религия марксизма имеет свои мифы, свои образы, свои иконы, свою эсхатологию, свои обряды. И это необходимо так, ибо образы воображения можно… победить только образами воображения» [1, с. 66]. Отсюда интерес русского философа к фрейдовскому психоанализу; он подмечает, что всякое давление извне психологически вызывает противодействие, протест, весьма далекий от критического разума. Культ закона порождает преступление, культ государства – теорию анархизма. Тем важнее духовная составляющая справедливости как традиционной ценности, выраженная через доктрину спасения: «Закон порождает… справедливое негодование… Быть может, этот гнев справедлив? Да, он может быть справедливым, но все же это отрицательный аффект… То, что спасает… , больше того, что губит и умерщвляет (хотя бы справедливо)» [1, с. 38].

При этом религия должна действовать добром и милосердием, а не декларативным принуждением, как это случалось в древности; привлекать к традиционным ценностям сердца людей чисто психологически: «Мы живем в эпоху, когда автономии личности угрожает наибольшая опасность от всяческих диктатур и тираний, и не христианству, конечно, эту опасность усугублять. Сейчас только та Церковь может вести за собой, которая дальше всего отстоит от инквизиции» [1, с. 105]. Отсюда вновь вытекает присущий Вышеславцеву интерес к этике психоанализа, чувственно-эмоциональным аспектам человеческого восприятия, внушения и самовнушения.

Тем не менее фрейдовская позиция его тоже не вполне устраивает, именно в силу своего эволюционно-материалистического редукционизма всего многообразия проявлений «творческого Эроса» (как в диалоге «Пир» Платона) к «Эдипову комплексу» и односторонней «сексуальности»: «Сублимация для Фрейда невозможна, ибо сублимация для Фрейда иллюзорна… Шелер справедливо указывает на… несводимость на одно какое-либо стремление, например на сексуальное. "Святая любовь" Франциска Ассизского … необъяснима эволюционно из сексуального влечения» [1, с. 113].

В этом вопросе русский философ примыкает к более поздним представителям неофрейдизма, согласовывая с ними собственную аксиологическую позицию: «Вот почему libido расширяется у Юнга до предела… энергии творчества и воображения… Настоящая сущность Эроса раскрывается в том, что он есть стремление… Стремление диалектично: оно переходит от тезиса к антитезису, оно всегда встречает границу и всегда выходит за ее пределы» [1, с. 112]. Преодоление эпистемологических границ ранее познанного есть создание чего-то инновационного, прорыв из небытия в бытие, то есть творчество. Борис Вышеславцев видит подлинное выражение «сублимации» (у Фрейда это понятие подразумевало превращение, преобразование в положительные санкционированные обществом формы негативной энергии «бессознательного», выраженной через «либидо», Эдипов комплекс, подавленные через структуры рационального Эго и

общественные запреты Супер-Эго, архаические мотивы детской сексуальности). Русский философ трактует категорию «сублимации» несколько иначе, в духе теории креационизма, как творческий ответ на божественное вопрошание: «Настоящая сублимация есть творчество, то есть создание совершенно новой, ранее не бывшей ступени бытия» [1, с. 111]. Подобный подход сближает теорию психоанализа с «философией творчества» Н. Бердяева.

Тем самым находит решение сложная для современного технократического мировосприятия проблема справедливости как свободы, удерживающая ее от скатывания в волюнтаристический «произвол» (наглядно проявляющийся в сфере экологии, нерационального природопользования, гонки вооружений и т. п.): «Творчество есть… сублимированный произвол» [1, с. 101]. Такого рода интерпретация, по мнению Вышеславцева, характерна для современной философии; она непосредственно пересекается с задачей переосмысления традиционных критериев справедливости, наполнения их живым инновационным смыслом: «Существуют… две ступени свободы: свобода произвола и свобода творчества… Справедливо, что в философии существует традиция игнорирования первой свободы» [1, с. 92]. Здесь вновь на первый план выдвигается религиозный критерий: «Проблема сублимации приводит нас к вопросу о сублимации произвола, или… к вопросу о взаимоотношении свободы и благодати» [1, с. 91]. Через инновационное осмысление справедливости, Б. Вышеславцевым декларируется «высшая ступень соборности как сверхправового общения. Иерархия ступеней общения: хозяйственная солидарность, справедливость и любовь» [1, с. 15]. Теория справедливости диалектически соединяет традиционные духовно-нравственные ценности с инновационными реалиями техногенного существования, религию с наукой, экономикой, психологией, этикой, искусством и художественным творчеством.

Пример Бориса Вышеславцева наглядно демонстрирует актуальность традиционных духовно-нравственных ценностей русского православия в условиях современных глобальных вызовов технократического развития как основы положительного межэтнического взаимодействия в контексте конструктивных аксиологических нарративов справедливости.

Список литературы

1. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М. : Республика, 1994. 368 с.

УДК 394

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОРНИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРЯДОВ И ИХ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Г. Ю. Рехтин

Астраханский государственный политехнический колледж
(г. Астрахань, Россия)

Данная публикация исследует забытые межнациональные астраханские традиции, возникшие на стыке культур русского, казахского, татарского, ногайского, калмыцкого и других населений региона. Через анализ реконструкций и сопутствующих текстов авторы демонстрируют, как эти практики отражали взаимное уважение, сотрудничество и доверие между этносами.

Ключевые слова: *Астраханская область, этнография, межэтнические традиции, гостеприимство, сватовство, народные песни, игры детей, ритуалы памяти, полевые исследования, архивирование.*

This publication explores the forgotten interethnic traditions of Astrakhan, which emerged at the crossroads of the cultures of the Russian, Kazakh, Tatar, Nogai, Kalmyk, and other ethnic groups in the region. Through an analysis of reconstructions and related texts, the authors demonstrate how these practices reflected mutual respect, cooperation, and trust between different ethnic groups.

Keywords: *Astrakhan Region, ethnography, interethnic traditions, hospitality, matchmaking, folk songs, children's games, memory rituals, field research, and archiving.*

Многоэтничность Астраханской области как историческая реальность и современная проблема сохранения культурного наследия – это та историческая реальность, которая формировалась на протяжении столетий под влиянием географического положения региона, торговых путей и миграционных процессов.

Почему же до сих пор забытые традиции представляют интерес для региональных представителей, педагогов и музейщиков?

Реконструируемые формы обрядов и песенных практик, сопровождаемые текстами-образцами и переводами, иллюстрирующими стиль взаимодействия культур в повседневной жизни: гостеприимство, сватовство, коллективные песни, детские игры и ритуалы памяти, – анализ, который демонстрирует отражение взаимного уважения, сотрудничества и доверия между этносами и может способствовать развитию межкультурной компетентности у молодого поколения.

Многообразие этносов, проживающих в регионе, порождало уникальные формы многонационального фольклора, такие как традиции, обряды, песни, пословицы и т. д.

Традиция первая – гостеприимство и обмен гостями: практика приема гостей из разных этносов, совместная трапеза, сезонные меню, символическая благодарность за визит с приглашением за стол, совместным чаепитием; на столе блюда из рыбы, плова, угощения из местных ингредиентов; обязательным ритуалом было благословение старейшины.

Примеры реконструируемых текстов:

1. «Добро пожаловать, брат мой! Пусть эта чаша тепла согреет путь твой. Пусть за столом расскажется история наших предков, и мы станем на шаг ближе друг другу». Данный текст демонстрирует стиль приветствия, уважение к гостю и символическую близость культур через совместную трапезу.

2. «Добро пожаловать, путник! Пусть твой путь будет легким, а сердце – открытым к дружбе. Пусть чаши полнятся теплом, а слова наши сплетут узор мира вокруг стола». Здесь передается смысл гостеприимства и совместной ответственности за дружественные отношения.

3. «За столом мы все равны; за общим блюдом – один народ, одна семья; да будут наши разговоры тихими и добрыми, да принесут они мир». Текст совместной трапезы делает акцент на равенстве и мирном сосуществовании.

Существовали также совместные брачные и сватовские обряды: межкультурные переговоры семей о браке, обмен подарками, совместные пиры после подписания соглашения. Сначала благословили старейшин, после обменивались тканями, изделиями ремесла. Заключением данной традиции являлась совместная трапеза.

4. «Пусть слова наши, как узор на ткани, сплетутся в путь для детей наших: да будет мир между семьями, и сила рода каждого – во взаимной поддержке. ...Мы ценим наши корни, но с радостью принимаем все новое и уважаем ваши обычаи». Данная традиция ставила акцент на мирное сосуществование и взаимную поддержку между семьями разного культурного фона.

В Астраханском регионе на протяжении пяти веков существовала песенная традиция, объединяющая дружбу народов, заселявших земли Нижнего Поволжья. Коллективные песни с мотивами разных языков региона (многоголосные куплеты на русском, татарском, казахском, калмыцком языках, поочередно) исполнялись на ярмарках, свадьбах, праздниках урожая. К ним могли присоединяться хоры соседних дворов, что демонстрировало межкультурную солидарность через метафоры природы: «Мы – разные голоса, но одна река, мы – разные звезды, но одно небо. Да здравствует дружба, да здравствуют дороги, что зовут друг друга домой».

Не обошли стороной традиции в играх и детских забавах из разных культур. Они были представлены совместными эстафетами, играми с палками, обручами и кольцами между детьми разных этносов: «Раз – двигаемся вместе; два– учимся друг у друга». С этих слов начиналось совместное соревнование, в котором короткие фразы поддержки звучали на разных языках. Это формировало языковую и культурную компетентность детей через совместную игру и взаимную помощь.

Большую ценность для многонациональной астраханской местности представляют такие формы фольклора, как пословицы – короткие нравоучительные

формулы, передающие ценность коллективного труда и гостеприимства: «Гость в дом – радость, вместе труд – сила».

Ритуалы памяти и поминовения представляли собой проведение совместных памятных дней с общими молитвами и благодарственными словами на нескольких языках. Это была совместная трапеза после памятной церемонии, чтение имен предков, обмен символическими памятными предметами: «Пусть наш язык памяти звучит во всех домах, чтобы поколения знали: мы вместе – мы сильны». Такие совместные мероприятия перерабатывают память как элемент межкультурной идентичности и единства региона.

Сегодня почти утерянный традиционный пласт имеет важное значение для региона, в особенности для подрастающего поколения:

- вместе с традициями сохраняется культурное многообразие и формирование общей региональной идентичности;
- развивается межкультурная компетентность у молодежи – языковая и коммуникативная гибкость, эмпатия;
- расширяется культурный туризм и образовательные программы – фестивали, ярмарки, экспозиции, цифровые ресурсы;
- воспитывается гражданская ответственность, снижаются стереотипы через знакомство с реальным опытом соседствующих культур;
- оказывается поддержка устойчивому региональному хозяйству – ремесел, национальных и русской кухонь, культурного туризма, локальных брендов.

Список литературы

1. Были Астраханского края / А. Марков. 2-е изд., доп. Волгоград : Нижне-Волжское книжное издательство, 1976. 319 с.

2. Викторин В. М. Астраханская область как особая историко-этнографическая зона и задачи по сохранению ее этнокультурного наследия // Проблемы этногенеза народов Волго-Камского региона в свете данных фольклористики : материалы научного семинара, 16–20 сентября 1989 г., г. Астрахань. Астрахань, 1989. С. 18–22.

3. История русской культуры Астраханского края: XVI – начало XX в. : учебное пособие / Н. Г. Ткачева. Астрахань : Нова, 2001.

4. Сызранов А. В. Этносы и этнические группы Астраханской области. Астрахань, 2008. С. 9.

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ, ТРАДИЦИИ, ИСТОРИИ НАРОДА. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

УДК 32.001:81'42

РОЛЬ ЯЗЫКОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ И МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ

Б. Ю. Дьяченко, Р. Н. Назар

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (г. Макеевка, Россия)

В работе анализируется, каким образом многонациональный состав населения и сопутствующее ему языковое разнообразие влияют на повседневную политическую повестку и долгосрочные стратегии государственного управления. Особое внимание уделяется российскому опыту балансирования между централизацией и сохранением языкового ландшафта.

Ключевые слова: *многонациональное государство, языковая политика, этнокультурное разнообразие, русский язык, языки народов России.*

The article examines the influence of the multinational composition of the population and linguistic diversity on socio-political processes in the modern state. Special attention is paid to the role of the Russian language as a language of interethnic communication, as well as to modern challenges associated with digitalization and migration processes.

Keywords: *multinational state, language policy, ethnocultural diversity, Russian language, languages of the peoples of Russia.*

В дискуссиях о национальном строительстве часто звучит тезис: чем больше языков и культур сосредоточено на одной территории, тем выше риск сепаратизма и институциональной дисфункции. Этот тезис опирается на несколько громких примеров – распад СССР, чехословацкий «бархатный развод», югославскую драму. В Швейцарии, Индии или России на протяжении столетий сосуществуют десятки этнических групп, не разрушая, а подчас и укрепляя государственное единство [6, с. 124–126]. Значит, дело не в количестве языков как таковом, а в том, как именно политическая элита выстраивает коммуникацию с носителями этих языков.

Цель исследования – пересмотреть устоявшееся представление о языковом разнообразии как неизбежном бремени и показать его потенциал как нематериального актива. Для этого последовательно разберем механизмы превращения языковой разницы в политическую напряженность, институциональные реше-

ния, позволяющие канализировать эту разницу в конструктивное русло, а также конкретные шаги, уже предпринятые в современной России для сохранения языкового многообразия. Отдельное место займет анализ экономической составляющей языковой политики, которая часто остается за рамками чисто политологических исследований, но именно она во многом определяет успех или провал тех или иных решений [4, с. 78–82].

Источником конфликта становится не сам факт существования двух разных языков, а асимметрия в их социальном статусе [2, с. 45–47]. Когда государственный язык получает монопольный доступ к ключевым сферам – судопроизводству, высшему образованию, государственной службе, а языки меньшинств оказываются вытеснены в приватную сферу, возникает структурное неравенство. Его симптомами становятся: более низкая успеваемость детей из семей мигрантов в школах с обучением только на титульном языке; невозможность для пожилого носителя малого языка получить юридическую консультацию; ощущение «второсортности» своей культуры. Как верно подмечал М. Н. Губогло [1, с. 312–315], взрывной потенциал имеет не столько языковая гетерогенность, сколько ее пересечение с имущественным и статусным расслоением. Там, где экономически успешная группа говорит на одном языке, а бедная периферия – на другом, этническая мобилизация становится удобной оболочкой для протеста против социальной несправедливости. Яркая иллюстрация – советская и постсоветская Прибалтика: высокий уровень промышленного развития и городской культуры у русскоязычного населения сочетался с его почти полным политическим отчуждением в независимых республиках, что и породило затяжной кризис «неграждан» [5, с. 154–158].

Тысячи людей, родившихся и проживших всю жизнь в Литве, Латвии или Эстонии, оказались лишены базовых политических прав только потому, что их родным языком был русский, а не государственный. Этот пример наглядно демонстрирует, как языковая политика, проводимая без учета исторических и демографических реалий, способна за несколько лет разрушить межнациональный мир, который складывался десятилетиями.

Еще один важный аспект – связь языкового неравенства с доступом к публичной сфере. Если депутаты парламента говорят только на государственном языке, а избиратели-меньшинства не понимают их без перевода, возникает разрыв между властью и народом. Этот разрыв чреват снижением явки на выборах, ростом абсентеизма и в конечном счете делегитимацией всей политической системы [2, с. 89–92]. Особенно остро эта проблема стоит в странах Африки, где границы колониального периода разделили сотни этнических групп, а официальными языками остались английский, французский или португальский. Большинство населения этих стран не владеет языками бывших метрополий на уровне, достаточном для полноценного участия в политической жизни. Как следствие,

реальная власть сосредоточена в руках узкой англо- или франкоязычной элиты, а основная масса граждан исключена из процесса принятия решений. Неудивительно, что многие африканские государства сотрясают постоянные перевороты и гражданские конфликты – население не воспринимает власть как свою, поскольку та говорит на чужом языке.

Из этого следует практически важный вывод: снизить конфликтогенность языкового разнообразия можно, не отменяя самого разнообразия, а выравнивая статусы языков в ключевых публичных сферах [2, с. 112–115]. Разумеется, полное равноправие всех 150 языков России или 780 языков Индии – техническая и финансовая утопия. Поэтому на практике применяются два механизма. Первый – территориальное закрепление языковых прав: в регионе, где большинство говорит на языке X, этот язык получает второй официальный статус наряду с государственным. Так устроены Карелия, Татарстан, Башкортостан в составе РФ; так же – кантоны Швейцарии, где немецкий, французский, итальянский и ретороманский языки имеют равный статус на соответствующих территориях. Второй механизм – культурно-языковая автономия для дисперсно расселенных меньшинств [3, с. 60–63]. Примером могут служить немцы Поволжья в дореволюционной России, а сегодня – греки, ассирийцы, корейцы, рассеянные по разным регионам. Для таких групп создаются национально-культурные автономии, которые имеют право открывать школы с преподаванием на родном языке, издавать газеты и получать государственное финансирование на культурные проекты. Выбор между этими механизмами зависит от карты расселения: компактно живущее меньшинство эффективнее поддерживать через региональную автономию, рассеянное – через сеть общественных организаций и факультативов в школах [3, с. 67–69].

Российская Федерация представляет собой уникальный полигон для проверки этих теоретических выкладок [6, с. 210–215]. Здесь накоплен как успешный, так и проблемный опыт. К успехам следует отнести систему национальных республик, где наряду с русским функционируют татарский, башкирский, якутский и другие языки как государственные (в пределах республик). Согласно данным Росстата, в Татарстане более 70 % татар считают, что имеют возможность пользоваться родным языком в официальной переписке с властями. В Республике Саха (Якутия) якутский язык является обязательным для изучения в школах, а вывески государственных учреждений дублируются на якутском. Другой успешный кейс – Чеченская Республика, где после вооруженного конфликта 1990-х годов удалось не только восстановить мир, но и институционализировать чеченский язык как полноценный язык делопроизводства и образования. Сегодня в Чечне издаются книги на чеченском языке, ведется теле- и радиовещание, а чиновники обязаны владеть родным языком.

Это создает у населения ощущение, что государство уважает их культуру, и значительно повышает лояльность к федеральному центру.

В то же время сохраняются проблемные зоны. Во-первых, малые языки Севера, Сибири и Дальнего Востока (нивхский, кетский, орочский, удэгейский и многие другие), число носителей которых исчисляется сотнями, а порой и десятками человек. Традиционные механизмы автономии не работают в силу малочисленности, и требуется адресная поддержка – от создания цифровых архивов до оплаты труда «последних носителей» в качестве консультантов и преподавателей. Во-вторых, это языки трудовых мигрантов из Центральной Азии и Закавказья (таджикский, узбекский, киргизский, азербайджанский), которые, не имея территориальной привязки внутри РФ, сталкиваются с языковым барьером при оформлении документов и получении медицинской помощи. В крупных городах, таких как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, проблема адаптации мигрантов стоит особенно остро. Здесь назрела необходимость в расширении сети переводчиков в многофункциональных центрах и поликлиниках, а также в организации бесплатных курсов русского языка для приезжих. Без этого мы рискуем получить не интегрированных в общество мигрантов, а замкнутые анклавы, живущие по своим правилам и не чувствующие связи с принимающим сообществом.

Отдельного обсуждения заслуживает роль русского языка как системообразующего элемента всей этой конструкции. Русский язык не должен вытеснять региональные языки, но он объективно выполняет функцию межнациональной коммуникации. В стране, где представитель дагестанского аула не поймет жителя чукотского стойбища, если каждый заговорит на своем родном наречии, нужен единый язык-посредник. Исторически сложилось, что эту роль взял на себя русский. Важно, чтобы он воспринимался не как «язык оккупанта» или «имперское наследие», а как добровольный инструмент вертикальной мобильности – возможность учиться в лучших вузах, строить карьеру по всей стране, читать мировую литературу в переводах.

В современной публичной риторике нередки призывы к отказу от «избыточного» языкового многообразия в пользу унификации. Аргументы звучат знакомо: «зачем учить 40 языков в школе, если все должны знать русский», «перевод документов на десятки языков – пустая трата бюджета», «языковые меньшинства сами должны адаптироваться, а не требовать особого отношения». Как показали события 2014 года на Донбассе, искусственное сужение сферы употребления русского языка (который для миллионов жителей юго-востока Украины был родным) привело не к «украинизации» и укреплению национального единства, а к потере территорий, многотысячным жертвам и затяжному вооруженному конфликту. Напротив, те страны, которые сумели институционализировать языковое разнообразие, избежали этих потрясений.

Цифровая среда создает как новые возможности, так и новые вызовы для языкового разнообразия. С одной стороны, интернет и социальные сети позволяют носителям малых языков общаться друг с другом независимо от расстояния, создавать онлайн-сообщества, выкладывать видеоуроки и словари. Многие языки, которые еще 30 лет назад были обречены на исчезновение, сегодня получают вторую жизнь благодаря энтузиастам, ведущим блоги и каналы на родном языке. С другой стороны, алгоритмы поисковых систем, голосовые помощники и системы автоматического перевода по умолчанию ориентированы на «большие» языки – английский, китайский, испанский, арабский, русский. По данным ЮНЕСКО, около 40 % языков мира находятся под угрозой исчезновения, и цифровой разрыв заметно ускоряет этот процесс. Задача государства – обеспечить «цифровое выживание» языков меньшинств: разрабатывать клавиатуры и шрифты, финансировать создание корпусов текстов, поддерживать разработку систем автоматического распознавания речи.

Таким образом, любое многонациональное государство должно иметь четко прописанную языковую стратегию, которая не сводится к декларации «все языки равны», а устанавливает конкретные сферы и механизмы их использования. Эта стратегия должна быть гибкой и дифференцированной – для крупных компактных меньшинств эффективна территориальная автономия с приданием языку официального статуса в регионе; для малых рассеянных групп – культурная автономия и цифровая поддержка; для мигрантов – языковые курсы и доступ к переводу в социально значимых сферах.

Список литературы

1. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.

2. Кабанова Ю. А. Государственный язык и языки меньшинств: поиск баланса. Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. 304 с.

3. Соколовский С. В. Права меньшинств в Российской Федерации: антропологический и социолингвистический аспекты // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 56–72.

4. Степанов В. В. Экономика многоязычия: теория и российская практика. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2021. 212 с.

5. Титов А. Н. Русский язык в постсоветском пространстве: социолингвистический срез. Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2019. 268 с.

6. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. Москва : Наука, 2013. 648 с.

УДК 81.411.2

ЗАБЫТЫЕ ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ: ИСТОРИЯ И ПРИЧИНЫ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ЗНАКА ИРОНИИ И САРКАЗМА

Б. Ю. Дьяченко, Ж. С. Свиренко

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (г. Макеевка, Россия)

В статье рассматривается история появления и утраты в русской письменной культуре нестандартных знаков препинания, призванных передавать интонацию иронии, сарказма, сомнения и другие смысловые оттенки, не фиксируемые традиционной пунктуацией. На основе анализа проектов пунктуационных реформ XIX–XX века, а также практики авторского начертания выявляются предпосылки возникновения знака иронии (перевернутый восклицательный), сарказма (точка с тильдой), риторического вопроса и др. Авторы приходят к выводу, что исчезновение данных знаков было обусловлено консерватизмом типографской традиции, отсутствием единой кодификации, а также спецификой художественной литературы, где ирония и сарказм успешно передавались контекстуально. Отдельное внимание уделяется современным попыткам возрождения эмоциональной пунктуации в цифровой коммуникации и типографике.

Ключевые слова: *знаки препинания, ирония, сарказм, пунктуационная реформа, эмоциональная пунктуация, типографика, цифровая коммуникация.*

The article examines the history of the emergence and loss of non-standard punctuation marks in Russian written culture, designed to convey the intonation of irony, sarcasm, doubt and other semantic shades not captured by traditional punctuation. Based on an analysis of punctuation reform projects of the 19-20th centuries, as well as the practice of authorial notation, the prerequisites for the emergence of such marks as the irony mark (inverted exclamation point), the sarcasm mark (point with tilde), the rhetorical question mark, and others are identified. The authors conclude that the disappearance of these marks was due to the conservatism of the typographic tradition, the lack of unified codification, as well as the specificity of fiction, where irony and sarcasm were successfully conveyed contextually. Special attention is paid to modern attempts to revive emotional punctuation in digital communication and typography.

Keywords: *punctuation marks, irony, sarcasm, punctuation reform, emotional punctuation, typography, digital communication.*

Интерес к нестандартным знакам препинания в последние десятилетия заметно возрос как в среде лингвистов, так и среди широкой публики. В эпоху распространения цифровой коммуникации, где интонация и невербальные компоненты речи оказываются утраченными, пользователи все чаще прибегают к графическим средствам для передачи сложных эмоциональных оттенков – иронии, сарказма, сомнения, подтекста. Однако на протяжении длительного времени в русской и европейской типографике существовали попытки ввести специальные знаки, которые должны были выполнять именно эту функцию. Знак иронии, сарказма, риторического вопроса и другие экспериментальные пунктуационные

единицы были предложены, но так и не вошли в нормативную письменность. Цель настоящей работы заключается в выявлении истории возникновения этих знаков, анализе причин их непринятия и осмыслении того, как сегодня происходит компенсация отсутствия подобных средств. Реализация поставленной цели предполагает обращение к истории европейской и русской пунктуации, рассмотрению реформаторских проектов XIX–XX века, а также анализу современных практик цифровой коммуникации. Материальную базу исследования составили труды отечественных лингвистов по истории пунктуации, материалы типографских руководств, а также данные социолингвистики и визуальной культуры, отражающие современное бытование эмоциональной пунктуации.

Система русской пунктуации, как и западноевропейская, формировалась на протяжении нескольких столетий и первоначально ориентировалась на интонационно-ритмическое членение речи. В. Г. Ветвицкий в фундаментальном труде по истории русской пунктуации отмечает, что до XVIII века знаки препинания выполняли преимущественно декламационную функцию, фиксируя паузы и повышения тона, но не дифференцируя сложные смысловые и эмоциональные регистры [3, с. 45]. С развитием книгопечатания и становлением литературного языка потребность в более тонкой передаче авторского отношения к высказыванию возрастала. Однако традиционный набор знаков – точка, запятая, двоеточие, точка с запятой, восклицательный и вопросительный знаки – оказывался недостаточным для выражения таких сложных модусов, как ирония, сарказм, недоверие или сомнение.

Первые проекты расширения пунктуационной системы появляются в Европе в XIX веке. Наиболее известной попыткой введения знака иронии стал французский проект 1841 года, предложенный типографом Жаном-Батистом-Андре Ревом. В качестве знака иронии предлагалось использовать перевернутый восклицательный знак (¡), который должен был предварять ироническое высказывание. Аналогичную идею высказывал и английский философ Джон Уилкинс в XVII веке, однако практического распространения эти начинания не получили. Как пишет В. И. Чернышев в работе, посвященной вопросам правописания, «ирония по природе своей контекстуальна и редко нуждается в специальном графическом маркере, так как опознается из всего строя речи» [12, с. 67]. Тем не менее идея эмоциональной пунктуации продолжала волновать типографов и лингвистов. В русской лингвистической традиции дискуссия о необходимости введения дополнительных знаков препинания развернулась в конце XIX – начале XX века в контексте более широких орфографических и пунктуационных реформ. А. А. Шахматов, один из крупнейших языковедов своего времени, выступая на заседании Императорской академии наук, указывал на то, что существующая пунктуация не способна передать весь спектр авторских интонаций, особенно в художественной литературе и публицистике [13, с. 203]. Однако, в отличие от орфографии,

где реформа была проведена, пунктуационная система осталась практически нетронутой, что исследователи связывают с большей степенью ее гибкости и меньшей нормативной жесткостью.

Особое место в истории забытых знаков препинания занимает так называемый «знак сарказма». В разных источниках он описывается как точка с тильдой над ней (˜.) или как восклицательный знак с тильдой. В 1668 году французский типограф Франсуа Мюзе предложил использовать этот знак для обозначения высказываний, содержащих скрытую насмешку. В России идея специального знака для сарказма и иронии обсуждалась в кругах типографов и литераторов, однако, по свидетельству Т. М. Григорьевой, «русская литературная традиция пошла по пути контекстуального выражения иронии, не требуя введения новых типографских знаков» [6, с. 112]. Вместо этого писатели и поэты использовали графические приемы – курсив, разрядку, кавычки, а также риторические структуры, позволявшие безошибочно распознавать ироническую интонацию.

Знак риторического вопроса представляет собой сочетание вопросительного и восклицательного знаков (⁉), известное как интерробанг. Он был предложен в 1962 году американским издателем Мартином Спектером, однако его корни уходят в более ранние типографские эксперименты. В русской дореволюционной типографике встречались случаи использования комбинированных знаков, однако, как отмечает А. П. Чехов в одном из писем к издателю, «лишние знаки только загромождают текст и мешают читателю, ибо мысль должна быть ясна без пунктуационных подсказок» (цит. по: [8, с. 87]). Это замечание отражает глубокую установку русской литературной культуры: приоритет смысловой и интонационной выразительности, достигаемой лексико-синтаксическими средствами, а не внешней пунктуационной маркировкой.

Причины непринятия знаков иронии и сарказма в нормативную пунктуацию многообразны. Во-первых, это консервативный характер типографской традиции. Типографии, особенно в XIX веке, были ориентированы на стандартизированные наборы знаков; введение новых литер требовало значительных затрат на переоснащение. Во-вторых, большинство экспериментальных знаков не имели единой формы: в разных странах и у разных авторов они изображались по-разному, что препятствовало их унификации. В-третьих, ирония и сарказм, как показали исследования в области лингвистической прагматики, распознаются адресатом на основе более широкого контекста – ситуации, предшествующих высказываний, знаний о коммуникативных намерениях автора. Специальный знак в этой логике оказывается избыточным. Д. Н. Ушаков в работе «Русское правописание» подчеркивал: «Пунктуация должна лишь помогать пониманию, но не подменять собой смысловую структуру фразы» [11, с. 104].

Важную роль сыграла и специфика художественной литературы как основной сферы, где востребована передача иронии и сарказма. Русские писатели –

Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов – выработали мощный арсенал языковых средств для создания иронического подтекста без привлечения специальных знаков. Ирония в их произведениях создается за счет стилистического диссонанса, неожиданных сравнений, авторской оценки, вводимой через повествовательные структуры. Как отмечает исследователь поэтики русской прозы Л. И. Еремина, «ирония в классической русской литературе функционирует не как локальный маркер, а как способ организации целого текста, что делает пунктуационный знак иронии не просто излишним, но и технически невозможным для фиксации» [7, с. 156].

В XX веке с развитием массовой коммуникации и ростом неформальных письменных практик интерес к эмоциональной пунктуации возникал вновь. В 1960-е годы французский писатель Эрве Базен в эссе «Плюмьон» предложил целую систему новых знаков: знак иронии (точка с восклицательным знаком внутри), знак сомнения, знак уверенности и другие. Однако и эта попытка осталась авторской инициативой, не получившей поддержки ни издательств, ни академических инстанций. В России в постсоветский период, с распространением интернет-коммуникации, наблюдается стихийное возникновение новых способов передачи иронии и сарказма. Наиболее распространенным стал смайлик – графическое изображение эмоции. Однако, как подчеркивает М. В. Арапова в исследовании о пунктуации в цифровую эпоху, «смайлики и эмодзи выполняют функцию эмоциональных маркеров, но они не интегрированы в систему пунктуации и не подчиняются ее грамматическим правилам» [1, с. 92].

В зарубежной типографике и лингвистике на протяжении всего XX века также неоднократно предпринимались попытки ввести знак иронии в качестве официального пунктуационного средства. Так, в Нидерландах в 1960-е годы группой типографов под руководством К. ван дер Лейна был разработан проект «иронического вопросительного знака» – зеркально отраженного вопросительного знака, который должен был ставиться в конце иронического высказывания. Этот проект, как и многие другие, не получил распространения за пределами узкого круга энтузиастов. Как отмечает В. Н. Сидоров в своих очерках по истории русской пунктуации, «западные эксперименты с эмоциональной пунктуацией неизменно наталкивались на ту же проблему, что и отечественные: отсутствие единого стандарта и нежелание издательств увеличивать стоимость набора за счет введения новых литер» [10, с. 134].

В англоязычной традиции на рубеже XX–XXI века получил известность так называемый «знак сарказма» (sarcasm mark) – точка с тильдой (˜.) или перевернутый восклицательный знак, используемый в интернет-коммуникации. В 2004 году американский типограф Чип Кидд предложил использовать в качестве знака иронии восклицательный знак в виде зеркально отраженной вопросительной скобы, однако эта инициатива также осталась на уровне авторского

предложения. Примечательно, что в цифровой среде, где технические ограничения типографского набора сняты, ни один из этих знаков не стал общеупотребительным. Пользователи предпочитают смайлики, эмодзи или вербальные маркеры иронии (вроде «/s» – от sarcasm), что свидетельствует о глубокой укорененности контекстуального способа передачи иронии в письменной культуре.

В современной русской интернет-коммуникации также сложилась система факультативных средств маркировки иронии и сарказма. Помимо широко распространенных смайликов и эмодзи, активно используется перевернутый восклицательный знак (¡), который часто ставится в начале или в конце иронического высказывания. В некоторых интернет-сообществах сложилась традиция использовать сочетание знаков «?!» или «!?» для передачи смешанной эмоции – удивления с оттенком иронии. Однако, как показывают данные социолингвистических опросов, единого понимания этих знаков не существует, и их интерпретация во многом зависит от контекста и прежнего опыта коммуникации [2, с. 78]. Более того, исследователи фиксируют возрастные различия в использовании эмоциональной пунктуации: молодые пользователи (до 25 лет) чаще прибегают к эмодзи, тогда как пользователи старшего поколения сохраняют приверженность традиционным знакам препинания, используя их в нестандартных комбинациях.

Особый интерес представляет судьба «знака иронии» в современной коммерческой и рекламной типографике. На вывесках, в логотипах, дизайне упаковки иногда используются перевернутые или стилизованные пунктуационные знаки для создания эффекта «умного», «ироничного» бренда. Как отмечает исследователь визуальной культуры А. В. Гусарова, «знаки препинания, выведенные из активного письменного употребления, приобретают семиотическую свободу: они перестают быть элементами грамматической системы и превращаются в знаки стиля, игры, культурной отсылки» [5, с. 144]. В этом смысле забытые знаки иронии и сарказма разделяют судьбу забытых букв русского алфавита: они возвращаются в публичное пространство, но уже не как инструмент письменной нормы, а как элемент культурной стилизации. При этом в рекламных и брендовых коммуникациях иронический знак часто используется безотносительно к его исходной функции – он становится визуальным маркером «интеллектуальности» или «нестандартности» бренда, что лишь подтверждает его окончательный разрыв с пунктуационной системой.

Проведенное исследование позволяет заключить, что исчезновение знаков иронии, сарказма и других эмоциональных пунктуационных знаков из активного письменного употребления не было случайным. Оно определялось совокупностью факторов: технической консервативностью типографского дела, отсутствием унифицированной формы знаков, а также спецификой литературной традиции, которая выработала мощные контекстуальные средства передачи иронии и сарказма без привлечения специальной пунктуации. В отличие

от орфографической реформы 1917–1918 годов, которая носила обязательный характер, пунктуационные эксперименты оставались на уровне авторских инициатив и не получали поддержки академических институций. Однако в цифровую эпоху потребность в графической маркировке иронической интонации и сарказма проявляется с новой силой. Смайлики, эмодзи, факультативное использование перевернутых знаков и комбинированных символов свидетельствуют о поиске новых форм эмоциональной пунктуации. Забытые знаки сегодня обретают вторую жизнь – не как элемент грамматической системы, а как гибкий инструмент неформальной письменной коммуникации и культурной стилизации. Изучение их судьбы позволяет глубже понять динамику взаимодействия языковой системы, технологий письма и коммуникативных потребностей общества.

Список литературы

1. Арапова М. В. Пунктуация в цифровую эпоху: трансформация нормы // Вопросы языкознания. 2021. № 3. С. 88–101.

2. Валиева Т. Д. Эмоциональная пунктуация в интернет-коммуникации // Современная русская речь: динамика и нормы. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. С. 74–89.

3. Ветвицкий В. Г. История русской пунктуации. Москва : Московский государственный университета им. М. В. Ломоносова, 1960. 210 с.

4. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык : в 2 т. Москва : Просвещение, 1973. Ч. 1. Фонетика и морфология. 432 с.

5. Гусарова А. В. Визуальные коды дореволюционной орфографии в современной городской среде // Культура и текст. 2020. № 4. С. 130–142.

6. Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). Москва : Эллис Лак, 2004. 256 с.

7. Еремина Л. И. Поэтика русской иронии. Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. 320 с.

8. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Москва : Гнозис, 1992. 272 с.

9. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. Москва : Учпедгиз, 1956. 512 с.

10. Сидоров В. Н. Очерки по истории русской пунктуации. Москва : Наука, 1972. 184 с.

11. Ушаков Д. Н. Русское правописание: очерк его происхождения, отношения к языку и вопроса о реформе. Москва : Типография И. Д. Сытина, 1911. 132 с.

12. Чернышев В. И. В защиту живого слова. Петроград : Типография Императорской академии наук, 1917. 87 с.

13. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Москва : Учпедгиз, 1941. 288 с.

УДК 81’27

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Б. Ю. Дьяченко, Ж. С. Свиренко (научный руководитель)
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (г. Макеевка, Россия)

В статье рассматривается язык как фундаментальный инструмент межкультурной коммуникации в условиях глобализации и усиления международных контактов. На основе анализа теоретических подходов к переводу и интерпретации выявляются основные трудности, связанные с передачей культурно-маркированной и безэквивалентной лексики, реалий, фразеологизмов и имплицитных смыслов. Авторы приходят к выводу, что проблемы перевода и интерпретации обусловлены различиями в языковых картинах мира, несовпадением культурных кодов и отсутствием прямых соответствий между языками. Особое внимание уделяется роли переводчика как посредника между культурами, а также современным стратегиям преодоления межкультурных барьеров в письменном и устном переводе.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, перевод, интерпретация, языковая картина мира, безэквивалентная лексика, реалии, культурный код.*

The article examines language as a fundamental tool of intercultural communication in the context of globalization and increasing international contacts. Based on the analysis of theoretical approaches to translation and interpretation, the authors identify the main difficulties associated with the transmission of culturally marked vocabulary, realia, non-equivalent lexicon, phraseological units and implicit meanings. The authors conclude that the problems of translation and interpretation are caused by differences in linguistic worldviews, mismatches of cultural codes and the lack of direct correspondences between languages. Special attention is paid to the role of the translator as an intermediary between cultures, as well as to modern strategies for overcoming intercultural barriers in written and oral translation.

Keywords: *intercultural communication, translation, interpretation, linguistic worldview, non-equivalent lexicon, realia, cultural code.*

Перевод никогда не был и не может быть простым переносом слов из одного языка в другой. За каждым языком стоит целая культура – со своими ценностями, нормами, традициями и способами мышления. Когда два человека говорят на разных языках, они не просто используют разные звуки и буквы: они видят мир по-разному. Именно поэтому даже простое, на первый взгляд, высказывание при переводе может потерять свой смысл, приобрести нежелательные коннотации или вовсе стать непонятным. Проблема перевода и интерпретации в условиях межкультурной коммуникации заключается не столько в поиске словарных соответствий, сколько в передаче того культурного фона, на котором это слово существует. Игнорирование этого фона неизбежно ведет к коммуникативным сбоям, недопониманию и даже конфликтам. Цель настоящей

работы заключается в выявлении основных трудностей, возникающих при использовании языка в качестве инструмента межкультурной коммуникации, анализе причин этих трудностей и осмыслении стратегий их преодоления. Реализация поставленной цели предполагает обращение к теоретическим работам по межкультурной коммуникации, переводоведению и лингвокультурологии, а также анализ конкретных примеров перевода реалий, безэквивалентной лексики и фразеологизмов. Материальную базу исследования составили труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные проблемам перевода и интерпретации, материалы переводческой практики, а также данные межкультурной прагматики.

Язык как инструмент межкультурной коммуникации выполняет не только информативную, но и регулятивную, аксиологическую и идентификационную функции. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова в фундаментальном труде по межкультурной коммуникации, «язык – это зеркало культуры, в котором отражается не только реальный мир, окружающий человека, но и менталитет народа, его национальный характер, традиции, обычаи, система ценностей» [12, с. 34]. Именно поэтому при переводе с одного языка на другой неизбежно возникает проблема передачи тех смыслов, которые закодированы в языковых единицах, не имеющих прямых соответствий в принимающей культуре. Перевод в этом контексте предстает не как механическое замещение единиц одного языка единицами другого, а как сложный процесс межкультурного посредничества, требующий от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубокого знания культурных контекстов.

Первая и наиболее очевидная группа трудностей связана с передачей так называемой безэквивалентной лексики – слов и выражений, обозначающих реалии, отсутствующие в иной культуре. К таким реалиям относятся явления быта, социально-политической жизни, искусства, географии, истории, которые уникальны для данного народа. А. В. Федоров, один из основоположников отечественного переводоведения, подчеркивал: «Перевод реалий – это всегда компромисс между стремлением сохранить национальный колорит и необходимостью обеспечить понимание текста иноязычным читателем» [13, с. 156]. Классическими примерами служат русские слова «самовар», «тройка», «балалайка», «дачник», «авоська», которые при переводе на европейские языки требуют развернутых пояснений или транслитерации с комментарием. Аналогично английские реалии «pub», «weekend», «drive-in», «baby shower» не имеют абсолютных эквивалентов в русском языке и передаются с помощью описательных конструкций или функциональных аналогов.

Второй пласт проблем связан с фразеологизмами и устойчивыми выражениями, в которых культурно-специфический компонент часто является смыслообразующим. Как пишет В. Н. Телия, «фразеологический состав языка аккумулирует культурную память народа, фиксирует стереотипы, эталоны и символы

национальной культуры» [11, с. 67]. При переводе таких выражений, как русское «бить баклуши» или английское «to carry coals to Newcastle», дословная передача невозможна, поскольку она приведет к полному искажению смысла. Переводчик вынужден искать функциональные аналоги, которые передают не форму, а содержание и стилистическую окраску. Однако и здесь возникает опасность культурной нейтрализации, когда национально-специфический колорит исходного выражения утрачивается. Так, русская поговорка «любви все возрасты покорны» при переводе на английский как «love knows no age» передает общий смысл, но лишает высказывание той интонационной и культурной отнесенности, которая присутствует в оригинале.

Особую сложность представляет передача имплицитных смыслов того, что в исходной культуре подразумевается само собой, но может быть совершенно неочевидным для представителя иной лингвокультурной общности. Как отмечает Г. В. Колшанский, «за каждым высказыванием стоит огромный пласт фоновых знаний, без которых адекватная интерпретация невозможна» [6, с. 45]. В русской коммуникативной культуре, например, фраза «ну, ты даешь» может выражать широкий спектр значений – от восхищения до неодобрения – в зависимости от контекста и интонации. При переводе на английский язык эта многозначность, как правило, утрачивается, и переводчику приходится эксплицировать тот смысл, который в оригинале был передан имплицитно. Такая операция, неизбежная при межъязыковой и межкультурной передаче, всегда сопряжена с риском упрощения или искажения авторского замысла.

Проблема интерпретации усугубляется тем, что один и тот же знак или действие в разных культурах может иметь прямо противоположное значение. Жесты, мимика, дистанция общения, отношение ко времени и молчанию – все это составляет невербальный слой коммуникации, который встроен в язык и культуру. Э. Холл в своей теории высоко- и низкоконтекстных культур показал, что в культурах высокого контекста (Япония, арабские страны, Россия) значительная часть информации передается невербально и имплицитно, тогда как в культурах низкого контекста (Германия, США, Скандинавия) – вербализуется максимально полно [4, с. 98]. Это различие напрямую влияет на стратегии перевода и интерпретации: переводчик, работающий с текстом из высококонтекстной культуры, вынужден «достраивать» опущенные звенья, чтобы сделать сообщение понятным для представителя низкоконтекстной культуры, и наоборот – сжимать избыточную, с его точки зрения, вербализацию.

В современном переводоведении сложилось несколько стратегий преодоления описанных трудностей. Стратегия доместикации предполагает максимальную адаптацию текста к нормам и ценностям принимающей культуры. Сторонником этой стратегии был Е. Г. Эткинд, утверждавший, что «перевод должен читаться так, как если бы он был написан на родном языке» [15, с. 112].

Противоположная стратегия – форенизация (остранение) – настаивает на сохранении культурной специфики исходного текста, даже если это создает для читателя эффект необычности. Данный подход, восходящий к работам Ф. Шлейермахера и развитый Л. Венути, позволяет читателю почувствовать «инаковость» чужой культуры, а не растворять ее в привычных категориях [3, с. 78]. В реальной переводческой практике данные стратегии редко встречаются в чистом виде; чаще переводчик выбирает компромиссные решения, варьируя степень адаптации в зависимости от жанра текста, целевой аудитории и коммуникативной задачи.

Особое место в проблематике межкультурной коммуникации занимает перевод художественной литературы, где язык выступает не только как средство передачи информации, но и как эстетический объект. В художественном тексте культурно-специфические элементы часто намеренно акцентируются автором и становятся частью художественного замысла. В этом случае переводчику приходится решать практически неразрешимую задачу: сохранить культурный колорит, не нарушив при этом естественности звучания текста на языке перевода. Ю. М. Лотман, анализируя проблемы художественного перевода, подчеркивал, что «переводчик работает не со словами, а с текстами, а текст – это не сумма языковых единиц, а сложное семиотическое целое, каждый элемент которого значим» [7, с. 156]. Игнорирование этой сложности ведет к появлению так называемых «буквальных» переводов, которые, будучи формально точными, оказываются семантически и эстетически неадекватными.

В цифровую эпоху проблемы перевода и интерпретации приобретают новое измерение. Машинный перевод, основанный на статистических моделях и нейросетях, демонстрирует впечатляющие успехи при передаче информативных текстов, но сталкивается с непреодолимыми трудностями при обработке культурно-маркированной лексики, иронии, подтекста и стилистических фигур. Как показывают исследования в области компьютерной лингвистики, автоматические системы перевода не способны учитывать тот самый культурный фон, который делает человеческую коммуникацию живой и многомерной [2, с. 202]. Более того, распространение автоматизированных переводов в массовой коммуникации порождает феномен «культурной гомогенизации», когда уникальные культурные смыслы нивелируются в угоду усредненным шаблонам.

Проведенное исследование позволяет заключить, что язык как инструмент межкультурной коммуникации неизбежно порождает проблемы перевода и интерпретации, коренящиеся в различиях языковых картин мира, культурных кодов и коммуникативных норм. Эти проблемы не могут быть полностью устранены, поскольку каждый язык отражает уникальный способ видения мира, сложившийся в конкретном культурно-историческом контексте. Однако они могут быть в значительной степени смягчены благодаря профессиональной компетенции переводчика, владеющего не только языками, но и культурами, которые за ними

стоят. В эпоху глобализации, когда межкультурные контакты становятся повседневностью, роль переводчика как посредника между культурами только возрастает. Задача современной лингвистики и переводоведения – не стремиться к иллюзии «абсолютно точного» перевода, а вырабатывать адекватные стратегии передачи культурно-специфических смыслов, позволяющие сохранить многообразие культур при обеспечении взаимопонимания.

Список литературы

1. Венути Л. Невидимость переводчика: история перевода. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 408 с.
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода. Москва : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2007. 544 с.
3. Ермолович Д. И. Основы профессионального перевода. Москва : Р. Валент, 2014. 240 с.
4. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. Москва : Флинта, 2007. 224 с.
5. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж : Воронежский государственный технический университет, 2000. 175 с.
6. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. Москва : Наука, 1990. 108 с.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Москва : Языки русской культуры, 1999. 464 с.
8. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Москва : Р. Валент, 2010. 244 с.
9. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. Москва : Альфа-М, 2004. 288 с.
10. Солодуб Ю. П. Теория и практика художественного перевода. Москва : Академия, 2005. 304 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва : Слово, 2008. 264 с.
13. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Москва : Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
14. Холл Э. Как понять иностранца без слов. Москва : Вече, 2003. 432 с.
15. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. Москва : Советский писатель, 1963. 432 с.

УДК 821.161.1

КОСВЕННЫЕ НОМИНАЦИИ В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

И. С. Ивлева, С. Б. Бадахова

Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

Рассматриваются особенности применения психологического приема цветописи для определения характеров, состояний, чувств. Следует отметить, что И. С. Тургенев считается одним из ярких писателей-психологов.

Ключевые слова: *тайны внутреннего мира, психологизм, цветопись, подтекстовые пласты.*

The use of "tsvetopis" (color-writing) as a psychological technique to define characters, emotional states, and feelings is examined in this article. It is important to note that Ivan Turgenev is regarded as one of the most prominent psychological writers.
Keywords: *mysteries of the inner world, psychologism, color-writing, subtextual layers.*

Все чаще многие стороны современной жизни соприкасаются с литературой. Под психологизмом в литературе подразумевают не правила и законы общей психологии, а художественное изображение внутреннего мира персонажей. А. Б. Есин в книге «Психологизм русской классической литературы» пишет: «Одна из главных притягательных черт художественной литературы – ее способность раскрыть тайны внутреннего мира человека, выразить душевные движения так точно и ярко, как этого не сделать человеку в повседневной, обычной жизни. В психологизме один из секретов долгой исторической жизни литературы прошлого: говоря о душе человека, она говорит с каждым читателем о нем самом. Русская классическая литература достигла в изображении внутреннего мира человека высочайших художественных вершин» [7, с. 59].

Признанным писателем-психологом, изображающим во всех красках внутренний мир человека, является Иван Сергеевич Тургенев.

И. С. Тургенев достаточно часто применяет художественный метод психологизма – цветопись. Широкое использование им приема светоцветового контраста в изображении литературных персонажей можно объяснить влиянием на художественный метод писателя романтической эстетики. Есин определяет термин так: «психологизм – это определенная художественная форма, за которой стоит и в которой выражается художественный смысл, идейно-эмоциональное содержание» [7, с. 59].

С одной стороны, цвета определяют отдельные внутренние состояния героев, с другой – они сами по себе придают психологизм повествованию. Тема цветописи в произведениях Тургенева мало исследована, но именно обращение к этой узкой проблеме помогает выявить глубинные, подчас подтекстовые пласты прозы автора. Цвет в литературном произведении многозначен. Он раскрывает внутренний мир героев, настроение, базируясь на определенной символике [11, 12].

Ивана Сергеевича называют именно «тайным» психологом [12, с. 34]. Писатель не прямо, а косвенно показывает, намекает, проходит мазком, изображая характер своего героя.

Продолжим речь о значении цвета в произведениях И. С. Тургенева на примере бессмертного и неисчерпаемого для исследователей романе «Отцы и дети» Выявлять будем косвенные номинации цвета. Как бы намек на намек, непрямое упоминание цвета как показ характера, влияния судьбы, переживание чувств.

Косвенные номинации в романе Тургенева можно условно поделить на группы:

1) показать характеры людей;

2) изобразить душевные состояния;

3) понаблюдать за взаимоотношениями героев.

Так, о робком характере Николая Петровича Кирсанова догадываемся по одежде, в которой он встречает сына Аркадия: «в запыленном пальто и клетчатых панталонах…» [2, 7]. Через описание деталей писатель показывает характер отца Аркадия, человека наивного и доброго.

Душевное состояние Н. П. Кирсанова приоткрыто через описание игры теней, наблюдаемых героем: «Уже вечерело; солнце скрылось за небольшую осиновую рощу, лежавшую в полверсте от сада: тень от нее без конца тянулась через неподвижные поля. Мужичок ехал рысцой на белой лошадке по темной узкой дорожке вдоль самой рощи; он весь был ясно виден, весь, до заплаты на плече, даром что ехал в тени; приятно-отчетливо мелькали ноги лошадки. Солнечные лучи с своей стороны забирались в рощу и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осин таким теплым светом, что они становились похожи на стволы сосен, а листва их почти синела и над нею поднималось бледно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей» [2, с. 101]. Косвенная номинация тень демонстрирует психологическое состояние Николая Кирсанова, некий закат жизни, желание жить в тени, любуясь жизнью.

О характерах, привычках, интересах, взаимоотношениях персонажей Иван Сергеевич говорит через цвет. Мир Фенечки, ее характер предстает через описание запахов ромашки, мелиссы, выкрашенного пола.

Хозяйственный, заботливый, простой, на первый взгляд, характер Фенечки видим глазами Павла Петровича Кирсанова: «Небольшая, низенькая комнатка, в которой он находился, была очень чиста и уютна. В ней пахло недавно выкрашенным полом, ромашкой и мелиссой». «Прошло минут пять; в соседней комнате слышался шелест и шепот. Павел Петрович взял с комода замасленную книгу, разрозненный том Стрельцов-Масальского, перевернул несколько страниц...» [2, с. 145].

Основная часть конфликта Павла Петровича и Евгения Базарова в романе показана через косвенные номинации. О сложных отношениях Кирсанова и Базарова можно догадаться даже по цвету их лиц, как реакции друг на друга.

« – Позвольте, Павел Петрович, – промолвил Базаров, – вы вот уважаете себя и сидите сложа руки; какая ж от этого польза для bien public? Вы бы не уважали себя и то же бы делали. Павел Петрович побледнел…

– Опять иностранное слово! – перебил Базаров. Он начинал злиться, и лицо его приняло какой-то медный и грубый цвет» [2, с. 48].

Тургенев употребил именно цветовые характеристики «медный грубый», а не бордовый, как описание отношения нигилиста к дворянину. Через сравнительные упоминания «медный и побледнел» виден весь антагонизм героев.

«Холодная усмешка скривила губы Базарова» [2, с. 51].

В том, что аристократ Кирсанов побледнел, а лицо выходца из народа Базарова стало медного и грубого цвета, видны две противоположности и по характеру, и по социальному положению.

Комическое изображение показывает недалекость, отсутствие собственного мнения, подражательства Виктора Ситникова и Авдотьи (Евдоксии) Никитишны Кукшиной.

Ситников – жалкий, неуверенный, забитый человек: «Аркадий посмотрел на базаровского ученика. Тревожное и тупое выражение сказывалось в маленьких, впрочем, приятных чертах его прилизанного лица; небольшие, словно вдавленные глаза глядели пристально и беспокойно, и смеялся он беспокойно: каким-то коротким, деревянным смехом» [2, с. 64]. Иван Сергеевич таким образом описал ощущения Аркадия, как именно он воспринимает В. Ситникова, с его желанием стать близким нигилистам, стать своим. Описания жестов, звуков номинирует глубинные процессы – отчуждение, робость или нелюбовь, избегая морализаторства.

Кукшина – глупость, одиночество, претензия на оригинальность и признание, желание быть все-таки любимой, страдающей из-за отсутствия детей: «В маленькой и невзрачной фигурке эманципированной женщины не было ничего безобразного; но выражение ее лица неприятно действовало на зрителя. (Когда она смеялась, ее верхняя десна обнажалась над зубами.)

«Евдоксия свернула папироску своими побуревшими от табаку пальцами» [2, с. 67]. Стремление показать себя независимой женщиной, позволяющей себе при всех курить.

«…Кукшиной, явившейся на бал безо всякой кринолины и в грязных перчатках, но с райскою птицею в волосах» [2, с. 68]. Герои-двойники Авдотья Кукшина и Виктор Ситников через косвенные номинации показаны как комические персонажи, лишенные индивидуализма.

Социальная сатира продемонстрирована через образ Матвея. Характеристика смеха как «крупного, звучного и одинокого» [2, с. 105] служит косвенным обозначением внутренней пустоты и формализма героя. Князь Матвей, плоский в восприятии всего, высомерный, неумный: «Мягкость в обращении Матвея Ильича могла равняться только с его величавостью. Он ласкал всех – одних с оттенком гадливости, других с оттенком уважения; рассыпался "en vrai chevalier français" перед дамами и беспрестанно смеялся крупным, звучным и одиноким смехом, как оно и следует сановнику» [2, с. 105]. Эпитет «одинокий» означает, что здесь главенствует отсутствие живой связи с людьми; это смех «по протоколу», а не от души. Описание манеры ласкать «одних с оттенком гадливости, других с оттенком уважения» является косвенной номинацией сословного высокомерия. Автор закрепляет не само чувство, а его внешнюю модуляцию, что подчеркивает наигранную природу «князя Матвея».

Предметно-бытовая косвенная номинация показана через описание слуги Петр: «У своего слуги, молодого и щекастого малого с беловатым пухом на подбородке и маленькими тусклыми глазенками… В котором все: и бирюзовая сережка в ухе, и напомаженные разноцветные волосы, и учтивые телодвижения, словом, все изобличало человека новейшего, усовершенствованного поколения» [2, с. 7]. Автор зафиксировал отказ от своих корней. «Бирюзовая сережка», «напомаженные разноцветные волосы» показывают человека, живущего чужими мнениями.

Огромнейшее значение во всем романе имеет, конечно же, образ Анны Сергеевны Одинцовой. Увидеть это можно глазами Ситникова: «…к ним присоединился Ситников». Зарождение чувств Кирсанова к Одинцовой мы видим через оттенки цвета: «Он низко поклонился, посмотрел ей вслед (как строен показался ему ее стан, облитый сероватым блеском черного шелка!)», – почувствовал на душе какое-то изящное смирение...» [2, с. 74]. Это начало первой влюбленности Аркадия.

Появление чувств Базарова к Анне, его конфуз неявен, но заметен: «Скоро появилась сама Одинцова в простом утреннем платье. Она казалась еще моложе при свете весеннего солнца. Аркадий представил ей Базарова и с тайным удивлением заметил, что он как будто сконфузился, между тем как Одинцова оставалась совершенно спокойною, по-вчерашнему. Базаров сам почувствовал, что сконфузился… развалясь в кресле не хуже Ситникова, заговорил преувеличенно развязно, а Одинцова не спускала с него своих ясных глаз» [2, с. 77].

Следует отметить, как И. С. Тургенев показал остроту чувств Евгения, желание расшевелить замороженность Одинцовой: «Базаров встал. Лампа тускло горела посреди потемневшей, благовонной, уединенной комнаты; сквозь изредка колыхавшуюся стору вливалась раздражительная свежесть ночи, слышалось ее таинственное шептание. Одинцова не шевелилась..., но тайное волнение охватывало ее понемногу... Оно сообщилось Базарову. Он вдруг почувствовал себя наедине с молодою, прекрасной женщиной...» [2, с. 98].

Сложная натура Анны Сергеевны заслуживает отдельного выступления. Ее эмоциональная холодность, замороженность, как сказал Базаров: «Радужные краски загорались иногда и у ней перед глазами, но она отдыхала, когда они угасали, и не жалела о них». Тургенев, используя всплески цветов, показал холодную чистоту Анны, ее нежелание жить чувствами: «Она потянулась, улыбнулась, закинула руки за голову… и заснула, вся чистая и холодная, в чистом и душистом белье» [2, с. 84].

Однако и Анна Сергеевна стала испытывать предпосылки влюбленности: «Она шла по саду несколько усталою походкой; щеки ее алели и глаза светились ярче обыкновенного под соломенною круглою шляпой. Она вертела в

пальцах тонкий стебелек полевого цветка, легкая мантилья спустилась ей на локти, и широкие серые ленты шляпы прильнули к ее груди» [2, с. 150].

Косвенная номинация у Ивана Сергеевича Тургенева выступает как фундаментальный принцип «тайной психологии». Автор сознательно отказывается от прямого называния внутренних качеств персонажей, заменяя их визуальными, звуковыми и предметными маркерами. Бирюзовая сережка Петра, «медный» цвет лица Базарова или «одинокий» смех Колязина становятся семантическими номинантами их психологических и социальных характеристик.

Список литературы

1. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / редкол. : М. П. Алексеев (гл. ред.) и др. М. : Наука, 1980. Т. 4. 687 с.
2. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / редкол. : М. П. Алексеев (гл. ред.) и др. М. : Наука, 1981. Т. 7. 495 с.
3. Батюто А. И. Структурно-жанровое своеобразие романов И.С. Тургенева 50-х – начала 60-х годов // Проблемы реализма русской литературы XIX в. М. ; Л., 1961. С. 133–134.
4. Батюто А. И. Тургенев – романист // Батюто А. И. Избранные труды. СПб., 2004. С. 208–477.
5. Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. М. ; Л. : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1962. 247 с.
6. Бялый Г. А. О психологической манере Тургенева (Тургенев и Достоевский) // Русская литература. 1968. № 4.
7. Есин А. Б. Художественный психологизм как теоретическая проблема. М. : б.и., 1982. 24 с.
8. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М. : Флинта : Московский психолого-социальный институт, 2003. 173 с.
9. Завьялова Е. Е. Проблемы реинтерпретации русской литературной классики. М. : Флинта, 2018. 157 с.
10. Компанеец В. В. Проблема художественного психологизма в дискуссиях 1920-х годов : дис. ... канд филол. наук. Л., 1976. 197 с.
11. Компанеец В. В. Художественный психологизм в современной литературе (1920 г.). Л. : Наука, 1980. 113 с.
12. Компанеец В. В. Художественный психологизм как проблема исследования // Русская литература. 1974. № 1. С. 46–66.
13. Курляндская Г. Б. Эстетический мир Тургенева. Орел : Государственная телерадиовещательная компания, 1994. 341 с.

УДК 372.881.1

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА РОДНЫХ ЯЗЫКАХ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ

В. В. Кравчук, А. З. Давлекамова
Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

Образование на родных языках в многонациональных регионах Российской Федерации представляет собой одну из ключевых проблем современной языковой политики. В условиях глобализации, унификации образовательных стандартов и доминирования русского языка как языка межнационального общения многие родные языки народов России оказались под угрозой маргинализации и постепенного исчезновения. Особенно остро эта ситуация проявляется в полилингвальных регионах, таких как Астраханская область, республики Северного Кавказа, Поволжья и Сибири, где на протяжении столетий сосуществуют десятки языков, относящихся к разным языковым семьям. Данная статья посвящена анализу основных проблем развития образования на родных языках, а также поиску перспективных решений, способных обеспечить баланс между сохранением культурного кода и требованиями современной образовательной системы.

Ключевые слова: *родной язык, билингвизм, полилингвальный регион, языковая политика, образование, межпоколенческая передача языка, языковая идентичность*.

Native language education in the multinational regions of the Russian Federation represents one of the key problems of modern language policy. In the context of globalization, unification of educational standards and the dominance of Russian as a language of interethnic communication, many native languages of the peoples of Russia are under threat of marginalization and gradual disappearance. This situation is particularly acute in multilingual regions such as the Astrakhan region, the republics of the North Caucasus, the Volga region and Siberia, where dozens of languages belonging to different language families have coexisted for centuries. This article is devoted to the analysis of the main problems of the development of native language education**,** as well as the search for promising solutions that can ensure a balance between the preservation of the cultural code and the requirements of the modern educational system.

Keywords: *native language, bilingualism, multilingual region, language policy, education, intergenerational language transmission, language identity.*

Российская Федерация представляет собой уникальную языковую мозаику, в рамках которой сосуществуют десятки языковых семей и групп. Согласно данным переписей населения, на территории страны функционирует более 150 языков, из которых лишь немногие имеют статус государственных или официальных [1]. Однако разрыв между статусом «государственного» (русского) и «родного» языка для многих этнических групп колоссален. Значительная часть языков народов России находится под угрозой исчезновения, и школа в данном контексте выступает последним бастионом их сохранения. Именно в образовательной среде закладываются основы языковой компетенции, формируется уважение

к родному языку и культуре, а также обеспечивается преемственность языковых традиций между поколениями [2]. Тем не менее, как показывают многолетние наблюдения и специальные социолингвистические исследования, система образования на родных языках в многонациональных регионах сталкивается с комплексом трудноразрешимых проблем, которые требуют безотлагательного вмешательства как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Первая и, пожалуй, наиболее острая проблема заключается в катастрофическом дефиците современных учебников и учебно-методических пособий. Методика преподавания родных языков во многих регионах фактически застыла на уровне 1990-х годов, когда были изданы последние массовые тиражи. Современных учебников по грамматике, лексикологии, стилистике, а также хрестоматий по литературе на родных языках чрезвычайно не хватает. В тех же случаях, когда такие учебники существуют, они зачастую не учитывают особенности билингвальной и полилингвальной среды, в которой происходит реальное обучение [3]. Учащиеся, для которых родной язык не является единственным или первым, нуждаются в принципиально иных дидактических подходах, нежели те, что разрабатывались для моноязычной аудитории. Кроме того, отсутствует система электронных образовательных ресурсов на родных языках, включая аудиоматериалы, видеолекции, интерактивные тренажеры и тестовые задания. В результате процесс обучения сводится к механическому заучиванию устаревших текстов и выполнению однотипных упражнений, что не формирует у учащихся устойчивой мотивации к изучению и использованию родного языка в повседневной жизни.

Вторая проблема носит кадровый характер и является не менее угрожающей, чем материально-техническая необеспеченность. Учителя родных языков в подавляющем большинстве регионов представляют собой поколение предпенсионного и пенсионного возраста. Средний возраст педагога родного языка в сельских школах Астраханской области, по данным выборочных опросов, превышает 55 лет, и эта цифра имеет тенденцию к неуклонному росту [4]. Молодые специалисты, владеющие родным языком на уровне, достаточном для его преподавания, практически не идут в эту сферу. Причины этого явления хорошо известны и многократно описаны в научной литературе: низкая заработная плата, отсутствие сколько-нибудь значимых карьерных перспектив, непрестижность профессии в глазах общества, а также нехватка бюджетных мест в педагогических вузах по направлениям подготовки, связанным с преподаванием конкретных родных языков. Особенно остро кадровая проблема ощущается в отношении языков малочисленных народов, где даже в университетском образовании остро не хватает преподавателей-носителей. У нас отсутствуют «цифровые» учителя – специалисты, способные говорить с учениками на одном языке

не только лексически и грамматически, но и технологически, используя современные образовательные платформы, игровые механики и мультимедийный контент.

Третий блок проблем связан с психологическим барьером и особенностями цифровой социализации современного молодого поколения. Дети и подростки зачастую стесняются говорить на родном языке за пределами домашнего круга или этнического сообщества, считая его «немодным», «деревенским» или «языком старшего поколения». В школьной среде, где действуют неформальные иерархии и жесткие механизмы социального оценивания, публичное использование родного языка может стать поводом для насмешек и буллинга. Особенно уязвимы в этом отношении дети-билингвы, которые могут испытывать двойное давление: с одной стороны, от сверстников, говорящих преимущественно на русском, а с другой – от старших родственников, упрекающих их в утрате языковой идентичности. В цифровой среде, которая сегодня занимает значительную часть времени бодрствования подростка, родной язык практически не представлен. Нет качественных приложений для его изучения, популярных блогов и видеоканалов на родном языке, мемов, которые распространялись бы вирусно в социальных сетях. Если языка нет в телефоне, дети, особенно подростки, для которых цифровая коммуникация является основной, невольно начинают считать его «мертвым» или ненужным.

С целью дифференцировать проблемы и перспективы изучения родного языка в многонациональном регионе (Астраханская область), был проведен лингвопсихологический эксперимент, где респондентам предлагалось ответить на поставленные им вопросы касаемо их языковой компетенции [5].

Ниже, в таблице 1, указаны полученные в ходе эксперимента результаты среди жителей Астраханской области.

Таблица 1

Отношение к преподаванию на родном языке и уровень владения им в зависимости от пола респондентов

Пол респондента	Хотят, чтобы некоторые предметы преподавались на родном языке	Свободно владеют родным языком (говорю, пишу, читаю)	Не владеют или только понимают («Не знаю совсем» / «Понимаю, но не говорю»)
Женский	70,6 %	64,7 %	29,4 %
Мужской	50,0 %	42,9 %	28,6 %

Данные таблицы 1 свидетельствуют о наличии гендерных различий в отношении к преподаванию на родном языке. Среди женщин 70,6 % выразили желание, чтобы некоторые предметы в школе или вузе преподавались на родном языке, тогда как среди мужчин этот показатель составил лишь 50,0 %. При этом уровень свободного владения родным языком также выше у женщин (64,7 %

против 42,9 % у мужчин), что может объяснять их большую заинтересованность в использовании родного языка в образовательном процессе. Доля респондентов, не владеющих родным языком или только понимающих его, практически не различается по полу (29,4 % у женщин, 28,6 % у мужчин), что позволяет предположить, что гендерные различия в мотивации связаны не столько с уровнем владения, сколько с ценностными установками и социальными ожиданиями.

Таблица 2

Факторы, снижающие мотивацию к изучению родного языка, и меры по ее повышению в восприятии респондентов разных возрастных групп

Возрастная группа	Главная причина НЕ изучать родной язык (доля от группы)	Наиболее эффективная мера повышения мотивации (доля от группы)
17–20 лет	«Я бы хотел(а) изучать» – 57,1 %; «бесполезно для поступления / работы» – 21,4 %	Стипендии для обучающихся на родном языке – 42,9 %
21–25 лет	«В семье/компании никто не говорит» –(33,3 %; «я бы хотел(а) изучать» – 33,3 %	Престижные профессии с преподаванием на родном языке – 50,0 %
26–30 лет	«Не хватает времени» – 66,7 %	Стипендии – 66,7 %
Старше 30 лет	«Я бы хотел(а) изучать» – 25,0 %; «стыдно говорить» – 25,0 %	Престижные профессии – 50,0 %; стипендии – 37,5%

Обратимся к анализу таблицы 2, демонстрирующей возрастную дифференциацию мотивационных факторов. В группе 17–20 лет, несмотря на высокий интерес к изучению родного языка (57,1 %), указали «я бы хотел(а) изучать». Значимой причиной отказа выступает прагматическая установка – «бесполезно для поступления в вуз и работу» (21,4 %). Наиболее действенной мерой для этой возрастной когорты названы стипендии (42,9 %), что подтверждает доминирование инструментальных ценностей у современной молодежи.

В группе 21–25 лет ключевой проблемой является отсутствие языковой среды («в семье/компании никто не говорит» – 33,3 %), а предпочтительной мерой – создание престижных профессий с преподаванием на родном языке (50,0 %). Респонденты 26–30 лет в качестве главного барьера называют дефицит времени (66,7 %), что, вероятно, связано с высокой занятостью в период профессионального становления. Наконец, группа старше 30 лет, наряду с желанием изучать язык (25,0 %), отмечает психологический барьер «стыдно говорить» (25,0 %) и в приоритете выбирает престижные профессии (50,0 %).

Переходя от анализа проблем к поиску перспективных решений, необходимо подчеркнуть, что традиционная модель преподавания родного языка как школьной дисциплины, построенной по образцу преподавания русского или иностранного языка (с акцентом на грамматику, орфографию и контрольные работы), в значительной степени исчерпала себя. Мы должны перестать воспринимать

родной язык как школьную «повинность» и начать видеть в нем инструмент живой коммуникации, носитель культурных смыслов и маркер идентичности. Решения лежат не в увеличении количества часов на зубрежку правил, а в интеграции языка в повседневную эмоциональную и деятельностную жизнь ребенка. В этом контексте особого внимания заслуживают мягкие методы языковой активизации, которые апробируются в последние годы в ряде регионов Российской Федерации.

Одним из наиболее эффективных и при этом наименее затратных методов представляется «правило 15 минут» (или, в других вариантах, «метод десяти минут», «языковой минимум»). Технология его реализации предельно проста и доступна для любой семьи, независимо от уровня образования и материального достатка. Семьям предлагается ежедневно выделять 15 минут, например, за ужином, перед сном или во время совместной прогулки, когда вся семья обязуется говорить исключительно на родном языке. Ключевая особенность метода заключается в том, что в эти пятнадцать минут строго запрещены любые исправления ошибок, замечания по поводу произношения или грамматики, а также насмешки. Единственное правило – разговаривать, не боясь сказать что-то неправильно. Пятнадцать минут – достаточно короткий интервал, чтобы он не вызывал утомления или раздражения, но при этом регулярное ежедневное повторение создает устойчивый коммуникативный навык. Главное в этом методе – регулярность, а не длительность. Метод снимает страх публичного выступления, поскольку реализуется в безопасной домашней среде, и постепенно формирует у ребенка привычку к использованию родного языка как естественного средства общения.

Вторым перспективным инструментом является метод «языкового дня», например, еженедельной «Среды без страха ошибок». Суть этого подхода заключается в том, что один раз в неделю школа (или отдельный класс, кружок, группа продленного дня) объявляет днем родного языка. В этот день действует особый режим коммуникации: на переменах, во время внеурочных мероприятий, а также на некоторых уроках (например, на занятиях по краеведению, музыке, технологии или изобразительному искусству) ученики и учителя сознательно переходят на родной язык. Важнейшим условием является запрет на любые насмешки за неправильное окончание, акцент или ошибку. Учитель выступает не в роли строгого экзаменатора, выставляющего оценки, а в роли модератора и фасилитатора, который поддерживает любую попытку заговорить на родном языке. Это создает среду тотального, пусть и временного, погружения, где важнее сам факт коммуникативной попытки, чем идеальное владение языковыми нормами.

Третье направление связано с использованием игровых форматов и привлечением студенческого волонтерства. Известно, что дети и подростки гораздо эффективнее усваивают язык в игре, чем за партой. Поэтому целесообразно привлекать студентов-филологов, будущих педагогов, а также волонтеров из числа старшеклассников не в качестве строгих репетиторов, а как организаторов

и ведущих языковых игр: лингвистических квизов, ролевых игр по мотивам национальных сказок и эпосов, «Своей игры» на родном языке, краеведческих квестов. Волонтерство снимает формальный барьер «учитель – ученик», поскольку студент или старшеклассник воспринимается детьми как более близкий по возрасту и статусу участник общения. Игровая форма, в свою очередь, снимает страх ошибки и делает язык живым, эмоционально окрашенным, желанным. Кроме того, игровые форматы легко масштабируются и не требуют дорогостоящего оборудования.

Важно также подчеркнуть необходимость создания положительного образа родного языка в цифровой среде. Поскольку современные подростки проводят в интернете значительную часть времени, отсутствие родного языка в социальных сетях, мессенджерах, на видеохостингах и игровых платформах делает его невидимым для молодого поколения. Перспективным направлением является поощрение создания и распространения контента на родных языках в форматах, востребованных молодежью: короткие видео (TikTok, Reels, Shorts), тематические мемы, образовательные и развлекательные подкасты, чат-боты для мессенджеров с ежедневными языковыми заданиями. Целесообразно налаживать сотрудничество с местными блогерами и лидерами, которые могли бы на собственном примере демонстрировать, что родной язык – это не архаизм, а современный и креативный инструмент самовыражения.

Подводя итог проведенному анализу, следует отметить, что перспективы развития образования на родных языках в многонациональных регионах напрямую зависят от смены парадигмы: необходимо перейти от сохранения языка как «музейного экспоната» (в словарях, фольклорных архивах и обязательных уроках) к его использованию в качестве живого, повседневного инструмента коммуникации. Язык живет не в приказах министерств и не в академических грамматиках, а в диалоге за ужином, в школьной перемене без страха ошибки, в игровом квесте на родном языке и в смартфоне подростка. Лишь сочетание мер государственной поддержки – финансирования издания учебников, подготовки педагогических кадров, разработки образовательных стандартов с низовыми инициативами семей, школ и местных сообществ способно обеспечить реальные перспективы сохранения и развития родных языков в XXI веке.

Список литературы

1. Алпатов В. М. Языковая политика в современной России: проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 2020. № 4. С. 7–22.

2. Замятин К. Ю., Пасанен Т. Ю., Боргоякова Т. Г. Образование на родных языках в регионах Сибири и Дальнего Востока: современное состояние и перспективы // Языковая политика и языковое образование в России. М. : Институт языкознания Российской академии наук, 2021. С. 112–138.

3. Халилова Л. А. Проблемы билингвального образования в поликультурном регионе (на примере Республики Дагестан) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2021. Т. 15, № 2. С. 54–60.

4. Кравчук В. В., Караулова А. Д. Кадровая обеспеченность преподавания родных языков в Астраханской области // Инновационное развитие регионов: потенциал науки и современного образования. Астрахань : Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, 2024. С. 215–218.

5. Анкета для респондентов. URL: https://forms.yandex.ru/u/69f23e67eb6146782974cc1c (дата обращения 29.04.2026).

УДК 81-25

ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОГО СЛЕНГА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

И. А. Краснов[1], А. Д. Алимова[1], Р. А. Климентьев[2]

[1] Астраханский государственный архитектурно-строительный университет (г. Астрахань, Россия);

[2] Московский государственный строительный университет (г. Москва, Россия)

Настоящее исследование посвящено изучению динамики развития студенческого сленга в России. В данной статье будет рассматриваться анализ ключевых исторических этапов его формирования, характерные черты каждого периода и выводы о том, какие элементы жаргона сохранялись, а какие претерпевали изменения с течением времени.

Ключевые слова: *студенческий сленг, исторический контекст, жаргон, заимствования, англицизмы, молодежная культура, эволюция языка.*

This study examines the dynamics of student slang development in Russia. This article will analyze the key historical stages of its formation, the characteristic features of each period, and draw conclusions about which elements of jargon have persisted and which have undergone changes over time.

Keywords: *student slang, historical context, slang, borrowings, anglicisms, youth culture, language evolution.*

Сленг можно определить как специфический пласт разговорной лексики, включающий в себя как совершенно новые слова, так и переосмысленные значения уже существующих лексем. Этот языковой феномен функционирует за рамками строгих норм литературного языка и сегодня является неотъемлемой частью коммуникации не только в студенческой среде, но и среди молодежи в целом. Чтобы понять, как именно жаргонизмы укоренились в речи учащихся, необходимо рассмотреть этот вопрос в историческом контексте [5].

В период XIX – начала XX века происходит зарождение сленга в замкнутых сообществах. На начальном этапе сленг передавался от одного участника любого сообщества другому по устному каналу и не содержал письменной фиксации семантического наполнения единиц. Самым часто используемым источником заимствования и словообразовательной основы выступали древние языки – латинский и европейские (например, «бурса» для обозначения общежития, от лат. bursa – кошелек), немецкий (обращение «фетер» к отцу, от нем. Vater) и французский [5].

Многие сленговые выражения рождались из ярких бытовых образов студенческой жизни:

- «Камчатка» – так называли задние ряды в аудитории, проводя аналогию с далеким и холодным регионом;
- «дерябнуть» – означало «выпить», слово происходит от звукоподражательного «деряб», передающего резкое, царапающее действие, метафорически – «драть горло».

В период советской эпохи происходит выход студенческого сленга за пределы элитарности. Революционные события и последующая урбанизация кардинально изменили социальную структуру общества, что привело к размыванию границ и сленг выходит за пределы использования только закрытыми сообществами. Студенческий сленг перестал быть привилегией «учащейся элиты» и распространился среди всей молодежи.

В 1950–1960-е годы формируется жаргон, который часто противопоставлялся официальной советской риторике. В это время в язык проникают первые англицизмы, связанные с западной модой и музыкой:

- «хаер» (от англ. hair – волосы) – этим словом обозначали не просто прическу, а знаковый, часто вызывающий стиль, символизировавший принадлежность к определенной субкультуре, например, рок-движению;
- «шузы» (от англ. shoes – обувь) – в 80-е годы это слово ассоциировалось не с обычной обувью, а с дефицитными и стильными моделями, такими как кроссовки или ботинки на высокой платформе.

Постсоветский период ознаменуется эпохой открытости и глобализации. Распад СССР спровоцировал мощный приток заимствований, и сленг 90-х годов превратился в максимально открытую систему. Студенческий жаргон окончательно слился с общемолодежным, выйдя за пределы учебных заведений. Технологическая революция принесла с собой новые понятия:

- «юзер» (от англ. user – пользователь) – слово, прочно вошедшее в лексикон с распространением персональных компьютеров;
- «дедлайн» (от англ. deadline – крайний срок) – термин, обозначающий финальный срок выполнения задачи, ставший неотъемлемой частью учебного и рабочего процесса;
- «геймер» (от англ. gamer – игрок) – человек, увлеченный видеоиграми, чье хобби стало массовой культурой [4].

Молодежный сленг в современный период развития языка находится под влиянием интернета и визуальной культуры. Он формируется под доминирующим влиянием интернет-коммуникации [2]. Наблюдается тенденция к компрессии (сжатию) слов:

- «университет» превращается в «универ»;
- «преподаватель» – в «препода».

Кроме того, лексика активно пополняется за счет интернет-мемов, которые, отрываясь от своего первоначального контекста, становятся универсальными маркерами для выражения эмоций [3]:

- «сваг» (от англ. swag) – понятие, описывающее уверенный, модный и крутой стиль, вызывающий восхищение;
- «кринж» (от англ. cringe – съеживаться) – этим словом передают чувство сильной неловкости или «испанского стыда» за действия другого человека [4];
- «альтушка» (от слова «альтернатива») – так называют девушку, чей стиль в одежде, музыке и поведении отличается от остальных и зачастую тяготеет к определенным субкультурам.

Примечательно, что методы создания новых слов остались практически неизменными. Так же, как 150 лет назад студенты сокращали длинные слова, сегодня они используют термины «препод» и «комп». Как тогда возникали забавные прозвища («Камчатка» для задних парт), так и по сей день родителей называют «предками» [1].

Подводя итоги, можно утверждать, что студенческий сленг – это не просто языковое отклонение, а живое зеркало, отражающее глубокие исторические и культурные трансформации в обществе. Он эволюционировал вместе со страной: от преобладания латинских и немецких заимствований в XIX веке до активного использования англицизмов и интернет-лексики в наши дни. Этот языковой пласт демонстрирует, как менялись ценности, технологии и социальные взаимодействия разных поколений молодежи.

Список литературы

1. Гареева Л. М. Современный молодежный сленг: его источники и разновидности // Международный научно-исследовательский журнал. Сентябрь 2021. № 9 (111), часть 3. DOI: https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.9.111.095.

2. Караулова А. Д. Устный дискурс народов Астраханского региона: сравнительный аспект узуса англицизмов [Электронный ресурс] : монография. Электрон. текстовые данные (1,66 Мб). Астрахань : Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, 2024. 1 опт. диск (CD-R).

3. Нарочная Е. Б., Сумина В. Е. Англоязычные заимствования как элемент фоновых знаний студенческой молодежи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 1. URL: https://www.gramota.net/materials/2/2019/1/31.html.

4. Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI в.): более 3000 слов и словосочетаний. М. : АСТ : Астрель, 2010. 944 с.

5. Ши Чжэнвэй. Источники пополнения молодежного жаргона // Язык. Текст. Культура : сборник научных трудов. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. С. 112–119. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/93688/1/978-5-91256-471-0_15.pdf.

УДК 81.1

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

К. В. Куликова, А. В. Камоликов, О. М. Шикульская
Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

В статье рассматривается язык как ключевой механизм сохранения культурной идентичности, исторической памяти и традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях глобализации. Анализируются риски языковой унификации, особенности межкультурной коммуникации и потенциал цифровых технологий. Особое внимание уделяется нормативно-правовой базе Российской Федерации в сфере сохранения языков и культурного наследия. Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении языка как ресурса культурной устойчивости в цифровую эпоху.

Ключевые слова: *язык, культурная идентичность, традиционные ценности, межкультурная коммуникация, глобализация, цифровизация.*

The article examines language as a key mechanism for preserving cultural identity, historical memory and traditional values in the context of globalization. The risks of linguistic unification, intercultural communication features and the role of digital technologies are analyzed. Special attention is paid to the legal framework of the Russian Federation in the field of language and cultural heritage preservation.

Keywords: *language, cultural identity, traditional values, intercultural communication, globalization, digitalization.*

В современных условиях глобализации и цифровой трансформации общества язык приобретает особое значение как средство сохранения культурной идентичности и исторической памяти народа. Расширение межкультурных контактов, активное развитие цифровых коммуникаций и доминирование международных языков приводят к изменению языкового пространства и трансформации традиционных культурных практик.

Язык представляет собой не только средство общения, но и форму существования культуры, в которой закреплены ценности, нормы и мировоззренческие установки общества [1]. В связи с этим проблема сохранения языков становится одной из ключевых в контексте обеспечения культурной устойчивости и национальной безопасности.

Язык как носитель культуры и исторической памяти

Язык аккумулирует коллективный опыт народа, отражает особенности его исторического развития и культурных традиций. В лексике, фразеологии и текстах фиксируются представления о добре и зле, социальной справедливости, семейных ценностях и патриотизме.

Как отмечает В. И. Карасик, языковая система выступает пространством существования культурных концептов, формирующих национальное сознание [2]. Через язык осуществляется передача традиций от поколения к поколению, что обеспечивает преемственность культурного развития.

Особую роль играют устойчивые выражения и фольклор, в которых закреплены нравственные ориентиры общества. Они выполняют не только коммуникативную, но и воспитательную функцию, способствуя формированию ценностных установок личности.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении языка как комплексного феномена, объединяющего функции культурной памяти, средства коммуникации и инструмента сохранения традиционных ценностей в условиях цифровизации.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов исследования в образовательной практике, а также при разработке программ по сохранению культурного и языкового наследия.

Нормативно-правовые основы сохранения языка в Российской Федерации

В Российской Федерации вопросы сохранения языка и культурного наследия закреплены на государственном уровне. Согласно Конституции Российской Федерации, русский язык является государственным языком, при этом гарантируется право народов России на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития [4].

Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» подчеркивает значимость языка как основы национальной идентичности и культурного единства [5]. В свою очередь, «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации» ориентирована на сохранение этнокультурного и языкового многообразия страны [6].

Кроме того, в рамках государственной культурной политики особое внимание уделяется укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, что напрямую связано с поддержкой языкового наследия.

Глобализация и межкультурная коммуникация

Глобализация способствует активному взаимодействию культур, однако одновременно создает риски языковой унификации. Распространение глобальных языков упрощает коммуникацию, но может снижать статус национальных языков и ограничивать их функциональное использование.

По мнению С. Г. Тер-Минасовой, язык является ключевым элементом межкультурной коммуникации, так как именно через него осуществляется передача культурных смыслов [3]. Недостаточное понимание культурных особенностей может приводить к коммуникативным барьерам и искажению информации.

Таким образом, эффективная межкультурная коммуникация требует не только владения языком, но и понимания культурного контекста.

Цифровизация и сохранение языкового наследия

Современные информационные технологии создают новые возможности для сохранения языков. Электронные словари, цифровые архивы, образовательные платформы и медиаресурсы способствуют популяризации языкового и культурного наследия.

В то же время цифровая среда может способствовать упрощению языковых норм и вытеснению традиционных форм речи. Это требует осознанного подхода к использованию технологий и разработки программ, направленных на сохранение языковой культуры.

Итак, язык является важнейшим фактором сохранения культурной идентичности и традиционных ценностей. В условиях глобализации особую значимость приобретает поддержка национальных языков, развитие межкультурного диалога и использование цифровых технологий для сохранения культурного наследия.

Сохранение языка выступает необходимым условием устойчивого развития общества и укрепления его духовно-нравственных основ.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык : учебное пособие. 4-е изд. М. : Русский язык, 2001. 720 с.

2. Карасик В. И. Языковая личность и концепты культуры. М.: ГНОЗИС, 2004. 390 с.

3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие. М. : Слово/Slovo, 2000. 262 с.

4. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mpqizosj3q267242639.

5. Российская Федерация. О государственном языке Российской Федерации : Федеральный закон № 53-ФЗ от 01.06.2005 : [принят Государственной Думой 20 мая 2005 года ; одобрен Советом Федерации 25 мая 2005 года] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/?ysclid=mpqj2uey8m258612391.

6. Российская Федерация. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации : Указ Президента РФ № 1666 от 19.12.2012 // Гарант. URL: https://base.garant.ru/70284810/.

УДК 811.161.1’35

ПУНКТУАЦИОННЫЕ НОРМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. И. Лихвер, Ж. С. Свиренко (научный руководитель)
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (г. Макеевка, Россия)

В статье рассматриваются актуальные проблемы функционирования пунктуационных норм современного русского языка под влиянием цифровой коммуникации. Анализируются изменения в употреблении знаков препинания (тире, запятой, точки) в интернет-среде и связанные с этим риски деформации ортологического сознания носителей языка. Особое внимание уделяется феномену интонационной интерпретации знаков препинания, а также парадоксальному восприятию нормативной пунктуации как маркера «неестественности» текста в эпоху генеративных нейросетей. Обосновывается необходимость актуализации академического свода правил и поиска баланса между традиционной нормой и новыми коммуникативными практиками.

Ключевые слова: *пунктуационные нормы, русский язык, интернет-коммуникация, тире, вариативность, интонация, нейросети, цифровая грамотность.*

The article discusses the current problems of the functioning of the punctuation norms of the modern Russian language under the influence of digital communication. It analyzes the changes in the use of punctuation marks (dash, comma, period) in the Internet environment and the associated risks of deformation of the orthological consciousness of language speakers. Special attention is paid to the phenomenon of intonational interpretation of punctuation marks, as well as the paradoxical perception of normative punctuation as a marker of "unnaturalness" of a text in the era of generative neural networks. The article substantiates the need to update the academic set of rules and find a balance between the traditional norm and new communicative practices.

Keywords: *punctuation norms, Russian language, Internet communication, dashes, variability, intonation, neural networks, digital literacy.*

Русская пунктуация представляет собой сложную и динамичную знаковую систему, обеспечивающую структурно-смысловую организацию письменного текста. В отличие от орфографии, которая регулируется единым сводом правил 1956 года и готовящимися дополнениями к нему, пунктуационная подсистема современного русского языка демонстрирует высокую степень вариативности и находится под активным воздействием экстралингвистических факторов, среди которых особое место занимает интернет-коммуникация [6, с. 12]. Изучение проблем функционирования знаков препинания в цифровой среде позволяет не только выявить актуальные тенденции в их употреблении, но и определить перспективные направления кодификации пунктуационных норм с учетом новых речевых практик [1, с. 87]. Система современной русской пунктуации насчитывает десять основных знаков: точка, запятая, точка с запятой, двоеточие,

тире, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки, скобки и кавычки, каждый из которых выполняет определенные функции разделения, выделения или завершения. Традиционно в отечественной лингвистике выделяют три принципа русской пунктуации: синтаксический (структурный), смысловой и интонационный. Синтаксический принцип, предполагающий отражение грамматического строя предложения, является доминирующим, однако современная пунктуационная практика демонстрирует активное взаимодействие всех трех начал, что создает основу для вариативности и авторского выбора [2, с. 55]. Особую актуальность в последние десятилетия приобрела проблема трансформации пунктуационных норм под влиянием интернет-коммуникаций.

Как справедливо отмечают исследователи, частотность и массовость нарушений пунктуационных правил в сетевом общении могут привести к формированию «новой» нормы в сегменте неофициальной, бытовой интернет-коммуникации [3, с. 40]. Цифровая среда порождает феномен «естественной письменной речи», характеризующейся ослаблением ортологического контроля, стремлением к экономии языковых средств и высокой скоростью коммуникации [5, с. 112].

Наиболее показательным в этом отношении является функционирование знака «тире», которое демонстрирует устойчивую тенденцию к сокращению его употребления. Специфика набора этого знака на клавиатуре смартфона, требующая перехода на вторую раскладку символов, создает коммуникативное неудобство и препятствует поддержанию высокой скорости общения, принятой в интернет-пространстве. Как показывают результаты исследований, проведенных в 2025 году, частотность употребления тире представителями молодого поколения как при наборе текста на смартфоне, так и в рукописных текстах остается невысокой, что формирует определенные речевые привычки и влияет на общий уровень пунктуационной грамотности [4, с. 215].

Аналогичные процессы наблюдаются и в отношении других знаков препинания, в частности запятой и точки, которые нередко опускаются или заменяются графическими средствами – переносом строки, пробелами, эмодзи. При этом особый интерес вызывает феномен «интонационной интерпретации» пунктуационных знаков, который изучается в контексте соотношения письменного и устного кодов. Экспериментальные исследования показывают, что между пунктуационным оформлением текста и его реальным звучанием не существует жесткой корреляции: точка с запятой и двоеточие в 78–79 % случаев сопровождаются понижением тона, тогда как тире, напротив, в 55 % случаев связано с повышением тона; средняя длительность паузы также варьируется: 0,38 сек. для точки с запятой, 0,25 – для двоеточия и 0,17 – для тире [4, с. 218–220]. Эти данные свидетельствуют о том, что пунктуационные знаки обладают собственной акустической репрезентацией, которая, однако, не всегда соответствует

нормативным предписаниям и может варьироваться в зависимости от индивидуальных особенностей говорящего.

В последнее время появился еще один фактор, влияющий на восприятие пунктуационных норм, – использование нейросетей для генерации текстов. Парадоксальным образом соблюдение типографических правил (длинное тире, кавычки-елочки) и академических пунктуационных норм стало восприниматься в некоторых интернет-сообществах как маркер «неестественности», указание на то, что текст создан искусственным интеллектом, а не живым человеком [5, с. 118]. Эта тенденция, получившая распространение в социальных сетях, создает ситуацию, когда владение нормами пунктуации парадоксальным образом дискредитируется как признак неаутентичной коммуникации.

Одновременно с этим активно обсуждается вопрос о необходимости актуализации академического свода правил русской орфографии и пунктуации. Действующие в настоящее время правила были утверждены в 1956 году и, как отмечают специалисты, уже не в полной мере соответствуют реалиям современного языка, в частности, не регламентируют написание многих заимствованных слов, терминов, связанных с интернет-технологиями, а также не учитывают изменившиеся социокультурные условия (например, написание названий религиозных праздников с прописной буквы) [6, с. 402]. Однако важно подчеркнуть, что предполагаемые изменения не затрагивают фундаментальных принципов русской орфографии и пунктуации, а направлены на уточнение формулировок, включение новых примеров и приведение свода правил в соответствие с современной языковой практикой. Речь идет не о реформе, а о «штопке» орфографического и пунктуационного костюма, что является естественным процессом для любого развивающегося литературного языка [2, с. 63].

Перспективы развития русской пунктуации связаны с решением нескольких взаимосвязанных задач. Во-первых, необходимо продолжение научного описания пунктуационной системы с учетом ее вариативного потенциала и функциональной гибкости. Во-вторых, требуется выработка сбалансированной образовательной стратегии, которая учитывала бы коммуникативные реалии цифровой эпохи, но при этом сохраняла бы преемственность традиционной пунктуационной нормы. В-третьих, актуальным представляется исследование психолингвистических механизмов усвоения пунктуационных правил, поскольку многие ошибки взрослых носителей языка, как показывают наблюдения, имеют не столько когнитивную, сколько моторно-перцептивную природу и связаны с привычками, сформированными в процессе неформального цифрового общения [1, с. 143].

Показательно, что эти процессы затрагивают не только молодежь, но и взрослых носителей языка, которые в повседневной интернет-коммуникации также нередко пренебрегают пунктуационными нормами, что со временем может привести к их деавтоматизации и переносу упрощенных моделей в официальные сферы

письменной речи. Таким образом, современное состояние русской пунктуации характеризуется противоречивым сочетанием тенденций: с одной стороны, сохраняется высокая степень кодифицированности и нормативной регламентированности, с другой – под влиянием онлайн-общения формируются новые, упрощенные модели употребления знаков препинания, которые претендуют на статус коммуникативно приемлемых. Будущее русской пунктуации будет зависеть от того, удастся ли найти баланс между необходимостью адаптации письменной нормы к новым условиям коммуникации и сохранением ее системности, логичности и смыслоразличительного потенциала.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации : учебное пособие. М., 2004. 259 с.

2. Друговейко-Должанская С. В., Попов М. Б. Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация : терминологический словарь. СПб., 2019. 190 с.

3. Ким И. Е. Теория русской пунктуации: пространство знака и пространство текста. Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2019. 120 с.

4. Новикова Н. М. Особенности интонационной интерпретации графического предложения в зависимости от формальных характеристик содержащихся в нем пунктуационных знаков (точка с запятой, двоеточие, тире) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 211–224.

5. Парубченко Л. Б. Орфография и пунктуация: практическое пособие. 2-е изд. М. : Юрайт, 2025. 275 с.

6. Правила русской орфографии и пунктуации : полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М .: Эксмо, 2007. 480 с.

УДК 811.161.1'373.45

АНГЛИЦИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ДИСКУССИЯ О СОХРАНЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. Е. Логинов, Ж. С. Свиренко

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (г. Макеевка, Россия)

В статье представлен обзор научной литературы, посвященной проблеме англицизмов в русском языке конца XX – начала XXI века. Анализируются основные подходы к определению англицизма, причины и функции заимствований, а также дискуссия о влиянии англицизмов на сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей и языковой идентичности. Рассматриваются работы Л. П. Крысина, Е. В. Мариновой, В. Г. Костомарова, В. Н. Шапошникова. Делается вывод о необходимости разграничения функционально оправданных и избыточных заимствований.

Ключевые слова: *англицизмы, русский язык, заимствование, языковая идентичность, традиционные ценности, обзор литературы.*

This article provides a review of the scientific literature on the problem of Anglicisms in the Russian language of the late 20th – early 21st centuries. The main approaches to the definition of Anglicism, the causes and functions of borrowings, as well as the discussion on the influence of Anglicisms on the preservation of traditional spiritual and moral values and linguistic identity are analyzed. The works of L. P. Krysin, E. V. Marinova, V. G. Kostomarov, V. N. Shaposhnikov are examined. The conclusion is made about the need to distinguish between functionally justified and excessive borrowings.

Keywords: *anglicisms, Russian language, borrowing, linguistic identity, traditional values, literature review.*

Англицизмы стали одной из самых заметных примет языковой ситуации в России последних тридцати лет. Их количество, скорость проникновения и сферы распространения (от компьютерной терминологии до бытовой речи) вызывают как академический интерес, так и общественную тревогу. При этом в русистике сложилось несколько конкурирующих теорий, объясняющих природу, функции и перспективы этого явления. Цель данной статьи – представить систематический обзор ключевых научных работ об англицизмах в русском языке, выделив основные теоретические подходы, дискуссионные узлы и перспективы анализа с точки зрения сохранения языковой и культурной идентичности.

Интерес к иноязычным словам в русском языке не является новым. Еще в трудах А. А. Шахматова и Л. В. Щербы затрагивались вопросы адаптации заимствований, однако систематическое изучение англицизмов начинается с 1960-х годов в связи с активизацией научно-технического перевода [1, с. 12]. В советский период преобладал структурно-функциональный подход: исследователей интересовало, как слово осваивается фонетически, грамматически и семантически. Классической работой этого этапа считается монография Л. П. Крысина «Иноязычные слова в современном русском языке» (1968, переиздания 2014–2020), в которой впервые был предложен детальный механизм анализа степеней освоенности заимствований [2].

С 1990-х годов акцент смещается в сторону социолингвистики. Язык начинает рассматриваться как зеркало социальных изменений: англицизмы воспринимаются не просто как лексические единицы, но как маркеры престижа, поколенческой принадлежности, профессиональной идентичности. Ключевые работы этого периода – статьи Н. С. Валгиной «Активные процессы в современном русском языке» (2001) и монография В. В. Кабакчи «Англоязычная интерференция в русском языке» (2009) [3].

В литературе отсутствует единое определение англицизма. Л. П. Крысин предлагает различать: собственно англицизмы – слова, заимствованные из английского языка (компьютер, менеджер); интернационализмы – слова, пришедшие через английский, но имеющие греко-латинские корни (телефон, демократия); кальки – поморфемные переводы (небоскреб – sky-scraper) [2, с. 67]. Е. В. Маринова добавляет важное разграничение между регулярными

(узуальными) и окказиональными (авторскими, ситуативными) англицизмами [4, с. 34]. А. И. Дьяков выделяет также псевдоанглицизмы – слова, образованные по английским моделям, но не существующие в самом английском языке (бейдж, фейс-контроль) [5, с. 102].

Причины заимствования большинство авторов делят на экстра- и интралингвистические. Наиболее разработанная классификация принадлежит Л. П. Крысину (2017). К экстралингвистическим причинам относят: глобализацию и расширение международных контактов; доминирование англоязычного интернета; престижность английского как языка бизнеса, науки, моды; появление новых реалий, не имеющих русских аналогов (смартфон, блогер, хештег). Интралингвистические причины включают: отсутствие точного эквивалента (имидж vs образ); тенденцию к терминологической унификации; экспрессивный потенциал англицизмов (вау, хайп). В. Г. Костомаров добавляет «языковую моду» – заимствование при наличии русского аналога (мерч вместо сувенирная продукция) [6, с. 56].

Функциональный спектр англицизмов широк. На основе обобщения работ [2], [4 и [7] можно выделить следующие функции: номинативная (заполнение лакун: ноутбук, сканер); терминологическая (дедлайн, конверсия); престижная (сигнал принадлежности к актуальной культуре: лук, бренд); экспрессивная (кринж, вайб); экономическая (сжатие выражения: пиар, промо). Как отмечает Т. Г. Добросклонская, в медиатекстах англицизм способен одновременно привлечь внимание и создать ауру «современности» [7, с. 88].

Самый острый вопрос в литературе: является ли массовое заимствование англицизмов угрозой русскому языку или естественным этапом его развития? Пуристическая позиция представлена работами В. Г. Костомарова и Ю. Н. Караулова. Костомаров в книге «Язык текущего момента» (2015) пишет об «агрессивной интервенции» англицизмов, разрушающей стилистическую дифференциацию и размывающей традиционную русскую языковую картину мира [6, с. 112]. Либерально-адаптивная позиция характерна для Л. П. Крысина, Е. В. Мариновой, В. Н. Шапошникова. Они утверждают, что язык – саморегулирующаяся система. Большинство заимствований уходит из активного употребления в течение 10–20 лет, если в них нет реальной нужды. В качестве примера Крысин приводит англицизмы 1990-х: киднеппинг (не закрепилось), сейл (уступило распродаже) [2, с. 156]. Шапошников добавляет, что паника вокруг англицизмов повторяет споры о галлицизмах в XIX веке [8, с. 203].

Большой пласт литературы посвящен анализу англицизмов в конкретных дискурсах. Е. Н. Галичкина (2016) показала, что в русском интернет-сленге до 40 % единиц являются англицизмами (юзать, гуглить, запостить) [9]. И. А. Стернин (2018) на материале наружной рекламы установил, что англицизмы используются для создания имиджа «международного бренда», однако в 70 % случаев их употребление избыточно [10]. М. В. Захарова (2020)

проанализировала СМИ и выявила, что частота англицизмов в деловых газетах в 3–5 раз выше, чем в массовых [11]. Е. В. Маринова на материале студенческих групп зафиксировала более 200 активных англицизмов, причем около трети отсутствуют в словарях (краш, душнить). Такие слова выполняют идентификационную функцию: «свой – чужой» [4, с. 112–115].

Проведенный обзор литературы показывает, что изучение англицизмов в русском языке прошло путь от структурного описания к социолингвистическому и функциональному анализу. Основные достижения: разработаны классификации причин и функций, выделены этапы адаптации. В то же время сохраняются острые дискуссии о статусе англицизмов с точки зрения языковой нормы. С точки зрения сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей избыточное заимствование может размывать языковую идентичность, однако полный запрет англицизмов противоречит природе языкового развития. Перспективным представляется не борьба с англицизмами как таковыми, а формирование языкового вкуса и разграничение ситуативно оправданных заимствований и избыточных, разрушающих коммуникативную ясность. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются корпусные и экспериментальные работы, а также сопоставительный анализ с другими славянскими языками.

Список литературы

1. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. 428 с.
2. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М. : АСТ-Пресс, 2016. 320 с.
3. Кабакчи В. В. Англоязычная интерференция в русском языке. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2009. 250 с.
4. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М. : ЭЛПИС, 2019. 280 с.
5. Дьяков А. И. Англицизмы в русском языке начала XXI века : автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2015. 24 с.
6. Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб. : Златоуст, 2015. 192 с.
7. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М. : Флинта, 2018. 264 с.
8. Шапошников В. Н. Русская речь 2000-х: современное состояние и тенденции развития. М. : Флинта, 2020. 312 с.
9. Галичкина Е. Н. Компьютерный дискурс: лингвокультурный аспект. Волгоград : Перемена, 2016. 180 с.
10. Стернин И. А. Реклама и языковая культура. Воронеж : Истоки, 2018. 160 с.
11. Захарова М. В. Англицизмы в современной российской прессе // Вопросы лексикографии. 2020. № 2. С. 45–59.

УДК 316.77:008

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОБЗОР ОСНОВНЫХ ТЕОРИЙ И ДИСКУССИЯ О КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. Е. Логинов, Ж. С. Свиренко (научный руководитель)
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (г. Макеевка, Россия)

В статье представлен обзор научной литературы, посвященной проблемам межкультурной коммуникации. Анализируются основные теоретические подходы: высоко- и низкоконтекстные культуры Э. Холла, культурные измерения Г. Хофстеде, модель Ф. Тромпенаарса. Рассматриваются барьеры межкультурной коммуникации (культурный шок, стереотипы, языковые различия) и дискуссия о сохранении культурной идентичности в условиях глобализации. Делается вывод о необходимости формирования межкультурной компетентности как условии эффективного диалога культур.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, культурная идентичность, культурные измерения, Хофстеде, Холл, культурный шок, глобализация.*

The article provides a review of the scientific literature on the problems of intercultural communication. The main theoretical approaches are analyzed: E. Hall's high- and low-context cultures, G. Hofstede's cultural dimensions, F. Trompenaars' model. The barriers of intercultural communication (culture shock, stereotypes, language differences) and the debate on the preservation of cultural identity in the context of globalization are examined. The conclusion is made about the need to develop intercultural competence as a condition for effective dialogue of cultures.

Keywords: *intercultural communication, cultural identity, cultural dimensions, Hofstede, Hall, culture shock, globalization.*

Межкультурная коммуникация как самостоятельная научная дисциплина начала формироваться в США в 1950-е годы. Ключевой точкой отсчета принято считать работу Э. Холла «Немой язык» (1959), в которой впервые было показано, что культурные различия проявляются не только в языке, но и в невербальном поведении, организации времени и пространства. Сегодня межкультурная коммуникация – междисциплинарная область на стыке лингвистики, антропологии, социологии и психологии. Цель данной статьи – представить систематический обзор ключевых научных работ, посвященных основным теориям, барьерам и дискуссиям в этой области, с акцентом на проблему сохранения культурной идентичности.

Интерес к тому, как культуры взаимодействуют друг с другом, возник задолго до появления термина. Еще в трудах М. М. Бахтина (диалог культур) и Л. С. Выготского (опосредование культурными знаками) содержались идеи,

предвосхитившие современные подходы. Однако систематическое изучение начинается именно с работ Э. Холла. В советской и постсоветской науке важный вклад внесли Ю. М. Лотман (семиотика культуры), Т. Г. Грушевицкая («Основы межкультурной коммуникации», 2002) и С. Г. Тер-Минасова («Язык и межкультурная коммуникация», 2000), которая подчеркнула, что язык не просто передает информацию, но и отражает культурные ценности [1, с. 14].

В литературе отсутствует единое определение межкультурной коммуникации. Большинство авторов сходятся на том, что это процесс обмена информацией между представителями разных культур, при котором культурные различия приобретают коммуникативную значимость. Э. Холл и Г. Трагер определяли ее как «коммуникацию между людьми, чьи культурные коды различаются» [2, с. 25]. С. Г. Тер-Минасова добавляет, что любая коммуникация потенциально межкультурна, но реально ею становится тогда, когда культурные различия влияют на понимание [1, с. 47].

Фундаментальной для межкультурной коммуникации является типология Э. Холла (1976), разделившая культуры на высоко- и низкоконтекстные. В высококонтекстных культурах (Япония, Китай, арабские страны) большая часть информации передается невербально и считывается из контекста: важны иерархия, невербальные сигналы, общая история отношений. В низкоконтекстных (Германия, США, Скандинавия) информация выражена вербально прямо и однозначно. Как отмечает Холл, конфликты между культурами часто возникают именно из-за несовпадения ожиданий: представитель низкоконтекстной культуры воспринимает молчание как непонимание, а представитель высококонтекстной – как согласие [2, с. 89–92].

Наиболее цитируемой теорией в области межкультурной коммуникации является модель Г. Хофстеде (1980, переиздания 2010). На основе масштабного исследования сотрудников IBM в 50 странах он выделил пять измерений культуры: дистанция власти (восприятие неравенства); индивидуализм vs коллективизм (ориентация на личные или групповые цели); маскулинность vs феминность (ценность конкуренции vs качества жизни); избегание неопределенности (терпимость к двусмысленности); долгосрочная vs краткосрочная ориентация (планирование и традиции). Позже был добавлен шестой параметр – индульгенция vs сдержанность (удовлетворение желаний) [3, с. 98–112].

Критики (Б. Максуини, 2002) указывают, что исследование Хофстеде основано на данных одной корпорации и не учитывает внутрикультурное разнообразие. Тем не менее модель остается основным инструментом для кросс-культурного анализа.

Альтернативную модель предложил Ф. Тромпенаарс (1993), выделив семь измерений. Наиболее известны: универсализм vs партикуляризм (важнее правила или отношения); нейтральные vs эмоциональные культуры (скрывают

или открыто выражают эмоции); последовательные vs синхронные культуры (время линейно или циклично). Для русской культуры, как отмечает О. А. Леонтович, характерна комбинация коллективизма, высокой дистанции власти и партикуляризма [4, с. 67].

Значительный пласт литературы посвящен барьерам в межкультурной коммуникации. Ключевое понятие – культурный шок (К. Оберг, 1960), который описывает стадии: медовый месяц, кризис (фрустрация и враждебность), адаптация, принятие. В отечественной науке эта модель развита Т. Г. Стефаненко, которая показала, что глубина шока зависит от культурной дистанции [5]. Другие барьеры – стереотипы (упрощенные обобщения) и предрассудки (негативные установки). Е. В. Верещагин и В. Г. Костомаров ввели понятие «безэквивалентной лексики» – слов, не имеющих аналогов в другой культуре [6]. Ю. А. Сорокин и И. Ю. Марковина описали феномен «лакун» (национально-специфических элементов), которые могут как разрушать, так и обогащать коммуникацию [7].

Дискуссия о культурной идентичности в эпоху глобализации – один из центральных узлов. Пуристическая позиция представлена С. Хантингтоном («Столкновение цивилизаций», 1996), который утверждал, что глобализация не стирает, а обостряет культурные различия. В российской науке близкие взгляды высказывает В. П. Фурсова: экспансия западных культурных образцов (голливуд, фастфуд, английский язык) ведет к размыванию национальной идентичности [8]. Либерально-интеграционная позиция (У. Бек, Э. Гидденс) утверждает, что глобализация порождает гибридные идентичности. М. Н. Эпштейн пишет о формировании «транскультуры» – пространства, в котором человек свободно использует элементы разных культур [9].

В прикладных исследованиях межкультурной коммуникации выделяется несколько направлений. Н. М. Лебедева и Т. Г. Стефаненко изучали аккультурацию мигрантов и показали, что стратегия интеграции (сохранение своей культуры + принятие новой) психологически наиболее адаптивна [5, с. 140]. И. А. Стернин на материале деловых переговоров установил, что 60 % конфликтов между российскими и зарубежными партнерами обусловлены не экономическими, а коммуникативными причинами (разная дистанция власти, отношение ко времени) [10]. О. А. Леонтович в исследовании русско-американских коммуникаций выявила, что стереотип о «загадочной русской душе» является коммуникативным барьером, поскольку американцы интерпретируют эмоциональность русских как непрофессионализм [4, с. 112-115].

Центральное понятие прикладной части – межкультурная компетентность. М. Беннетт (1993) создал модель ее развития от этноцентризма к этнорелятивизму: отрицание – защита – минимизация (этноцентричные стадии); принятие – адаптация – интеграция (этнорелятивистские). В российской науке Т. Г. Грушевицкая и А. П. Садохин выделяют четыре компонента компетентности:

знания о культурах, мотивация, коммуникативные навыки и толерантность к неопределенности [11].

Проведенный обзор литературы показывает, что межкультурная коммуникация – оформившаяся междисциплинарная область с собственной классикой (Холл, Хофстеде), прикладными исследованиями и острыми дискуссиями. Основные достижения: разработаны типологии культур (высоко-/низкоконтекстные, культурные измерения), описаны барьеры и стадии адаптации, созданы модели формирования межкультурной компетентности. В то же время сохраняется дискуссия между пуристами и интеграционистами относительно того, является ли глобализация угрозой культурной идентичности или условием ее обогащения. С точки зрения сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей межкультурная коммуникация не предполагает отказа от своей идентичности, но требует отказа от этноцентризма. Перспективным представляется не изоляция от других культур, а развитие рефлексивной компетентности: умения понимать другую культуру, сохраняя свою. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются цифровая межкультурная коммуникация (общение в соцсетях, онлайн-команды), кросс-культурные исследования в бизнесе и образовании, а также экспериментальные работы по преодолению стереотипов.

Список литературы

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 264 с.
2. Hall E. T. Beyond Culture. New York : Anchor Books, 1976. 256 p.
3. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York : McGraw-Hill, 2010. 576 p.
4. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2005. 352 с.
5. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М. : Аспект Пресс, 2019. 368 с.
6. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М. : Индрик, 2005. 1040 с.
7. Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Текст как явление культуры. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1989. 197 с. ISBN 5-02-029125-0
8. Фурсова В. П. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы социальной теории. 2018. № 10. С. 88–101.
9. Эпштейн М. Н. Транскультура и идентичность в эпоху глобализации // Звезда. 2015. № 6. С. 212–220.
10. Стернин И. А. Коммуникативное поведение: структура и модели. Воронеж : Истоки, 2019. 240 с.
11. Грушевицкая Т. Г., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. М. : ЮНИТИ, 2020. 352 с.

УДК 316.774

СОВРЕМЕННАЯ ГАЗЕТА В ГОРОДСКОЙ МЕДИАСРЕДЕ

С. А. Матвеева
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
(г. Москва, Россия)

В представленном исследовании рассматриваются две газеты, функционирующие в разных медиасредах и ориентированные на различные аудитории.

Ключевые слова: *газета, региональная газета, медиасреда, медиапотребление, пресса, городские СМИ, региональные газеты.*

The presented study examines two newspapers operating in different media environments and targeting different audiences.

Keywords: *newspaper, regional newspaper, media environment, media consumption, press, city media, regional newspapers.*

Городская медиасреда – совокупность информационно-коммуникационных условий, каналов распространения контента и практик медиапотребления, сложившихся в пределах урбанизированной территории и обусловленных ее инфраструктурными, социально-демографическими и культурно-демографическими особенностями [3]. Сравнительный анализ городских СМИ позволяет выявить не только формальные различия между двумя изданиями, но и глубинные социальные, культурные и экономические факторы, формирующие облик современной российской прессы, особенно в контексте сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, что является актуальной темой для современной России [2].

Рассмотрим две газеты. Первая – «Метро. Москва» – бесплатное ежедневное издание, распространяемое в московском метрополитене и других общественных местах. Вторая – «Вперед» (Сергиев Посад) – платное районное издание с многолетней историей, выходящее несколько раз в неделю (табл.).

«Метро» представляет собой классический образец урбанистической бесплатной газеты. Она выходит ежедневно, кроме выходных, что соответствует ритму жизни мегаполиса. Основной акцент в ней делается на федеральные и мировые новости, городскую повестку, включающую транспорт, благоустройство, крупные городские события, культуру и технологии. Значительное место занимают материалы о развлечениях, кино, музыке, моде, технологических новинках и лайфстайле. Статьи, как правило, краткие и емкие, адаптированные для быстрого чтения в условиях транспорта, часто с использованием маркированных списков, врезок и инфографики.

Таблица

Сравнительная таблица городских газет

Критерии сравнения	«Метро» (г. Москва)	«Вперед» (г. Сергиев Посад)
1. Содержание и тематика	◊ Основной акцент на федеральных и мировых новостях, а также на городской повестке (транспорт, события, культура, технологии); ◊ много материалов о развлечениях, кино, музыке, моде, технологиях и лайфстайле; ◊ краткие, емкие статьи, адаптированные для быстрого чтения в транспорте	◊ Основное внимание уделяется местным новостям: события в городе, проблемы инфраструктуры, культурные мероприятия, история региона; ◊ больше материалов о жизни города, его жителях, местных инициативах и проблемах; ◊ часто публикуются материалы, связанные с духовной жизнью (Сергиев Посад – духовный центр России)
2. Целевая аудитория	◊ Рассчитана на жителей мегаполиса, преимущественно молодых и активных людей, которые ежедневно пользуются общественным транспортом; ◊ читатели – это чаще всего офисные работники, студенты, люди, интересующиеся актуальными новостями, культурой, технологиями и городской жизнью	◊ Ориентирована на жителей небольшого города и его окрестностей; ◊ аудитория – это люди разных возрастов, интересующиеся местными новостями, событиями, историей и проблемами региона
3. Стиль подачи информации	◊ Современный, динамичный стиль; ◊ используются короткие заголовки, инфографика, яркие иллюстрации; ◊ новости подаются в сжатом формате, чтобы читатель мог быстро ознакомиться с основными событиями	◊ Более традиционный стиль, близкий к классической газетной подаче; ◊ статьи часто более подробные, с акцентом на аналитику и исторический контекст; ◊ меньше визуальных эффектов, больше текста
4. Формат и периодичность	◊ Бесплатная газета, распространяемая в метро и других общественных местах; ◊ выходит ежедневно (кроме выходных); ◊ компактный формат, удобный для чтения в транспорте	◊ Платная газета, распространяемая по подписке и в розницу; ◊ выходит несколько раз в неделю (чаще 2–3 раза); ◊ более традиционный газетный формат (А3)
5. Реклама	◊ Много рекламы, ориентированной на молодую аудиторию: технологии, мода, развлечения, услуги; ◊ реклама занимает значительную часть газеты	◊ Реклама в основном местная: услуги, магазины, мероприятия; ◊ меньше рекламы, больше внимания редакционным материалам
6. Исторический контекст	◊ Современное издание, созданное для мегаполиса; ◊ ориентировано на актуальные тренды и быструю подачу информации	◊ Газета имеет долгую историю (издается с 1918 года); ◊ сохраняет традиции местной журналистики, уделяет внимание истории и культуре региона

Газета рассчитана на жителей мегаполиса, преимущественно молодых и активных людей, которые ежедневно пользуются общественным транспортом, офисных работников, студентов, всех, кто интересуется актуальными новостями, культурой и городской жизнью. «Метро» не требует подписки, ее можно взять бесплатно на входе в метро, что делает аудиторию максимально широкой и ситуативной.

Стиль издания можно охарактеризовать как современный, динамичный, клиповый: используются короткие заголовки, часто вопросительные или побудительные конструкции, широко применяется инфографика, яркие иллюстрации, цветные фотографии [4]. Новости подаются в сжатом формате. Заметка нередко укладывается в 500–800 знаков, чтобы читатель мог ознакомиться с основным содержанием за одну-две минуты поездки. Формат компактный, удобный для чтения в транспорте.

Реклама занимает значительную часть газеты, иногда до 40–50 % объема, и ориентирована на молодую и платежеспособную аудиторию: технологии, мода, развлечения, банковские услуги, онлайн-сервисы. Реклама яркая, часто с использованием промокодов и QR-кодов, что отражает трансформацию газетного рынка России в цифровую среду [5].

«Метро» – относительно молодое издание, российская версия запущена в конце 2000-х годов по глобальной франшизе. У газеты нет длительной локальной истории, ее идентичность строится вокруг актуальности, скорости, глобальности и удобства. Основная функция – информационно-развлекательная: помочь скоротать время в пути, быстро узнать главные новости, получить порцию развлечения в виде гороскопа, кроссворда или анекдота. Роль этого издания в формировании гражданской идентичности минимальна, зато оно эффективно интегрирует читателя в глобальный потребительский контекст [4].

Совершенно иную картину представляет газета «Вперед» из Сергиева Посада. Это издание сосредоточено на местной повестке: события в городе и районе, проблемы инфраструктуры (дороги, ЖКХ, благоустройство), культурные и образовательные мероприятия, исторические очерки. Читатели интересуются местными новостями, событиями, историей региона, проблемами муниципалитета.

Особого внимания заслуживает тот факт, что во «Вперед» часто публикуются материалы, связанные с духовной жизнью, – Сергиев Посад традиционно позиционируется как духовный центр России, где находится Троице-Сергиева лавра, что накладывает отпечаток на редакционную политику. Здесь можно встретить интервью с настоятелями монастырей, репортажи с религиозных праздников, публикации о реставрации храмов, материалы о православных традициях и их значении для воспитания молодежи.

Газета ориентирована на жителей небольшого города и его окрестностей, причем аудитория – это люди разных возрастов, но чаще всего старшее и среднее поколение, которое сохраняет привычку читать печатные издания. Газета

распространяется по подписке и в розницу, что формирует более лояльную и устойчивую аудиторию, по сравнению со случайным читателем метро.

Стиль в газете «Вперед» более традиционный, близкий к классической газетной подаче советской и постсоветской школы. Статьи часто более подробные, чем в «Метро» с акцентом на аналитику, контекст и исторические параллели. Заголовки номинативные или повествовательные. Визуальных эффектов меньше, больше текста. Такой стиль предполагает вдумчивое чтение дома или в тихом месте, а не в транспорте.

Периодичность – два-три раза в неделю, формат традиционный газетный А3. Бумага, как правило, более низкого качества, по сравнению с газетой «Метро», что связано с экономией на тираже.

Реклама в газете «Вперед» преимущественно местная: объявления магазинов, аптек, автосервисов, стоматологий, репетиторов, частные объявления о продаже или покупке недвижимости, бытовой техники, услуги нянь и сиделок. Рекламы по объему заметно меньше, чем в «Метро»: обычно 10–15 % газеты, и она менее агрессивна визуально. Это связано как с меньшим рекламным бюджетом местных компаний, так и с традиционным для районных газет приоритетом редакционного контента [1].

«Вперед» имеет долгую историю – газета издается с 1918 года, меняя названия, но сохраняя преемственность. За более чем вековую историю она прошла через разные эпохи: революцию, коллективизацию, Великую Отечественную войну, перестройку, постсоветский период. Это не просто газета, а часть культурного ландшафта Сергиева Посада. Многие местные жители помнят ее с детства, читают поколениями. Газета сохраняет традиции местной журналистики, уделяет внимание истории и культуре региона, публикует воспоминания ветеранов, краеведческие материалы. Эта историческая глубина создает особое доверие к изданию, которого лишена газета «Метро», воспринимаемая многими как «одноразовая».

«Вперед» выполняет интегративную и мобилизующую функции: она не только информирует о местных событиях, но и создает общее информационное поле для жителей района. В ней обсуждаются локальные проблемы, публикуются письма читателей и ответы чиновников. Тем самым газета способствует формированию локальной идентичности и гражданской активности на местах. Кроме того, благодаря вниманию к духовной тематике, «Вперед» участвует в сохранении и укреплении традиционных ценностей, что особенно важно для такого города, как Сергиев Посад. В этом смысле газета напрямую созвучна теме конференции «Сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества в условиях современных глобальных вызовов», поскольку на практике демонстрирует, как региональное СМИ может «работать» на формирование патриотизма, уважения к истории и традициям [2].

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что «Метро» и «Вперед» представляют собой два разных типа печатных СМИ, существующих

практически в параллельных мирах. Первый – массовое урбанистическое информационно-развлекательное издание, продукт глобальной медиакультуры и рыночной экономики, ориентированное на скорость, развлечение и потребление. Второй – традиционная региональная общественно-политическая газета с глубокой локальной идентичностью, исторической памятью и социальной ответственностью, ориентированная на сохранение культуры, духовности и местного сообщества. Их сравнение наглядно иллюстрирует расслоение современного медиаландшафта России, где сосуществуют форматы, ориентированные на разные социальные группы, темп жизни и ценностные установки [5]. Особенно значимым представляется тот факт, что региональная газета, в отличие от столичной, сохраняет и транслирует традиционные духовно-нравственные ценности, выступая важным инструментом патриотического воспитания и укрепления межнационального и межрелигиозного согласия на местном уровне.

Список литературы

1. Ахмадулин Е. В. Региональные СМИ России: тенденции и перспективы развития // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2019. № 4. С. 112–119.

2. Зайцева А. А. Духовно-нравственное воспитание в региональных СМИ: опыт и проблемы // Православие и медиа. 2020. № 2. С. 34–48.

3. Ишмакова Л. Р., Раузеев И. З. Медийное городское пространство в современном обществе // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8, № 2А. С. 228–234.

4. Петрова А. А. Бесплатные ежедневные газеты как феномен современного мегаполиса (на примере издания «Metro») // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 3. С. 67–82.

5. Шкондин М. В. Трансформация газетного рынка России в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 6. С. 3–21.

УДК 81’271

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ИНТЕРНЕТЕ И ЖИЗНИ

К. Д. Мыка, Н. А. Ковалева

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (г. Макеевка, Россия)

Работа посвящена рассмотрению ключевых различий между речевым этикетом в реальном мире и цифровом пространстве. Особое внимание уделяется феномену снижения самоконтроля в сети, роли визуальных символов (эмодзи) и знаков препинания, а также значению диалога между представителями разных поколений и культур в сетевом общении.

Ключевые слова: *речевой этикет, сетевой этикет (нетикет), цифровая коммуникация, офлайн-общение, цифровая вежливость, прагмалингвистика, сетевая культура, эмодзи, иерархия общения.*

The paper examines the key differences between speech etiquette in the real world and in the digital space. Special attention is paid to the phenomenon of decreased self-control

online, the role of visual symbols (emojis) and punctuation marks, as well as the importance of dialogue between representatives of different generations and cultures in online communication.

Keywords: *speech etiquette, network etiquette, digital communication, offline communication, digital politeness, pragmalinguistics, network culture, emojis, hierarchy of communication.*

Традиционные нормы вежливости формировались и передавались от поколения к поколению с помощью устной и письменной речи, но при этом не была учтена специфика онлайн-взаимодействия, асинхронность, отсутствовали невербальные сигналы, индикаторы прочтения. Это создает коммуникативные трудности и конфликты между поколениями. В условиях тотальной цифровизации каждый человек постоянно переключается между устным общением, мессенджерами и видеозвонками. Отсутствие четкого понимания различий между этикетными системами ведет к недопониманию, снижению эффективности коммуникации и росту конфликтности. Выявление и устранение этих различий необходимо для успешной адаптации к современной среде общения.

Цель статьи – проведение комплексного сопоставительного анализа речевого этикета в онлайн-среде и условиях реального общения с последующим выявлением существенных расхождений.

Основополагающие изменения в нормах речевого этикета объясняются переходом основного вектора взаимодействия из реального мира в цифровое пространство. Традиционные нормы вежливости, которые формировались на протяжении веков и подвергались лишь незначительным корректировкам, претерпели радикальные изменения с появлением интернета. Современный человек вынужден гибко менять и подбирать соответствующие подходы к общению, демонстрируя корпоративный протокол при взаимодействии с руководством, более демократичные стандарты в рабочих чатах и раскрепощенные формы в переписке с друзьями [3, с. 334].

Существенная разница проявляется во временном аспекте. В реальных диалогах временные рамки строго ограничены присутствием участников. Пауза, превышающая несколько секунд, вызывает неловкость, а более продолжительное молчание может быть истолковано как скрытая неприязнь. Устный этикет требует оперативной реакции, скорость ответа – знак уважения. В онлайн-пространстве ситуация иная: допустимая задержка может составлять от двух минут до нескольких дней. В асинхронных форматах, таких как электронная почта, форумы или комментарии, отсутствие немедленного отклика не считается грубостью, тогда как быстрый ответ в нерабочее время может быть воспринят как вторжение в личное пространство [3, с. 338]. Появление индикаторов прочтения выдвинуло новую дилемму: если получатель прочитал сообщение, но не отвечает, это трактуется как сознательное игнорирование. В WhatsApp двойная синяя галочка почти обязывает к ответу, в Telegram ее можно отключить, снимая этикетное давление [3, с. 340].

Еще одно значимое отличие связано с невербальной коммуникацией. В живом общении 65–70 % информации передается через интонацию, мимику и жесты [4, с. 45]. Речевой этикет в реальном мире немыслим без улыбки

при приветствии или соответствующей интонации при благодарности. В текстовых каналах интернета этот арсенал отсутствует, что привело к появлению компенсирующих механизмов. Эмодзи и стикеры имитируют интонацию: около 80 % молодых людей до 30 лет считают отсутствие смайликов в личной переписке признаком плохого настроения, усталости или нежелания вступать в диалог [4, с. 47]. Хотя в деловой переписке эмодзи долгое время считались недопустимыми, сегодня их использование для коррекции тона становится нормой [4, с. 47]. Пунктуация и регистр также важны: использование заглавных букв (КАПС) воспринимается как крик и является грубейшим нарушением нетикета. Отсутствие точки в конце сообщения в мессенджерах стало нормой, тогда как ее наличие – знаком официальности или скрытого раздражения. Прослеживаются межпоколенческие расхождения: люди старше 40–45 лет часто ставят точку по привычке, тогда как молодые пользователи воспринимают ее как сигнал гнева [2, с. 78]. Краткие реплики («ага», «ок») часто интерпретируются как нежелание поддерживать диалог [3, с. 342].

Следующее отличие связано с иерархией. В живом общении этикет строго определяется социальной лестницей: к старшему по возрасту или должности обращаются на «Вы», приветствуют первым. Нарушение этой вертикали воспринимается как фамильярность. В интернете иерархия существенно размывается, или, как отмечают исследователи, «сжимается» [3, с. 335]. Этому способствует отсутствие физического присутствия и формальное равенство участников чатов. Это порождает парадоксы: начальник, отправляющий подчиненному «Привет, скинь отчет», может быть воспринят как панибратствующий, а подчиненный с обращением «Уважаемый Иван Петрович!» в неформальном чате – как саркастичный [3, с. 337]. Сетевой этикет выработал компромиссы: в деловой электронной переписке иерархия сохраняется в упрощенном виде («Добрый день»), в рабочих чатах допустимо обращение по имени, а в публичных комментариях иерархия почти полностью ликвидируется.

Отличие, касающееся отношения к ошибкам

В устной речи оговорки быстро забываются, в письменной интернет-коммуникации – бросаются в глаза и сохраняются надолго [3, с. 344]. В деловой переписке грамотность – показатель профессионализма и уважения к адресату [3, с. 345]. В неформальных чатах высокая терпимость, намеренное искажение слов – стилистический прием. Появился новый тип ошибок – технический (случайная отправка, автозамена), и этикет предписывает их коррекцию [3, с. 346].

Различие, затрагивающее конфликты

В реальном непосредственном общении невербальная обратная связь позволяет смягчить тональность. Физическая близость сдерживает и подавляет агрессию. В интернете действует феномен «онлайн-растормаживания»: люди пишут то, что не сказали бы лично. Это провоцирует повышенную конфликтность: незначительное расхождение во мнениях моментально перерастает в «холивар» – бессмысленный и эмоционально насыщенный спор

с оскорблениями [2, с. 82]. Участники не видят лиц оппонентов, не ощущают их эмоционального состояния, что снижает уровень эмпатии. Если оскорбление было совершено публично, то и извинение должно быть публичным [2, с. 84]. В анонимных средах сформировались свои кодексы поведения, нарушителей изолирует само сообщество [2, с. 86].

Наконец, существенное различие касается личного пространства. В реальном мире вторжение регулируется проксемикой. Незнакомый человек без веских оснований не подойдет и не начнет диалог на улице. В интернете отправить сообщение незнакомому человеку интуитивно просто, и само по себе это не считается невежливостью. Особым случаем является видеозвонок без предупреждения, его воспринимают как грубость, аналог вторжения в дом без стука [3, с. 348]. Длинные голосовые сообщения (более минуты) считаются невежливыми, поскольку адресат не может оперативно ознакомиться с содержанием и вынужден слушать [3, с. 349]. Анонимность порождает парадокс: она требует более строгого соблюдения этикета, так как слова становятся единственным инструментом коммуникации [4, с. 50].

Таким образом, речевой этикет онлайн и офлайн различается по временным, невербальным, иерархическим параметрам и отношению к ошибкам [3, с. 348; 4, с. 51; 2, с. 87]. Интернет-этикет включает в себя традиционный и образует с ним параллельно существующую систему. Современный человек должен владеть всеми существующими этикетными системами [1, с. 288]. Перспективы развития дальнейших исследований связаны с формированием «цифровых аборигенов», которые воздействуют на трансформацию офлайн-этикета под влиянием сетевых привычек, формируют необходимые межкультурные нормы в глобальном общении. Очевидны межкультурные расхождения: в японской цифровой культуре приоритетны корректные эмодзи – извинения и развернутые вежливые фразы; в американской деловой переписке высоко ценится краткость и скорость ответа в пределах нескольких минут; в североевропейских странах допустима более длительная отсрочка ответа. Эти различия становятся все более значимым фактором успеха или неудачи в рамках международных проектов, и их изучение – задача ближайшего будущего для прагмалингвистики и теории коммуникации.

Список литературы

1. Волкова И. И., Лазутова Н. М. Этическое и игровое в установках коммуникаторов разных поколений // Вестник Российского университета дружбы народов. 2013. № 11-1. С. 285–290.

2. Елагин Г. Б., Микиртумов И. Б. Споры в Интернете: поколения X, Y и Z // Дискурс. 2020. Т. 6, № 6.

3. Ефремов В. А., Лукинова О. В. Этикет русской электронной деловой переписки: влияние интернет-коммуникации // Русистика. 2024. Т. 22, № 3. С. 333–349.

4. Турко У. И. Смайлик, эмотикон и эмодзи как невербальные средства общения в интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 9.

УДК 811.161.1'276

ЖАРГОНИЗМЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СЛЕНГ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Петров, Ж. С. Свиренко
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (г. Макеевка, Россия)

В статье рассматривается место жаргонизмов и профессионального сленга в современной русской языковой системе. Анализируются причины их активного проникновения в публичную речь, развлекательную и профессиональную коммуникацию. Описываются функции сленга, его границы с литературным языком, а также возможные риски, связанные с неконтролируемым использованием жаргонной лексики. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к сленгу в образовательной и профессиональной среде.

Ключевые слова: *жаргонизмы, профессиональный сленг, русский язык, языковая норма, коммуникативная среда, профессиональная идентичность.*

The article examines the place of jargon and professional slang in the modern Russian language system. The reasons for their active penetration into public speech, entertainment and professional communication are analyzed. The functions of slang, its boundaries with the literary language, as well as possible risks associated with the uncontrolled use of jargon vocabulary are described. The necessity of a differentiated approach to slang in educational and professional environments is substantiated.

Keywords: *jargonisms, professional slang, Russian language, language norm, communicative environment, professional identity.*

В современной лингвистической парадигме русский язык предстает как живая, динамично развивающаяся система, в которой наряду с кодифицированной литературной нормой активно функционируют субстандартные образования. Среди них особое место занимают жаргонизмы и профессиональный сленг – лексические пласты, обслуживающие неформальное общение и специфические профессиональные сообщества. В условиях ускорения информационного обмена, цифровизации и демократизации публичной сферы данные явления приобрели масштаб, требующий научного осмысления. Цель данной работы – выявить функциональные особенности жаргонизмов и профессионального сленга в современном русском языке, определить границы их допустимости в различных коммуникативных ситуациях и предложить направления для формирования языковой компетенции носителей.

Понятия «жаргон» и «сленг» нередко используются как синонимичные, однако в отечественной лингвистике между ними проводится различие. Под жаргоном традиционно понимают социальную разновидность речи, используемую в общении относительно устойчивой группой людей, объединенной общностью интересов, профессии, возраста или социального положения. Сленг же часто трактуется как более эмоционально окрашенный, стилистически сниженный лексический слой, тяготеющий к молодежной и неформальной

коммуникации. Как отмечает В. С. Елистратов, «жаргон маркирует принадлежность к группе, сленг – к актуальной языковой моде» [3, с. 56]. Профессиональный сленг, в свою очередь, представляет собой неофициальные наименования специальных понятий, предметов и процессов, существующие параллельно с терминологической системой.

Процесс проникновения жаргонизмов и сленга в повседневную речь не является новым для русского языка. Еще в XIX веке арготизмы и профессиональные выражения активно использовались в литературе для речевой характеристики персонажей. Однако в последние десятилетия наблюдается качественный сдвиг: сленг перестал быть маркером исключительно маргинальных или замкнутых групп. Он стал элементом массовой культуры, рекламы, медиа и даже политического дискурса. Причины этого явления многообразны. Исследователи выделяют среди них: стремление к языковой игре и выразительности, экономию речевых усилий, желание продемонстрировать принадлежность к актуальному культурному слою, а также общее снижение контроля за соблюдением языковых норм в публичном пространстве [4, с. 112–113].

Особого внимания заслуживает профессиональный сленг. В каждой сфере деятельности – от IT и медицины до строительства и юриспруденции – формируется свой пласт неформальной лексики. Например, у программистов встречаются «клава» (клавиатура), «винт» (жесткий диск), «баг» (ошибка в коде); у врачей – «капельница», «воздушка» (воздушная эмболия), «микроскоп» (микроскопическое исследование); у строителей – «растворник» (бетономешалка), «стеклопакетник» (специалист по установке стеклопакетов). Профессиональный сленг выполняет важную компенсаторную функцию: он позволяет специалистам быстро обмениваться информацией в неформальной обстановке, снижает психологическую дистанцию между коллегами, способствует формированию профессиональной идентичности. Как подчеркивает Л. А. Кудрявцева, «профессиональный сленг является не столько нарушением нормы, сколько естественной реакцией языка на потребность в лаконичности и экспрессивности внутри корпоративной коммуникации» [6, с. 89].

Однако за пределами профессиональных сообществ сленг может создавать коммуникативные барьеры. Злоупотребление узкопрофессиональными жаргонизмами в речи, обращенной к неспециалистам, ведет к непониманию, исключению адресата из коммуникации и, как следствие, снижению эффективности общения. Особую озабоченность вызывает проникновение криминального жаргона («беспредел», «разборка», «мочить») в молодежную среду и медиапространство. Данная лексика несет деструктивные смысловые и ценностные нагрузки, нормализует насилие и противоправное поведение.

Значимым каналом распространения жаргонизмов выступает интернет-среда. Социальные сети, мессенджеры, форумы и видеохостинги стали площадкой, где сленг возникает, трансформируется и распространяется с небывалой скоростью. Молодежный жаргон («кринж», «вайб», «рофл», «хейтить», «шеймить») активно пополняется заимствованиями из английского

языка, что вызывает дискуссии о сохранении чистоты русской языковой нормы. С одной стороны, подобные лексические единицы выполняют игровую и эмоционально-разгрузочную функции. С другой – их избыточное использование может приводить к обеднению активного словаря, неспособности носителя выразить сложную мысль литературными средствами.

Исследователи фиксируют тревожную тенденцию: у значительной части молодых людей формируется «клиповое» сленговое мышление, при котором жаргонизмы воспринимаются как единственно естественная форма коммуникации. Вследствие этого снижается владение стилистическими ресурсами литературного языка, возникают трудности при написании официальных документов, научных работ, деловых писем. По данным опросов, около 60 % школьников и студентов признаются, что в неформальной переписке используют сленг чаще, чем литературную лексику, причем около трети из них испытывают затруднения при необходимости «переключиться» на нормативную речь [9, с. 145].

Не менее важной проблемой является размывание границ между допустимым и недопустимым использованием жаргонизмов в публичных выступлениях, средствах массовой информации и образовательной среде. В речи ведущих теле- и радиопередач, блогеров, журналистов нередко слышится сленг – для «приближения» к аудитории, создания эффекта доверительности. Однако чрезмерное увлечение подобной стилистикой ведет к депрофессионализации речи и формированию у аудитории ложного представления о том, что жаргон является полноценной заменой литературному языку. Как отмечает Е. Н. Ширяев, «проблема не в самом существовании сленга, а в утрате языкового чутья, когда говорящий перестает различать, где уместно жаргонное слово, а где оно звучит как признак необразованности» [12, с. 203].

В образовательной практике назрела необходимость выработки сбалансированного подхода к преподаванию русского языка. Нельзя игнорировать реальное существование жаргонизмов и профессионального сленга, поскольку они являются частью живой речевой стихии. Однако школа и вуз призваны формировать у учащихся навыки стилистической дифференциации, умение выбирать регистр речи в зависимости от ситуации общения. Целесообразно включение в учебные программы разделов, посвященных анализу субстандартной лексики, ее функциям и границам допустимости. Это позволит не только повысить общую языковую культуру, но и воспитать уважительное отношение к литературному языку как высшей форме национального языка.

Важным направлением является также лексикографическая фиксация наиболее устойчивых жаргонизмов и профессиональных сленгизмов. Толковые словари нового типа, такие как словари компьютерного, молодежного, профессионального сленга, выполняют не только описательную, но и нормативную функцию: они помогают носителю языка сориентироваться в актуальном лексическом материале, понять границы его употребления. Как справедливо замечает В. В. Химик, «сленг не должен оставаться вне поле зрения

лингвистов – его систематизация и описание являются необходимым условием для выработки научно обоснованной языковой политики» [11, с. 67].

Следует различать позитивные и деструктивные проявления жаргонизации речи. К позитивным можно отнести: развитие языковой креативности, появление новых выразительных средств, адаптацию языка к быстро меняющимся реалиям (особенно в сфере технологий). К деструктивным – вытеснение литературных средств, засорение речи неоправданными заимствованиями, проникновение криминальной и обсценной лексики в публичное пространство, снижение общей речевой культуры. Задача современной лингвистики и языкового образования – способствовать укреплению первой тенденции и противодействовать второй.

Профессиональный сленг, в отличие от социального жаргона, имеет выраженную прагматическую ценность. В ряде профессий (летчики, железнодорожники, моряки, военные, IT-специалисты) сленг является не просто украшением речи, но и средством ускорения профессиональной коммуникации в нестандартных ситуациях. Однако даже здесь необходимо соблюдать меру: в официальной документации, при переговорах с заказчиками или в публичных выступлениях сленговые номинации должны уступать место терминологически точным обозначениям. Формирование у специалиста «языкового чутья» на границе термина и сленга – важная составляющая профессиональной компетенции.

Таким образом, жаргонизмы и профессиональный сленг в современном русском языке представляют собой сложное и неоднородное явление. Их активное бытование отражает естественные процессы языкового развития, но одновременно ставит перед обществом и системой образования задачу сохранения функционально-стилистического равновесия. Невозможно и не нужно полностью изгонять сленг из неформальной речи, однако необходимо воспитывать у носителей языка понимание того, где, когда и с какой целью допустимо его использование. Только при этом условии русский язык сохранит свое богатство, выразительность и способность обслуживать все сферы общественной жизни – от бытовой до научной и государственной.

Список литературы

1. Березович Е. Л. Русский язык в социокультурном измерении. М. : Азбуковник, 2020. 352 с.

2. Гловинская М. Я. Активные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 33–48.

3. Елистратов В. С. Арго и сленг в культуре русской речи. М. : Форум, 2019. 240 с.

4. Захарченко Е. Н. Молодежный жаргон как отражение языковой моды // Социолингвистика сегодня. 2022. № 1. С. 108–118.

5. Кожевников А. Ю. Компьютерный сленг: структура и динамика. СПб. : Наука, 2021. 196 с.

6. Кудрявцева Л. А. Профессиональная языковая личность: термины и сленг // Вопросы профессиональной коммуникации. 2020. № 3. С. 85–94.

7. Левина И. А. Сленг в системе современного русского языка // Филологические науки. 2023. № 5. С. 67–74.

8. Никитина Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга. М. : АСТ-Пресс, 2022. 736 с.
9. Осипова Е. В. Языковая компетенция современной молодежи: сленг и норма // Педагогика и психология образования. 2021. № 4. С. 140–151.
10. Стернин И. А. Актуальные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века. Воронеж : Истоки, 2020. 208 с.
11. Химик В. В. Сленг в лексической системе языка // Слово и словарь. 2019. № 2. С. 60–69.
12. Ширяев Е. Н. Культура речи и проблема жаргонизации публичного дискурса // Язык и общество. 2022. № 3. С. 198–208.

УДК 81:323.28

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПАНСИИ

М. А. Петров, Ж. С. Свиренко (научный руководитель)
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (г. Макеевка, Россия)

В статье рассматривается понятие лингвистической безопасности как одной из ключевых составляющих национальной безопасности в условиях глобализации и усиления языковой экспансии. На материале современных языковых процессов анализируются механизмы языкового влияния, формы скрытой и открытой экспансии, а также способы защиты языкового пространства. Обосновывается необходимость государственной языковой политики, направленной на сохранение и развитие русского языка как основы культурного суверенитета.

Ключевые слова: *лингвистическая безопасность, языковая экспансия, русский язык, языковая политика, культурный суверенитет, языковая идентичность.*

The article examines the concept of linguistic security as one of the key components of national security in the context of globalization and intensifying language expansion. Based on contemporary linguistic processes, the mechanisms of linguistic influence, forms of covert and overt expansion, as well as methods of protecting the linguistic space are analyzed. The necessity of state language policy aimed at preserving and developing the Russian language as the foundation of cultural sovereignty is substantiated.

Keywords: *linguistic security, language expansion, Russian language, language policy, cultural sovereignty, language identity.*

В условиях современной геополитической напряженности вопросы сохранения национальной идентичности приобретают особую остроту. Одним из ключевых факторов, определяющих культурный суверенитет государства, является язык. Лингвистическая безопасность, понимаемая как состояние защищенности языкового пространства от внешних и внутренних угроз, становится неотъемлемой составляющей национальной безопасности. Цель данной работы – выявить основные угрозы языковой безопасности в контексте языковой экспансии и предложить направления их нейтрализации.

Понятие лингвистической безопасности сравнительно недавно вошло в научный оборот, однако его значимость быстро растет. В отечественной

науке его рассматривают как «состояние языковой среды, при котором обеспечивается устойчивое функционирование государственного языка, сохраняется языковое разнообразие и предотвращаются попытки деструктивного внешнего воздействия на языковое сознание граждан» [8, с. 45]. В зарубежной традиции чаще говорят о «языковых правах» и «языковом планировании», однако сущность явления остается схожей: язык – это ресурс, нуждающийся в защите.

Языковая экспансия представляет собой процесс распространения одного языка за счет сужения сфер использования других. В современном мире наиболее ярким примером является экспансия английского, которая, по мнению исследователей, «приобрела черты глобальной языковой гегемонии, поддерживаемой технологическими, экономическими и культурными механизмами» [3, с. 112]. Однако языковая экспансия может осуществляться и на региональном уровне, когда доминирующий язык соседнего государства постепенно вытесняет местные из образовательной, культурной и информационной сфер.

Особую тревогу вызывает использование языка как инструмента «мягкой силы». Целенаправленное продвижение иностранного языка через образовательные программы, культурные центры, медиапродукцию и интернет-платформы может приводить к постепенной смене языковых предпочтений населения. Как отмечает В. А. Тишков, «в условиях глобализации языковая экспансия часто маскируется под политику мультикультурализма, однако ее реальным результатом становится ослабление позиций национальных языков» [10, с. 78].

Важнейшим каналом рассматриваемого явления выступает информационно-коммуникационная среда. Доминирование англоязычного контента в интернете, социальных сетях, научной периодике и развлекательной индустрии создает эффект «языкового давления». По данным ряда исследований, более 80 % мирового интернет-контента создается на английском языке, что ставит пользователей других языков в позицию «языковых потребителей» [5, с. 203]. В этих условиях снижается престиж национальных языков, особенно среди молодежи, что ведет к языковому сдвигу.

Не менее опасной формой языковой экспансии является внедрение иноязычных терминов и конструкций в сферы, традиционно обслуживаемых национальным языком. Речь идет не о естественном процессе заимствования, который присущ любому развивающемуся языку, а об агрессивной терминологической интервенции, когда иноязычные слова искусственно вытесняют существующие соответствия. Л. П. Крысин подчеркивает: «Проблема возникает тогда, когда заимствование становится не необходимостью, а данью моде или следствием языкового давления извне» [6, с. 67].

Угрозы лингвистической безопасности имеют не только внешнее, но и внутреннее измерение. К внутренним факторам относятся: снижение качества языкового образования, размывание языковых норм в медиа, пренебрежение

языковыми традициями, отсутствие последовательной языковой политики. Исследователи отмечают, что «в постсоветский период во многих странах бывшего СССР наблюдалась тенденция к сужению сфер функционирования русского языка при одновременном расширении использования английского и региональных языков» [2, с. 156].

Противодействие языковой экспансии требует выработки комплексной стратегии лингвистической безопасности. Основными направлениями такой стратегии выступают: законодательное закрепление статуса государственного языка и защита его функционирования во всех сферах общественной жизни; поддержка системы языкового образования, включая подготовку преподавателей русского языка как иностранного; развитие научного и культурного контента на русском языке; стимулирование интереса к русской культуре и литературе как внутри страны, так и за ее пределами.

Особое место в системе защиты лингвистической безопасности занимает образовательная политика. Как показывает опыт последних десятилетий, именно в сфере образования наиболее активно реализуются механизмы языкового влияния. Введение иностранных образовательных стандартов, расширение программ академической мобильности без учета языковых интересов принимающей стороны, сокращение часов на изучение государственного языка – все это ведет к ослаблению языковой базы. По мнению Е. В. Ухановой, «языковое образование должно строиться на принципе приоритета национального языка как основы профессиональной и общекультурной компетенции» [11, с. 134].

Важным аспектом лингвистической безопасности является защита информационного пространства. В условиях цифровизации ключевое значение приобретает развитие русскоязычного сегмента интернета, создание качественного контента, формирование алгоритмов, способствующих распространению русского языка. Необходима также системная работа по противодействию языковой дискриминации в цифровой среде, когда пользователи национальных языков сталкиваются с техническими ограничениями или содержательной маргинализацией.

Лингвистическая безопасность тесно связана с сохранением культурной идентичности. Язык выступает не просто средством коммуникации, но и формой хранения и трансляции культурного опыта. Утрата языка ведет к разрыву межпоколенной связи, деградации культурной памяти. Именно поэтому защита языка должна рассматриваться как защита культурного суверенитета. Как справедливо отмечает Б. А. Успенский, «язык является важнейшим маркером культурных границ, и его ослабление неизбежно ведет к размыванию культурной общности» [12, с. 89].

В условиях языковой экспансии особую значимость приобретает развитие лингвистической экологии – системы мер, направленных на сохранение языкового разнообразия и поддержку языков, находящихся под угрозой. В этом контексте русский язык выступает не только как объект защиты,

но и как ресурс, поддерживающий языковые и культурные традиции народов Российской Федерации и соотечественников за рубежом. Поддержка русского языка за пределами страны является одним из приоритетов внешней культурной политики.

Таким образом, лингвистическая безопасность в условиях языковой экспансии представляет собой комплексную проблему, требующую скоординированных усилий государства, институтов гражданского общества, системы образования и науки. Защита языкового пространства невозможна без четкой языковой политики, опирающейся на понимание языка как базовой ценности и фактора национальной безопасности. Только при таких условиях возможно сохранение культурного суверенитета и обеспечение устойчивого развития общества в эпоху глобализации.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта, 2022. 288 с.

2. Виноградов В. А. Языковая политика в современном мире // Социолингвистика. 2021. № 4. С. 150–165.

3. Григорьева Т. В. Глобальный английский и языковая идентичность // Вопросы филологии. 2020. № 3. С. 110–118.

4. Зализняк А. А. Языковая картина мира и проблемы языковой безопасности // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 2. С. 3–12.

5. Карасик В. И. Языковая экспансия как лингвокультурный феномен // Актуальные проблемы филологии. 2023. № 1. С. 200–210.

6. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М. : Языки славянской культуры, 2018. 208 с.

7. Назаренко А. В. Язык и национальная безопасность. СПб. : Наука, 2021. 312 с.

8. Петрова Н. Е. Лингвистическая безопасность: понятие, структура, угрозы // Политическая лингвистика. 2022. № 2. С. 42–51.

9. Сидорова И. В. Цифровая среда и языковая экспансия // Медиалингвистика. 2023. № 1. С. 55–64.

10. Тишков В. А. Языковая политика как фактор национальной безопасности // Этнографическое обозрение. 2020. № 5. С. 72–86.

11. Уханова Е. В. Русский язык в поликультурном мире. М. : Музей книги Российской государственной библиотеки, 2021. 256 с.

12. Успенский Б. А. Культурные границы и языковая идентичность // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 85–97.

УДК 821.161.1

ЯЗЫК КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В РАССКАЗЕ И. С. ШМЕЛЕВА «РОЖДЕСТВО В МОСКВЕ»

О. Г. Талалаева, А. В. Лазарева
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
(г. Тамбов, Россия)

Рассматривается язык как способ сохранения национальной памяти в рассказе И. С. Шмелева «Рождество в Москве». Отмечается, что для писателя-эмигранта язык – главный инструмент воссоздания утраченной России. Через старые названия, просторечия и живую разговорную интонацию автор возвращает читателю атмосферу старой Москвы, ее быт и веру. Язык становится ментальным пространством, преодолевающим забвение.

Ключевые слова: *И. С. Шмелев, «Рождество в Москве», язык, национальная память, эмиграция.*

The article examines language as a way of preserving national memory in I. S. Shmelev's story «Christmas in Moscow». It is noted that for the émigré writer language becomes the main tool for recreating the lost Russia. Through old names, colloquialisms and lively conversational intonation, the author brings back to the reader the atmosphere of old Moscow, its everyday life and faith. Language becomes a mental space that overcomes oblivion.

Keywords: *I. S. Shmelev, «Christmas in Moscow», language, national memory, emigration.*

Эмиграция для русского писателя первой половины XX века – это не только географический разрыв с родиной, но и глубокая духовная травма, которую невозможно залечить до конца. Оказавшись вдали от России, Иван Сергеевич Шмелев не просто тоскует по утраченному – он пытается по памяти воссоздать и сохранить ее в слове. Как отмечает исследователь Ж. Е. Левина, для Шмелева эмиграция стала трагическим разрывом с прошлым, и в своем творчестве он стремился запечатлеть самое дорогое, связанное с его «страной детства» [2, с. 260].

Поэтому единственным способом удержать исчезающую реальность становится язык. Он выступает не только как средство общения, но и как ментальное пространство, хранящее в себе звуки, запахи, краски и голоса навсегда ушедшей эпохи. И. С. Шмелев не описывает прошлое отстраненно – он возвращает его читателю через точные слова, старые названия, интонации живого разговора. В этом заключается его особый дар: не ностальгически страдать о потерянном, а заново сотворить его на страницах своих произведений, сделать зримым, осязаемым, слышимым.

Философ-эмигрант И. А. Ильин в одной из своих лекций говорил: «Чтобы почувствовать и узнать Россию, необходимо обратиться к русской литературе» [1, с. 78]. Рассказ «Рождество в Москве» (1942–1945), точно и пронзительно подтверждающий эти слова, Иван Сергеевич посвятил именно Ильину и его жене. В произведении перед читателем предстает старая, дореволюционная Москва: еще стоит Храм Христа Спасителя, люди искренне верят в Бога, а Рождество остается подлинным праздником – с обильной едой, шумными торгами, забавными игрушками и торжественным колокольным

звоном. Шмелев фиксирует этот мир в мельчайших подробностях, записывая не только события, но и сами слова, названия, старые фразы, интонации. Он не может физически вернуться в Россию, но способен воскресить ее в своих текстах. Через язык писатель сохраняет память об исчезнувшем и передает ее читателям, чтобы они ощутили атмосферу старого Рождества.

Сам рассказчик в начале оговаривает свою позицию: «К тому говорю, чтобы не подумалось кому, будто я по пристрастию так расписываю, как мы в прежней нашей России жили, а именно в теплой, укладливой Москве. Москва, – что такое Москва? Нашему всему пример и корень» [5, с. 235]. Эта оговорка важна: перед нами не ностальгическая идеализация, а попытка честной фиксации ушедшего уклада. И в этом стремлении к точности, детальному воспроизведению быта скрывается глубокий смысл. Как справедливо замечает исследователь И. С. Леонов, «бытовое, повседневное, становится неотъемлемой частью подготовки встречи личности со своим Создателем» [3, с. 194]. Действительно, у И. С. Шмелева именно через быт – перечисление продуктов, описание торгов, названия икры и сортов сыра – проступает священная основа праздника. Традиция живет не только в храме, но и в «гусиных поездах», «дешевке» и «наварце», «копчушках» и «царском масле». Писатель сознательно погружает читателя в стихию повседневности, чтобы через нее вывести к главному – ощущению Рождества как события, объединяющего земное и небесное.

В рассказе множество лексических единиц, которые сегодня вышли из активного употребления. Они служат живыми приметами ушедшей эпохи. Иван Сергеевич использует, например, выражение «гусиные поезда» – так называли составы с живыми гусями, которых везли к празднику. Писатель восклицает: «Только заговелись в Филипповки, 14 ноября, к рождественскому посту, а уж по товарным станциям, особенно в Рогожской, гуси и день и ночь гогочут, – "гусиные поезда", в Германию <…> Не поверите, – сотни поездов!» [5, с. 235].

В этих деталях скрыто нечто большее, чем простое перечисление. Автор передает через них размах предрождественской подготовки, ту особую, деловую суету, которая сама воспринималась как неотъемлемая часть надвигающегося торжества. Возьмем, к примеру, названия икры: «троицкая», «мегленочная», «плюсная», «салфеточная». Для людей дореволюционной поры это были обычные, каждодневные слова, понятные любому покупателю. Сегодня же они воспринимаются как своеобразные артефакты, за которыми стоит целый пласт исчезнувшей культуры. И. С. Шмелев намеренно вводит эти подробности в повествование, чтобы зафиксировать ускользающую реальность: «Икра катилась: "салфеточно-оберточная", "троечная", кто понимает, "мешочная", "первого отгреба", пролитая тузлуком, "чуть-малосоль", и паюсная, – десятки ее сортов» [5, с. 237]. Обратим внимание на другие детали – «царское масло» или знаменитый сыр «одна ноздря», который делали на верещагинских сыроварнях. Шмелев пишет об этом с особым смаком: «Катил жерновами мягкий и сладковатый, жирный, остро-душистый

"русско-швейцарский" сыр, верещагинских знаменитых сыроварен, "одна ноздря"» [5, с. 236]. Читатель оказывается не просто сторонним наблюдателем, который получает информацию о том, чем питались москвичи в канун Рождества. Благодаря таким насыщенным, чувственным описаниям он словно погружается в ту эпоху: слышит многоголосый шум торговых рядов, вдыхает морозный воздух, смешанный с ароматами копченостей и свежей выпечки, видит, как суетятся люди на рынке.

Как отмечает Н. С. Степанова, Иван Сергеевич в полной мере использовал особенности ольфакторной памяти – уникальной способности запахов вызывать к жизни забытые, но живые, насыщенные и эмоциональные воспоминания – для воплощения своего замысла: запечатлеть живую красоту уходящей России и оставить память о ней [4, с. 130]. Язык, которым пишет Шмелев, работает как машина времени: он воскрешает не только предметы, но и саму атмосферу – живую, хлопотливую, радостную. Через такие слова передается сам дух Рождества, неповторимая атмосфера.

Не менее важна и манера повествования. Рассказчик в «Рождестве в Москве» является простым торговым человеком, о чем прямо заявляет: «Я человек деловой, торговый, в политике плохо разбираюсь, больше прикидываю совестью» [5, с. 235]. Эта самохарактеристика задает тон всему произведению. Рассказчик говорит с читателем как равный с равным, как собеседник за чашкой чая, и это намеренный прием И. С. Шмелева. Через живое, непринужденное повествование писатель сближает нас с эпохой, показывает, как на самом деле общались люди того времени. Для этого он широко использует просторечия и разговорные обороты. О прибыли герой говорит: «180 процентиков наварцу! Хохотал хозяин!..»; о недорогом, но качественном товаре – «дешевка»: «входила в славу, просилась за границу, – белорыбьего балычка не хуже, и – дешевка» [5, с. 236]. Шмелев, к примеру, приводит любопытный факт: продавцы в московских рядах настолько хорошо знали своих постоянных покупателей, что никогда не ошибались с выбором – «никак не прошибутся, – кому чего, – знают по тайным меткам» [5, с. 244]. Интерес представляет и просторечное уменьшительно-ласкательное слово «копчушки» – так в народе называли копченую рыбу. Писатель вставляет его не случайно: «… копчушек щепную коробчонку и бедняк покупал на Масленой» [5, с. 240]. За счет подобных речевых приемов произведение перестает восприниматься как сухая фиксация фактов. Перед читателем распахивается жизнь – шумная, пахнущая снегом и едой, полная выразительных подробностей. Здесь каждое слово на своем месте: у него есть и запах, и звук, и даже хозяин.

Центральным образом рассказа становится Храм Христа Спасителя – не просто географический ориентир, а смысловой стержень, вокруг которого выстраивается повествование. В финале звучит скорбный вопрос «Где теперь это знамение?», разворачивающийся в лейтмотив утраты. Иван Сергеевич не просто рисует прошлое, а оплакивает его, сознавая

невозможность восстановить утраченное. В начальных сценах герой с восхищением говорит о храме: «Бархатный, мягкий гул дивных колоколов его… – разве
о нем расскажешь!» Где теперь это знамение русской народной силы?!. Ну, почереду, будет и о нем словечко» [5, с. 235]. Это восклицание, брошенное как бы между прочим, в финале оборачивается приговором времени. Рассказ начинается и заканчивается одним и тем же образом: в начале И. С. Шмелев пишет, что купол храма светился в морозной мгле, его было видно отовсюду: «У нас в Москве знамение его издалека светилось-золотилось куполом-исполином в ночи морозной – Храм Христа Спасителя» [5, с. 235]. В конце звучит трагический ответ: «Боже мой, плакать хочется… нет, не с нами. Нет Исполина-Храма… и Бог не с нами. Бог отошел от нас. <...> Не спорьте! Бог отошел. Мы каемся» [5, с. 246]. Для Шмелева этот храм олицетворял собой гораздо больше, чем просто церковное здание. В его глазах это был живой символ исторической победы над Наполеоном, наглядное свидетельство общенационального единства и глубокой веры. Сам автор подчеркивает: «Силой всего народа вымело из России воителя Наполеона с двунадесятью языки, и к празднику Рождества, 25 декабря 1812 года, не осталось в ее пределах ни одного из врагов ее [5, с. 235]. Разрушение этого сакрального сооружения воспринимается писателем как знак крушения всей дореволюционной России, символ утраченного мира, который уже никогда не вернуть.

Вопрос «Где теперь это знамение?» повисает в воздухе, не получая однозначного ответа. Иван Сергеевич не берется предсказать, возродится ли когда-нибудь прежняя Россия. Сам факт постановки этого вопроса в художественном произведении уже является важнейшим жестом сохранения национальной памяти. Писатель через слово, живую речь доносит до потомков горечь от случившейся катастрофы – даже если надежда на реальное возрождение прежнего уклада кажется призрачной.

Однако в последних строках рассказа рядом со скорбью отчетливо звучит и светлый мотив, ставший пророческим: «И срок придет: Воздвигнет русский народ, искупивший грехи свои, новый чудесный Храм… и снова тогда услышат пение звезд и благовест» [5, с. 246].

Следовательно, мы имеем дело не с простым пересказом минувших событий. Шмелев силой родной речи творит заново и удерживает в слове целый уничтоженный мир. Через архаичные обозначения предметов (слова-реалии) он извлекает из забвения исчезнувшие вещи и обычаи. Через естественную, живую разговорную интонацию – восстанавливает голоса и манеру общения давно ушедших людей. А через риторический вопрос, обращенный в пустоту, – выражает собственную душевную муку и одновременно тихую веру в будущее.

Для И. С. Шмелева важно не просто восстановить прошлое, а заново пережить его в слове – во всей полноте и цельности. Читатель обретает опыт присутствия внутри изображаемого мира, чувство сопричастности, личной

включенности в предрождественскую суету. Писатель показывает, что именно в будничной повседневности, предшествующей празднику, веками формировался русский уклад – та Россия, что создавалась народом на протяжении столетий. За гастрономическими подробностями, названиями икры и сыров, разговорными интонациями рассказчика проступает целая цивилизация.

До тех пор, пока мы обращаемся к страницам, где оживает русский уклад с его традициями, и говорим на русском языке, память об этом продолжает жить внутри нас. Язык в этом произведении предстает как мощная стихия, преодолевающая время, забвение и само разрушение.

Список литературы

1. Ильин И. А. Гоголь, великий сатирик, романтик и философ жизни: Лекция // Полторацкий Н. П. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение : сборник статей. Tenafly (N.J.), 1989. С. 78.

2. Левина Ж. Е. Гастические образы как символы рождественской Москвы в творчестве И. Шмелева // Имагология и компаративистика. 2023. № 19. С. 256–267.

3. Леонов И. С. Категория «повседневность» в рождественских рассказах И. С. Шмелева и протоиерея Александра Шантаева (на материале рассказов «Рождество в Москве» и «В праздник») // Вестник славянских культур. 2023. Т. 70. С. 189–198.

4. Степанова Н. С. Ольфакторная память в автобиографической прозе И. С. Шмелева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 4 (93). С. 127–131.

5. Шмелев И. С. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Русская книга : Известия, 1998. Т. 3: Рождество в Москве : роман, рассказы. 352 с.

УДК 821.161.1

ЯЗЫК ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА: СЛОВО КАК ХРАНИТЕЛЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

О. Г. Талалаева, А. С. Семикина

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов, Россия)

В статье проанализировано, как язык служит сохранению православной традиции в прозе И. А. Бунина. Обращается внимание на то, что вера и национальная идентичность раскрываются писателем через описание колокольного звона, молитвы и народного благочестия. Язык становится главным инструментом фиксации уходящего уклада и сохранения духовной памяти о России.

Ключевые слова: *И. А. Бунин, православная традиция, язык, национальная идентичность, вера.*

The article analyzes how language serves to preserve the Orthodox tradition in the prose of I. A. Bunin. Attention is drawn to the fact that faith and national identity are revealed by the writer through descriptions of bell ringing, prayer and folk piety. Language becomes the main tool for capturing the vanishing way of life and preserving the spiritual memory of Russia.

Keywords: *I. A. Bunin, Orthodox tradition, language, national identity, faith.*

В русской литературе найдется немного авторов, для которых язык был бы столь же органичным инструментом сохранения национальной памяти, как

для Ивана Алексеевича Бунина. Писатель, чье творчество охватило рубеж XIX–XX веков, застал ту самую Россию, которую позже назовут «уходящей». Главным средством ее сбережения, воскрешения в слове стало для него не публицистическое воззвание, а само художественное слово. Православная традиция в прозе Бунина – это не тема среди прочих и не сюжетный прием. Это сама плоть русской культуры, ее естественное дыхание, тот воздух, которым дышат его герои. Икона в красном углу, колокольный звон над провинциальным городком, молитва перед сном, именины, пасхальная заутреня – все это не «этнографические детали», а живые, неразделимые элементы того мира, который писатель запечатлел в слове, стремясь спасти его от забвения.

Иван Алексеевич строит повествование как духовную вертикаль, где язык позволяет преодолеть тяжесть повседневности. В рассказе «Над городом» (1900) подъем мальчиков на колокольню превращается в восхождение от суетного мира к вечности. Важно отметить, что это действо имело особый пасхальный смысл: на Светлой седмице детям традиционно разрешалось подниматься на колокольню и звонить в колокола – это был жест включения самых малых в ликующую церковную радость, приобщения их к благовесту. Бунин сохраняет этот обычай в слове, передавая детское восприятие священного действия.

У подножия колокольни распростерся унылый мир обывателей, в котором среди привычных будней вскоре померкнет радость от светлого праздника, но пока перед глазами детей простираются бескрайние просторы зеленых полей, неизведанные земли и ширь прозрачного весеннего неба. Ключевым моментом этого эпизода становится надпись на колоколе: «Благовествуй земле радость велию…» [2, т. 2, с. 202]. Эти строки Священного Писания несут сакральный смысл и становятся для героя не просто словами, а истиной. Колокол для Бунина – это не только источник звука, он несет благую весть, напоминая людям о том, что Бог всегда рядом с ними. Автор одушевляет звон, пытаясь передать его божественную природу: «вся колокольня с вершины до основания полна голосов, гула и пения», а дети «затерялись в звуках», «как будто сами носились по воздуху» [2, т. 2, с. 202].

Позже, уже находясь в эмиграции, писатель вновь обратится к размышлениям о колокольном звоне: «Это большое счастье и мудрость пожертвовать драгоценный колокол на ту церковь, близ которой ляжешь навеки. Тебя не будет, а твой колокол, как бы часть твоя, все будет и будет петь – сто, двести, пятьсот лет» [6, с. 78]. В этих словах видна суть бунинского отношения к традиции: человек смертен, но созданное им и освященное верой продолжает жить, и язык здесь выступает тем единственным инструментом, который способен запечатлеть эту связь времен. Язык в рассказе передает не физическую акустику, а духовное измерение звука – это молитва, ставшая звоном. Финал рассказа дает ключевую формулу всей веры писателя: «нужно позабыться, затеряться в бурных звуках и хоть на мгновение поверить и напомнить людям, что «Бог не есть Бог мертвых, но живых» [2, т. 2, с. 203].

Колокольный звон становится свидетельством того, что вера жива не в прошлом, а в настоящем, в каждом ударе колокола.

Если в «Над городом» средоточием веры выступает звон колоколов, то в рассказе «Святитель» (1924) И. А. Бунин обращается к личной, сокровенной молитве. Произведение посвящено последней ночи святителя Димитрия Ростовского, составителя Четьих-Миней. Для писателя этот образ имел особое, почти символическое значение. Как отмечает исследователь Т. И. Скрипникова, «в образе святого Бунин видел национальный идеал, вобравший в себя многовековые представления народа о красоте души русского человека, праведнике…» [5, с. 101]. Иван Алексеевич не случайно обратился к Димитрию Ростовскому. Автор посетил Ростов Великий в 1914 году, однако воплотить образ святого в рассказе «Святитель» он смог только через десять лет, уже в изгнании, потеряв Россию. Само же понимание святого как национального идеала – человека, объединяющего народ любовью к Родине, – сложилось у Бунина, несомненно, раньше, но именно в эмигрантском творчестве получило свое полное словесное выражение.

Действие рассказа происходит в келье за несколько часов до кончины. Святитель призывает певчих и просит спеть «юношеские песнопения во славу пречистого Рождества Господа нашего Иисуса Христа, Красоты нашей неизреченной» [2, т. 5, с. 139]. Слушая, он плачет – молитва и песнопение возвращают его к истокам веры, юности. И. А. Бунин использует язык, наполненный церковнославянизмами и высокой лексикой, но при этом сохраняет удивительную простоту и сердечность. Традиция передается не через наставление, а через живое слово, личный опыт встречи с Богом: святитель беседует с любимым иноком, рассказывает «о своем детстве, отрочестве, о трудах и мечтах своей юности, о своих первых, сладчайших молитвенных восторгах» [2, т. 5, с. 140].

Смерть святителя показана автором как естественное завершение молитвенного подвига: на рассвете его находят «на коленях перед божницею, закинув назад свой тонкий и бледный лик, уже хладный и безгласный» [2, т. 5, с. 140]. Последнее, что он делает, – молится. Финал рассказа содержит одно из самых сильных откровений Бунина: «Только один Господь ведает меру неизреченной красоты русской души» [2, т. 5, с. 140]. Обращает на себя внимание поразительная деталь: образ святителя был «самым заветным» у «святого, нам почти современного, – простого тамбовского мужика», который молился перед иконой Димитрия: «Митюшка, милый!» [2, т. 5, с. 140]. Этим штрихом писатель показывает живую, неразрывную связь между святым и народом, между прошлым и настоящим. Святость не уходит в историю – она продолжает жить в молитве обычных людей, их ласковом и доверительном обращении.

В рассказе «Святые» (1914) Иван Алексеевич углубляет эту тему, обращаясь к народному почитанию святых, вере простых людей, какой она предстает в их собственных рассказах и легендах. М. И. Кузьмина отмечает, что концептосферу этого произведения организуют такие смысловые центры, как «Святой», «Спасение», «Чудо», «Страдание», «Плач», «Радость»,

«Любовь», «Икона» и другие [4, с. 138]. Показателен в этом смысле эпизод, где старый дворовый человек Арсенич, взлохмаченный и небритый, в истертом пиджаке, со слезами на глазах рассказывает детям историю о блуднице Елене и великомученике Вонифатии. Его речь представляет собой удивительный сплав простонародных слов, церковнославянизмов и книжных оборотов: «Жила-была, например, самая что ни на есть отпетая блудница», «возвеселился духом за имя господне», «принял мечное сечение» [2, т. 4, с. 236].

И. А. Бунин не описывает святость абстрактно – он показывает, как она живет в народном сознании, как чудо вписано в самую грешную и будничную жизнь. Арсенич, сам того не сознавая, творит миф, где любовь и страдание, грех и покаяние неразрывно переплетены. Простой, безыскусный язык рассказа передает глубочайшее благоговение. Бунин показывает не церковный канон, а живую веру, преображающую повседневность.

Та же картина православного уклада, но уже в более широком, автобиографическом масштабе, развернута Иваном Алексеевичем в романе «Жизнь Арсеньева» (1933). Как справедливо замечает исследователь И. П. Карпов, «в "Жизни Арсеньева" запечатлен процесс освоения и преображения художником самого себя. Бунин как бы конструирует себя прошлого, юного – в соответствии с представлениями зрелого периода жизни» [3, с. 341]. Детство героя пронизано церковной традицией: походы в храм, иконы в доме, празднование именин, Пасхи и Рождества. Писатель фиксирует язык этого мира – «заутреня», «всенощная», «разговение», «святки», «крестный ход». Каждое слово здесь не сухой термин, а живая деталь быта. Так Арсеньев, зайдя на церковный двор, переживает не просто религиозное чувство, а «неудержимо поднимавшееся в груди сладкое и скорбное чувство родины, России, всей ее темной древности» [2, т. 6, с. 246]. Эти описания перекликаются с реальными воспоминаниями самого автора, которые он доверял дневникам. В «Окаянных днях» И. А. Бунин, оказавшись в храме среди революционного хаоса, фиксирует то же потрясение: «Красота этого еще уцелевшего островка среди моря скотов и убийц... всего того дивного, что все-таки создала человеческая душа и чем жива она – единственно этим! – так поразила, что я плакал – ужасно, горько и сладко!» [1, с. 62].

Икона в красном углу – не украшение, а центр дома; молитва перед едой – не ритуал, а естественное действие. Православие не выделено в отдельную «тему» – оно растворено в воздухе, которым дышат герои. Сам писатель в дневнике 1922 года с тоской размышлял об исповеди: «Ночью вдруг думаю: исповедаться бы у какого-нибудь простого, жалкого монаха где-нибудь в глухом монастыре, под Вологдой! Затрепетать от власти его, унизиться перед ним, как перед Богом… почувствовать его как отца…» [6, с. 62]. Это стремление к смиренной вере, живому, а не обрядовому благочестию пронизывает и роман, делая его не просто художественным вымыслом, но духовной автобиографией.

Объединяя эти произведения, можно увидеть, что для Ивана Алексеевича усадьба (и шире – вся дореволюционная Россия) представляет собой

пространство, где православие живет естественно, как воздух. В «Антоновских яблоках» запах яблок смешивается с запахом ладана, в «Жизни Арсеньева» детские впечатления неотделимы от церковных праздников, в «Святителе» келья становится местом последней молитвы, а в «Над городом» колокольня возвышается над мещанским бытом как напоминание о Боге. Эта Россия в целом предстает у Бунина своеобразным «ковчегом», сохраняющим традицию. Иконы, молитва, праздники, колокольный звон – не декорация, а сама суть этого мира.

Писатель не изобретает эту традицию и не идеализирует ее слепо, он знает ее теневые стороны, но его задача – не критика, а сохранение того, что он видит, пока оно еще существует. Уже в эмиграции он оставил запись в дневнике, характеризуя свою творческую природу: «Я настоящего художественного естества. Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду – и как остро, Боже мой, до чего остро, даже больно!» [6, с. 62]. Именно эта острота восприятия позволила ему запечатлеть уходящий мир во всей его полноте.

Таким образом, язык в произведениях Ивана Алексеевича Бунина становится инструментом сохранения культуры, исторической памяти и национальной идентичности. Как следует из анализа, автор старается не просто запечатлеть ушедшую реальность, в его словах отражается система традиционных русских ценностей – от благовеста до уклада православного человека. В рассказах «Над городом», «Святитель», «Святые» и романе «Жизнь Арсеньева» язык выступает хранителем того сокровенного начала, что позволило сформировать русскую идентичность на протяжении веков. В современном мире многое ушло в прошлое, однако на страницах книг язык остается живым мостом между культурами и поколениями, позволяя передать традиционные ценности. Можно говорить о том, что мастерское владение словом у Бунина – это основной механизм трансляции культурного наследия, без которого сохранение истории и традиции народа невозможно.

Список литературы

1. Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М. : Советский писатель, 1990. 416 с.

2. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Художественная литература, 1965.

3. Карпов И. П. Религиозность в условиях страстного сознания (И. Бунин. «Жизнь Арсеньева. Юность») // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 341–347.

4. Кузьмина М. И. Концептосфера рассказа И. А. Бунина «Святые» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, кн. 4–5. С. 138–153.

5. Скрипникова Т. И. Активизация религиозных тем, сюжетов, мотивов в творчестве И. А. Бунина 1920-х годов (рассказ «Святитель») // ФИЛОLOGOS. 2024. № 4 (63). С. 99–104.

6. Устами Буниных. Дневники : в 2 т. / И. А. Бунин, В. Н. Бунина. М. : Посев, 2005. Т. 2. 432 с.

УДК 811

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ВОПРОСЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. К. Телкова
Астраханский государственный политехнический колледж
(г. Астрахань, Россия)

В статье рассматривается взаимосвязь языка и традиционных ценностей как основы языковой картины мира, показывается, как культурные нормы и ценностные ориентиры народа отражаются на разных уровнях языка. Особое внимание уделяется проблемам межкультурного взаимодействия: анализируются причины недопонимания и конфликтов, возникающие из-за различий в языковых картинах мира. Предлагаются практические стратегии преодоления коммуникативных барьеров.

Ключевые слова: *языковая картина мира, традиционные ценности, межкультурная коммуникация, культурные различия.*

The article examines the relationship between language and traditional values as the foundation of the linguistic worldview, showing how cultural norms and the value orientations of a people are reflected at various levels of language. Particular attention is paid to the challenges of intercultural interaction: the causes of misunderstandings and conflicts arising from differences in linguistic worldviews are analysed. Practical strategies for overcoming communication barriers are proposed.

Keywords: *linguistic worldview, traditional values, intercultural communication, cultural differences.*

Язык – это не просто система звуков и символов, а живой организм, в котором отражается и формируется мировоззрение его носителей. В каждом языке заложена особая картина мира – совокупность представлений о реальности, сложившаяся под влиянием истории, культуры и традиций народа [1].

Центральное место в этой системе занимают традиционные ценности, глубоко укорененные в сознании и оказывающие существенное влияние на восприятие мира, построение отношений и способы общения [3]. В условиях межкультурного взаимодействия понимание этой взаимосвязи становится особенно важным, поскольку именно она часто определяет успех или неудачу коммуникации.

Традиционные ценности представляют собой фундаментальные представления о добре и зле, правильном и неправильном, значимом и второстепенном, которые передаются из поколения в поколение. Они охватывают такие сферы, как семья, религия, долг, честь, уважение к старшим, отношение к труду и природе. Эти ценности находят свое выражение в языке на разных уровнях.

В лексике закрепляются ключевые культурные понятия, часто обладающие особой эмоциональной окраской. Например, слово «душа», у которого нет точного аналога в английском. Оно охватывает понятия внутреннего мира, искренности, эмоциональности, духовности. Часто используется в выражениях: «открыть душу», «душа нараспашку», «душевный человек». Ближайший аналог – soul, но он в большей степени связан с религиозным контекстом (душа как бессмертная сущность) и реже используется для описания

черт характера или искреннего общения. Понятие «тоска», описывающее глубокую, часто необъяснимую грусть, чувство внутренней пустоты, и вовсе не имеет прямого эквивалента. Для перевода используются слова melancholy (меланхолия), longing (томление, сильное желание), sadness (грусть), но ни одно не передает полного спектра значений.

Фразеология и пословицы концентрируют народную мудрость, передавая моральные установки и модели поведения. В русском языке пословица «В гостях хорошо, а дома лучше» подчеркивает ценность дома как крепости, семейного уюта и стабильности. В английском фраза “East or West, home is best” имеет схожий смысл, но формулировка более «географическая», акцент на путешествиях, а не на семейном тепле.

Даже грамматические особенности могут отражать ценностные ориентиры общества. Например, использование формы «Вы» с заглавной буквы при обращении к одному человеку как знак уважения. В английском языке существует единая форма you для всех случаев. Уважение выражается через лексику (Mr./Mrs./Ms., sir/madam), тон голоса и формулы вежливости (Could you…?, Would you be so kind…?).

Когда представители разных культур вступают в общение, их языковые картины мира неизбежно сталкиваются. Это может приводить к недопониманию и искажению смысла, поскольку одни и те же формы выражения воспринимаются по-разному: прямота может расцениваться как честность в одной культуре и как грубость в другой [2].

Различия в ценностях также способствуют формированию стереотипов и предвзятости, что затрудняет объективное восприятие собеседника. В более сложных случаях это приводит к конфликтам и напряженности, особенно если затрагиваются такие темы, как социальные роли или нормы поведения. Кроме того, игнорирование культурных различий осложняет установление доверия, которое невозможно без взаимопонимания и уважения [2].

Преодоление этих трудностей требует развития культурной компетентности, включающей не только знание языка, но и понимание культурного контекста. Важную роль играют эмпатия и открытость. Активное слушание и стремление уточнять смысл высказываний помогают избежать недоразумений и демонстрируют уважение к собеседнику. Не менее важно учитывать невербальные сигналы, которые могут значительно различаться в разных культурах. Гибкость и адаптивность позволяют выбирать наиболее подходящий стиль общения в зависимости от ситуации, не отказываясь при этом от собственных ценностей.

Осознание собственных культурных установок тоже является важным шагом на пути к эффективной коммуникации, поскольку позволяет избежать их некритичного переноса на других. В сложных ситуациях полезным может быть обращение к профессиональным переводчикам или культурным посредникам, способным объяснить скрытые нюансы взаимодействия. В долгосрочной

перспективе значительную роль играет образование и расширение кругозора через изучение других культур.

Традиционные ценности, являясь неотъемлемой частью языковой картины мира, оказывают глубокое влияние на межкультурную коммуникацию. Их игнорирование ведет к недопониманию и конфликтам, тогда как осознанное отношение к культурным различиям способствует построению более гармоничных и продуктивных взаимодействий. Успешная коммуникация между культурами – это не только обмен информацией, но и проявление уважения к разнообразию человеческого опыта, отраженного в языке и традициях разных народов.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2003. № 4 (38). С. 2–12.

2. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. URL: http://www.follow.ru/article/344 (дата обращения: 25.04.26).

3. Теория межкультурной коммуникации: учеб. и практикум для академ. бакалавриата / Ю. В. Таратухина и др. ; под ред. Ю. В. Таратухиной, С. Н. Безус. М. : Юрайт, 2019. 265 с.

УДК 81-25

АНГЛИЦИЗМЫ И ИХ РОЛЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

И. В. Федорова, А. Д. Алимова
Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

В условиях цифровой глобализации англицизмы трансформируются из нейтральных номинаций в маркеры социолингвистического позиционирования: их использование рефлексивно сигнализирует о принадлежности говорящего к определенному культурному коду, уровню медиаграмотности и ориентации на транснациональные коммуникативные тренды, поэтому исследование англицизмов является актуальным на протяжении многих десятилетий развития филологической науки. Авторы анализируют причины активного проникновения заимствований в разговорную речь, среди которых выделяются потребность в номинации новых реалий, фактор языковой экономии и стремление к экспрессивности. Особое внимание уделяется прагматическим функциям англицизмов в различных коммуникативных ситуациях: от профессионального сленга до повседневного общения молодежи.

Ключевые слова: *англицизмы, заимствование, замещение, отсутствие понятия в языке-рецепторе, привычные/освоенные заимствования.*

In the context of digital globalization, anglicisms are transforming from neutral nominations into markers of sociolinguistic positioning: their use reflexively signals the speaker's affiliation with a particular cultural code, level of media literacy, and orientation toward transnational communication trends. Therefore, the study of anglicisms has been relevant for many decades in the development of philological science. The authors analyze the reasons for the active

penetration of borrowings into colloquial speech, among which are the need to nominate new realities, the factor of linguistic economy, and the desire for expressiveness. Particular attention is paid to the pragmatic functions of anglicisms in various communicative situations: from professional slang to the everyday communication of young people.

Keywords: a*nglicisms, borrowing, substitution, lack of concept in the receptor language, habitual/mastered borrowings.*

Заимствования из английского языка уже давно стали центральной темой в сфере изучения лексического корпуса русского языка. XVIII–XIX вв. ученые считают началом активного появления в строе русского языка новых лексических единиц, однако наиболее массовым они называют период после 1990-х годов. Данное время характеризовалось активным развитием в сфере технологий, в вязи с чем многие явления получили транслитерированные варианты оригинальных названий. Для данных номинантов отсутствовали идентичные понятия в русской культуре, что и привело к массовому заимствованию. Наиболее масштабными были англицизмы в сфере компьютерных технологий («шредер», «оверхэд», «плоттер», «сканер») и деловой лексики («дефолт», «маркетинг», «дилер», «офшор»), наблюдалось замещение русских лексических единиц английскими для выражения позитивных или негативных коннотаций, которые отсутствовали у исходного слова в языке-рецепторе («пивная» → «паб», «убийца» → «киллер»).

На сегодняшний день англицизмы стремительно распространяются в русском языке. Их можно встретить как в устной, так и в письменной речи. Некоторые заимствования вошли в обиход настолько прочно, что стали восприниматься как русские слова, например, «бюджет», «лояльный», «комфорт», «веранда», «парламент», «паника», «вульгарный», «клумба», «клоун», «митинг», «юмор», «трактор», «спирт», «пиджак» [1, с. 74].

Экспрессивная функция англицизмов ярко проявляется в молодежном сленге:

а) приказаний и просьб – «гона» (собираюсь), «шат ап» (заткнись), «гоу хоум» (иди домой), «хай тайм» (пора), «экскьюз ми» (извини), «бла-бла-бла» (и т. д.), «камон» (давай), «чиз» (улыбайся);

б) приветствий и прощаний – «бай-бай», «бай», «гуд-бай», «хай», «хэллоу»;

в) согласия – «адерстенд», «ол райт», «йес», «ноу проблем», «окей»;

г) оценок – «бэд», «вери вел», «гуд», «райт», «тип-топ», «топ», «тру», «файн», «фифти-фифти», «экселлент».

Школьники употребляют в речи большое число междометий, частиц, слов, выражающих эмоциональное отношение говорящего: восклицание “wow”, утвердительная частица “yes” с характерным жестом [3, с. 1].

Англицизмы украшают речь, привлекая внимание и к собеседнику (аттрактивная функция), и к содержанию его сообщения. Декоративная функция заключается в магическом, завораживающем действии английской единицы, особенно оформленной в графике языка-донора, например, на часть целевой

аудитории рекламодателей: «Duracell – это надолго!». [3, с. 3] В речи молодежи можно насчитать около 1000 неоправданно используемых английских слов.

Даже иностранцы, хорошо владеющие русским языком, удивляются громадному количеству иноязычных слов в нашей прессе, журналах, книгах, рекламе. В настоящее время наблюдается процесс варваризации русского языка, то есть проникновение в речь иноязычных слов, имеющих у нас эквиваленты.

Увлечение англицизмами стало своеобразной модой, оно обусловлено созданными в обществе стереотипами, идеалами. Таким стереотипом зачастую служит образ идеализированного американского общества, в котором уровень жизни намного выше и высокие темпы технического прогресса ведут за собой весь мир. Добавляя в свою речь английские слова, люди (особенно молодежь) хотят определенным образом приблизиться к этому стереотипу, они приобщаются к американской культуре и стилю жизни.

В заключении следует отметить, что наша современная жизнь наполнена иностранными словами. Большинство заимствований обусловлено изменением общественно-политического устройства России в последние десятилетия XX века и принадлежит сферам человеческой деятельности, претерпевшим в связи с этим изменением коренную ломку и ставшим более актуальными: политике, праву, экономике, религии, новым технологиям и т. п.

Речь современного русского человека невозможно представить без заимствованных английских слов. Однако, с одной стороны, появление новых слов расширяет словарный запас, а с другой – в связи с употреблением огромного количества неоправданных заимствований происходит засорение языка, утрачивается его самобытность и неповторимая красота. Поэтому важно понимать, где использование заимствований является органичным (например, неформальная беседа двух друзей), а где является не удовлетворительным (официальная речь, деловая сфера).

Список литературы

1. Апетян С. Г. Функционирование англицизмов в различных типах дискурса // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 4 (38). С. 74–76.

2. Прагматические функции англицизмов в русском дискурсе // Евразийский Союз Ученых - публикация научных статей в ежемесячном научном журнале. URL: https://euroasia-science.ru/filologicheskie-nauki/прагматические-функции-англицизмов/.

3. Нарочная Е. Б., Сумина В. Е. Англоязычные заимствования как элемент фоновых знаний студенческой молодежи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 1. URL: https://www.gramota.net/materials/2/2019/1/31.html.

4. Смирнова Н. Н., Алексерова Н. Влияние англицизмов на речевое поведение молодежи. URL: https://nsportal.ru/sites/default/files/2015/01/15/vliyanie_anglitsizmov_na_rechevoe_povedenie_molodezhi.docx.

5. Англицизмы // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Англицизмы.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ТРАДИЦИЙ НАРОДА

УДК 316.775.4

ВЛИЯНИЕ ЧУВСТВА СТРАХА НА РЕЖИМ СНА И ДНЕВНУЮ АКТИВНОСТЬ

М. А. Антонова, Ю. О. Колганко
Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

В статье рассматривается проблема влияния страха пропустить важное (FoMO) на режим сна и дневную активность в условиях цифровизации повседневной жизни. Анализируется трансформация коммуникативных практик, приведшая к информационной перегрузке и цифровой усталости. FoMO трактуется как новейший психологический конструкт, описывающий навязчивую тревогу и желание оставаться постоянно вовлеченным в социальные сети. Показано, что данный синдром выступает одним из ключевых предикторов прокрастинации, связанной с отходом ко сну, запуская цикл «ночной онлайн-активности и дневной усталости». Особое внимание уделено роли навыков саморегуляции, дефицит которых лежит в основе сбоя перехода от намерения ко сну к действию. В заключительной части предлагаются практические рекомендации по коррекции поведения: развитие осознанности, внедрение ритуалов гигиены сна и формирование «временных окон» для цифрового потребления без ущерба для здоровья.

Ключевые слова: *FoMO, страх пропустить, прокрастинация, цифровая усталость.*

The article examines the problem of the impact of the fear of missing out on important things (FoMO) on sleep patterns and daytime activity in the context of digitalization of daily life. The article analyzes the transformation of communication practices, which led to information overload and digital fatigue. FoMO is interpreted as the latest psychological construct describing obsessive anxiety and the desire to remain constantly involved in social networks. It has been shown that this syndrome is one of the key predictors of procrastination associated with bedtime, triggering a cycle of "nighttime online activity and daytime fatigue." Special attention is paid to the role of self-regulation skills, the deficiency of which underlies the failure of the transition from intention to sleep to action. The final part offers practical recommendations for behavior correction: the development of mindfulness, the introduction of sleep hygiene rituals and the formation of "time windows" for digital consumption without prejudice to health.

Keywords: *FoMO, страх пропустить, прокрастинация, цифровая усталость.*

Потребность в коммуникации – важная часть человеческого существования. Необходимость общения во многом определила современную человеческую жизнь, помогла в выживании и развитии человечества. С приходом цифровых технологий поменялись инструменты и способы коммуникации людей, а скорость этих изменений все продолжает нарастать.

Широкодоступный интернет в любое время и в любом месте стал возможен с появлением смартфонов, планшетов и компьютеров, сделав глобальную сеть важной частью жизни каждого человека в современном мире. Интернет

стал использоваться для прослушивания музыки, просмотра видео или фильмов, игр, учебы, общения с друзьями и членами семьи, знакомства и поддержания отношений на больших расстояниях [1, с. 74–75].

С изменением человеческих отношений и все большим их уходом в цифровые пространства, помимо явных преимуществ, люди столкнулись с новыми негативными последствиями: вместе с большим объемом доступной информации стали испытывать перенасыщение, цифровую усталость и столкнулись с новым страхом – пропустить важное. Эти проблемы принято связывать с сайтами социальных сетей или сетевыми интернет-площадками. Сайты социальных сетей предоставляют простой доступ к общению, особенно для подростков и взрослых с социальной тревожностью, позволяя удовлетворить потребность в общении иным путем, нежели личное общение. Однако эта «социальная компенсация» может быть проблематичной, когда она усиливает избегание общения лицом к лицу, и, как следствие, усиливает социальную тревожность [2, с. 4883–4884].

В таких условиях активно проявляется страх пропустить важное (Fear of Missing Out или FoMO), который проявляется в негативных размышлениях, таких как частая проверка и обновление страниц на социальных площадках на наличие предупреждений и уведомлений. Днем человек не может сосредоточиться на задачах, стараясь уделить внимание каждому сигналу смартфона; вечером он поглощает интернет-контент; ночи становятся длиннее, пока он откладывает сон, а утром просыпается с усталостью, которая снова заставляет его обратиться к сайтам социальных сетей.

FoMO представляет собой относительно новый психологический конструкт, введенный в научный оборот П. Макгиннисом в 2004 году. Классическое определение трактует страх пропустить важное как «распространенное опасение, что другие люди могут получить ценный опыт, в котором человек не участвует», сопровождающееся навязчивым желанием оставаться постоянно вовлеченным в то, что делают другие. Так, столкнувшись с информационной перегрузкой, человеку требуется отдых и восстановление, однако у лиц с высокой тревожностью FoMO побуждает к продолжению онлайн-активности [6, с. 15].

Страх пропустить важное – это не единственная причина нарушения сна, но на фоне распространения эпизодической и хронической бессонницы нельзя не учитывать влияния цифрового выгорания и FoMO. Пациенты с нарушением сна все чаще жалуются на то, что они «откладывают время отхода ко сну, так как нужно еще поработать», «долго лежат в кровати и разговаривают, продумывают, смотрят и так до 4-5 утра и потом просыпаются разбитыми», «засматриваются сериалами и потом вырубаются с телефоном»; считают, что «есть отвоеванное время ночью, чтобы все от них отстали, смотрят, что хотят, и делают, что хотят, в кровати, и никто их не трогает», «кровать – это для них место силы, делают, что хотят, и даже иногда жертвуют сном, так как наконец-то руки дошли до себя». Данный феномен получил название «прокрастинация, связанная с отходом ко сну» или «прокрастинация

в отношении сна» [4, с. 112]. Такой человек, под влиянием страха, тревоги, неудовлетворенности откладывает время для сна, хотя никакие внешние факторы не мешают ему это сделать; теряет чувство времени из-за интенсивных занятий перед сном, создает бессмысленные задержки, прокручивает повторяющиеся негативные мысли в постели.

Прокрастинация сна, как и другие виды поведения, связанные со здоровьем, качеством и количеством сна, завязаны на навыках саморегуляции. Результаты исследований показывают, что поведение людей является важным фактором, определяющим здоровье, а навыки саморегуляции играют решающую роль в переходе от намерения к действию [3, с. 11–12].

Решение данной проблемы в большей степени лежит на каждом отдельном индивиде. Человек, подверженный тревоге и страху пропустить важное, в первую очередь должен повысить контроль над собственным поведением, привнести в повседневную жизнь полезные привычки, новые активности и хобби, стремиться вести живое общение, сделать виртуальное общение второстепенным. Даже ведение дневника и прогулка могут помочь снизить тревогу и помогут отвлечься от социальных платформ. Кроме того, важно понимать, что на интернет-платформах люди склонны делиться лучшими жизненными впечатлениями, оставляя негативный опыт за кадром. Это часто становится поводом для болезненного сравнения ожиданий с реальностью. Таким людям важно донести, что, если кто-то делится моментами, когда он достигает пика счастья, это не означает, что каждый момент его жизни проходит таким образом, для таких людей полезно любить то, что они делают сейчас, чтобы превзойти свой страх невовлеченности [1, с. 79].

Гигиена сна – еще один способ поддержания здоровья и профилактики FoMO. Это общие рекомендации и мероприятия по обеспечению полноценного отдыха во время сна. Эффективность гигиены сна во многом индивидуальна.

Общими рекомендациями является: поддержание режима сна; стараться не изматывать себя до «отключения»; стараться на ночь не есть тяжелые продукты; а спальня должна быть проветриваемой, комфортной температуры, защищенной от уличного шума и света; не должно быть раздражителей, мешающих заснуть [5, с. 295–296].

Смартфоны, планшеты и компьютеры, хоть и являются источником тревоги и страха упустить что-то важное, полностью отказываться от них бессмысленно и даже вредно. Современные технологии уже стали необходимой частью жизни каждого человека и вывести их полностью из повседневной жизни не удастся. Жесткие ограничения могут только спровоцировать новую волну прокрастинации сна и жизни. Каждый человек должен выделить окно для свободного интернет-времяпрепровождения, в котором он сможет без вреда для собственного распорядка дня отдыхать в виртуальной среде.

Список литературы

1. Fuat Tanhan, Halil İbrahim Özok, Volkan Tayiz Fear of Missing Out (FoMO): A Current Review // Psikiyatride Güncel Yaklaşımlar-Current Approaches in Psychiatry 2022. 2022. № 14 (1). С. 74–85.

2. Mayank Gupta, Aditya Sharma. Fear of missing out: A brief overview of origin, theoretical underpinnings and relationship with mental health // World Journal of Clinical Cases. 2021. № 9. С. 4881–4889.

3. Romana Kadzikowska-Wrzosek. Self-regulation and bedtime procrastination: The role of self-regulation skills and chronotype // Personality and Individual Differences. 2018. № 128. С. 10–15.

4. Мелехин А. И. Прокрастинация отхода ко сну как новый вызов в клинической психологии // Медицинская (клиническая) психология: исторические традиции и современная практика : сборник тезисов VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ярославль, 06–07 декабря 2024 года. Ярославль : ООО «Аверс Плюс», 2025. С. 111–116.

5. Нехорошев В. А., Пономарев А. И. Сон и гигиена сна // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 6. С. 294–299.

6. Осокина В. А. Страх пропустить важное как медиатор связи между цифровой усталостью и тревожностью // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2026. № 2 (43). С. 14–17.

УДК 613

ВЛИЯНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НА РАБОТОСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Е. К. Васько, Е. С. Каталевская, А. М. Стрельников

Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

Данная статья посвящена комплексному исследованию взаимосвязи между приверженностью принципам здорового образа жизни и динамикой работоспособности современного человека. Особое внимание уделяется изучению влияния правильного питания, физической активности, а также значению режима сна и отдыха.

Ключевые слова: *здоровый образ жизни, работоспособность, физическая активность, питание, режим сна, стресс, продуктивность, здоровье, профилактика, психоэмоциональное состояние.*

This article is devoted to a comprehensive study of the relationship between adherence to the principles of a healthy lifestyle and the dynamics of a modern person's performance. Particular attention is paid to the study of the effects of proper nutrition, physical activity, as well as the importance of sleep and rest patterns.

Keywords: *healthy lifestyle, performance, physical activity, nutrition, sleep patterns, stress, productivity, health, prevention, psychoemotional state.*

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) – это не просто модный лозунг, а совокупность привычек и поведения человека, направленных на сохранение и укрепление здоровья. В современном мире, где стресс и неблагоприятные экологические условия стали обыденностью, важность ЗОЖ трудно переоценить.

Здоровый образ жизни включает в себя несколько ключевых компонентов, каждый из которых играет важную роль в поддержании здоровья:

1) рациональное питание. Сбалансированный рацион, богатый витаминами, минералами и другими питательными веществами, обеспечивает организм всем необходимым для нормального функционирования. Важно

не только качество продуктов, но и режим питания, разнообразие блюд и умеренность в еде;

2) регулярная физическая активность. Движение – это жизнь. Регулярные физические упражнения помогают поддерживать тонус мышц, улучшают кровообращение, укрепляют сердечно-сосудистую систему и повышают общий уровень энергии. Однако важно выбирать виды активности, соответствующие возрасту и физическому состоянию;

3) соблюдение режима труда и отдыха. Чередование работы и отдыха – залог сохранения работоспособности и здоровья. Соблюдение режима дня помогает организму адаптироваться к нагрузкам и снижает риск переутомления;

4) отказ от вредных привычек. Курение, употребление алкоголя и других психоактивных веществ наносят огромный вред здоровью. Отказ от вредных привычек – один из самых важных шагов на пути к здоровью;

5) психоэмоциональная устойчивость. Стресс и негативные эмоции могут стать причиной многих заболеваний. Развитие стрессоустойчивости, умение расслабляться и находить положительные моменты в жизни – важные составляющие;

6) гигиена и профилактика заболеваний. Соблюдение правил гигиены, регулярные медицинские осмотры и профилактические прививки помогают предотвратить развитие многих болезней;

7) здоровый сон. Качественный сон – неотъемлемая часть здоровья. Недостаток сна может привести к снижению работоспособности, ухудшению настроения и даже развитию серьезных заболеваний.

Рис. 1. Комплексное влияние здорового образа жизни на работоспособность

ЗОЖ формируется под влиянием как внешних факторов, так и внутренних.

Внешние факторы:

- социальная среда (семья, друзья, коллеги);
- условия труда (график работы, физическая нагрузка, уровень стресса);
- доступность спортивных и оздоровительных учреждений;
- качество продуктов питания и питьевой воды.

Внутренние факторы:

- мотивация (желание сохранить здоровье, улучшить самочувствие, достичь определенных целей);
- уровень знаний о здоровом образе жизни (образование, доступ к информации);
- личные убеждения и ценности;
- индивидуальные особенности организма (здоровье, физическое состояние, биоритмы).

Работоспособность – это функциональное состояние организма, характеризующееся способностью выполнять работу с определенной продуктивностью. Основные факторы работоспособности включают:

- здоровье и физическое состояние;
- уровень стресса и эмоциональное состояние;
- индивидуальные биоритмы («жаворонок»/«сова»);
- мотивацию (внутреннюю и внешнюю);
- профессиональные навыки и опыт;
- возраст.

Регулярное следование принципам ЗОЖ способствует повышению работоспособности, улучшению качества жизни и снижению риска развития многих заболеваний. Рассмотрим подробнее некоторые компоненты здорового образа жизни.

Влияние питания на работоспособность

Сбалансированное питание, богатое белками, сложными углеводами и здоровыми жирами, обеспечивает стабильный приток энергии на протяжении всего дня. Это позволяет поддерживать высокий уровень активности и работоспособности, даже в условиях стресса и высоких нагрузок. Недостаток питательных веществ, особенно витаминов группы В, магния и железа, может привести к снижению концентрации и ухудшению когнитивных функций.

Сбалансированное питание помогает поддерживать оптимальный уровень этих веществ, что способствует улучшению памяти, внимания и способности к обучению, а также предотвратить резкие колебания уровня сахара в крови, что способствует снижению утомляемости. Избыточное или нерегулярное питание, напротив, может привести к быстрому истощению энергии и снижению работоспособности. Именно поэтому рациональное питание является основой высокой работоспособности и общего здоровья.

Роль физической активности в повседневной жизни

Физическая активность играет важную роль в поддержании здоровья и благополучия человека. Регулярные занятия спортом и физические упражнения способствуют улучшению кровообращения, повышению выносливости и укреплению иммунной системы. Рассмотрим подробнее, как физическая активность влияет на различные аспекты нашей жизни.

Физическая активность стимулирует кровообращение, что способствует лучшему снабжению мозга кислородом и питательными веществами. Это, в свою очередь, улучшает когнитивные функции, такие как память,

концентрация и способность к обучению. Исследования показывают, что регулярные физические упражнения могут замедлить процессы старения мозга и снизить риск развития нейродегенеративных заболеваний, таких как болезнь Альцгеймера. Также при физической активности увеличивается выработка эндорфинов – гормонов счастья, которые улучшают настроение и повышают общий уровень энергии. Регулярные тренировки помогают поддерживать высокий уровень энергии в течение дня, что особенно важно для людей, ведущих активный образ жизни. Даже умеренные нагрузки, такие как ежедневная ходьба, могут значительно повысить работоспособность и улучшить самочувствие.

Стресс – это неотъемлемая часть современной жизни, и его влияние на здоровье может быть разрушительным. Физическая активность является одним из эффективных способов борьбы со стрессом. Во время тренировок организм вырабатывает эндорфины, которые помогают снизить уровень тревожности и улучшить общее психоэмоциональное состояние. Регулярные занятия спортом также способствуют улучшению сна, что является важным фактором в борьбе со стрессом. Качественный сон необходим для поддержания здоровья и хорошего самочувствия. Физическая активность помогает улучшить качество сна, делая его более глубоким и продолжительным. Регулярные тренировки способствуют нормализации циркадных ритмов организма, что помогает легче засыпать и просыпаться. Кроме того, физическая активность способствует снижению уровня стресса и тревожности, что также положительно сказывается на качестве сна. Даже умеренные физические нагрузки, такие как ежедневная ходьба, могут значительно повысить работоспособность. Физическая активность улучшает кровообращение, что способствует лучшему снабжению всех органов и систем организма кислородом и питательными веществами. Это, в свою очередь, повышает общую выносливость и улучшает физическое состояние, что положительно сказывается на способности выполнять повседневные задачи и справляться с нагрузками.

Таким образом, физическая активность является важным компонентом здорового образа жизни. Она способствует улучшению работы мозга, повышению уровня энергии, снижению стресса и улучшению сна. Регулярные занятия спортом также помогают повысить работоспособность и улучшить общее самочувствие. Независимо от возраста и уровня физической подготовки, каждый может найти для себя подходящие виды физической активности и начать получать пользу от регулярных тренировок.

Значение режима сна и отдыха

Сон – это не просто время отдыха, это период, когда организм восстанавливается и готовится к новому дню. Во время сна происходят важные процессы, такие как восстановление клеток, регуляция обмена веществ и укрепление иммунной системы. Недостаток сна может привести к серьезным последствиям для здоровья, включая ухудшение памяти, внимания и снижение общей продуктивности.

Возраст	Рекомендованное количество сна в сутки, часов	Критическое количество сна в сутки, часов
0–3 месяца	14–17	<11 >19
4–11 месяцев	12–15	<10 >18
1–2 года	11–14	<9 >16
3–5 лет	10–13	<8 >14
6–13 лет	9–11	<7 >12
14–17 лет	8–10	<7 >11
18–25 лет	7–9	<6 >11
26–64 года	7–9	<6 >10
>65 лет	7–8	<5 >9

Рис. 2. Рекомендованное количество сна

Рекомендации по режиму сна:

1) 7-9 часов сна в сутки. Взрослым рекомендуется спать от 7 до 9 часов в сутки. Это количество времени позволяет организму полноценно восстановиться и подготовиться к новому дню. Однако потребности во сне могут варьироваться в зависимости от индивидуальных особенностей организма, возраста и состояния здоровья;

2) соблюдение регулярного графика. Регулярный режим сна помогает организму настроить внутренние часы и улучшить качество сна. Ложиться спать и просыпаться в одно и то же время каждый день способствует выработке привычки, которая может значительно улучшить общее самочувствие;

3) ограничение использования гаджетов перед сном. Синий свет, излучаемый экранами гаджетов, может мешать выработке мелатонина – гормона, отвечающего за сон. Поэтому рекомендуется ограничить использование смартфонов, планшетов и компьютеров за час до сна. Вместо этого можно уделить время чтению книги, прослушиванию музыки или другим расслабляющим занятиям.

Здоровый образ жизни является ключевым фактором, влияющим на работоспособность человека. Рациональное питание, регулярная физическая активность, полноценный сон, управление стрессом и отказ от вредных привычек способствуют улучшению физического и психоэмоционального состояния.

В условиях современного общества формирование и поддержание здорового образа жизни становится необходимым условием для достижения высокой продуктивности и профессионального успеха. Забота о здоровье – это не только личная ответственность человека, но и важный элемент социальной политики государства.

Список литературы

1. Виноградов П. А. Физическая культура и спорт трудящихся. М. : Советский спорт, 2015.

2. Кобяков Ю. П. Физическая культура. Основы здорового образа жизни : учебное пособие. М. : Феникс, 2012.
3. Бирюков А. А., Кафаров К. А. Средства восстановления работоспособности спортсмена. М. : Физкультура и спорт, 2015. 152 с.
4. Васильев В. Н. Утомление и восстановление сил. М. : Знание, 2014. 65 с.
5. Дембо А. Г. Физкультура и спорт. М., 2015. 300 с.

УДК 378.172

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У СТУДЕНТОК С ИЗБЫТОЧНЫМ ВЕСОМ, ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ПРОГРАММЫ КОРРЕКЦИИ КООРДИНАЦИОННЫХ НАВЫКОВ

И. А. Кузнецов[1], С. А. Голованов[2]
[1] Государственный университет просвещения (г. Москва, Россия);
[2] Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк, Россия)

Настоящее исследование посвящено влиянию интегрированной программы коррекции на координационные навыки студенток-баскетболисток с избыточным весом, а также ее роли в укреплении духовно-нравственных качеств участниц. Изучена и обоснована комплексная программа коррекции координационных свойств девушек-студенток в возрасте 17-18 лет для профилактики гиподинамии и ожирения.

Ключевые слова: *первая степень ожирения и его коррекция, укрепление духовно-нравственных ценностей, девушки 17-18 лет, баскетбол, адаптогены, биологически активная добавка «Трицевит».*

This study focuses on the impact of an integrated correction program on the coordination skills of overweight basketball players, as well as its role in strengthening the spiritual and moral qualities of participants. A comprehensive program for the correction of coordination properties of female students aged 17-18 years has been studied and substantiated for the prevention of physical inactivity and obesity.

Keywords: *obesity and its correction, strengthening spiritual moral values, girls aged 17-18, physical activity, basketball, adaptogens, Tricovit dietary supplements.*

В традициях нашего народа физическое воспитание всегда было неразрывно связано с духовно-нравственным становлением личности. Забота о здоровье, развитие силы воли, дисциплины и взаимовыручки рассматривались как основа для формирования созидательного члена общества. В этой связи актуальность приобретает разработка интегрированных программ, сочетающих физическую коррекцию с воспитательным компонентом. Настоящее исследование посвящено влиянию интегрированной программы коррекции на координационные навыки баскетболисток с избыточным весом, а также ее роли в укреплении духовно-нравственных качеств студенток.

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, опубликованным в соответствующих бюллетенях, от 25 до 30 % взрослого населения и от 12 до 20 % детей в мире страдают от ожирения [3]. В 2024 году этот

показатель составлял около 11 %. Эксперты утверждают, что избыточный вес, включая случаи ожирения, наблюдается более чем у половины населения Российской Федерации и более 5 % детей и подростков страдают от различных степеней патологического ожирения [1]. Правительство РФ признает важность решения проблемы здоровья нации, рекомендуя вовлекать все слои населения в занятия оздоровительной физической культурой [2]. В педагогике особое внимание уделяется сохранению здоровья молодежи, включая студентов с различными отклонениями в состоянии здоровья и физическом развитии. Необходимо формировать потребность в сохранении здоровья студентов, активно применяя оздоровительные, педагогические и медицинские технологии. Тренировки по баскетболу могут быть эффективным средством профилактики гиподинамии и ожирения.

Методика и организация исследования

В основу методологии данной научной работы положены ключевые концепции, разработанные физиологами, академиками И. П. Павловым, И. М. Сеченовым, а также Н. Е. Введенским и А. А. Ухтомским.

Объектом исследования стали студентки в возрасте 17-18 лет, диагностированные ожирением первой степени, с индексом массы тела (ИМТ) в диапазоне от 30 до 34.

Исследуемая группа студенток была разделена на несколько подгрупп: контрольная, участницы которой занимались исключительно баскетболом, без приема биологически активных добавок (БАД); две основные, в которых получали БАД «Трицевит» [4, 5] в сочетании с тренировками. Первая основная группа, состоящая из 16 девушек, проходила два курса приема БАДа параллельно с тренировками в течение года. Суточная доза «Трицевита» составляла 300 мг. Первый курс начинался на второй день тренировок и продолжался три недели, второй – в той же дозировке стартовал на 16-й неделе тренировочных занятий. Вторая основная группа, включавшая 18 девушек, получала три курса приема на фоне тренировок в течение года. Первый и второй курсы были аналогичны первой основной группе, а третий – начинался на 27-й неделе тренировок. У некоторых участниц, помимо ожирения, наблюдались сопутствующие патологии, не являющиеся противопоказанием к тренировочному процессу. Продолжительность исследования для каждой группы составила один учебный год.

Основными методами исследования были педагогический эксперимент и математическая статистика. Проводился анализ и обобщение данных, полученных из научной и педагогической литературы. Оценка координационных способностей девушек проводилась с использованием тестов: «челночный бег», метания теннисного мяча, сидя ноги врозь, «маятник – бросок – цель», ловли теннисного мяча хватом сверху, отбивания мяча об пол с чередованием рук за 30 с, на согласованность и сочетаемость движений, циклические упражнения с перекрестной координацией, выполняемые со сменой плоскостей, последовательные упражнения со сменой плоскостей, разноритмичные упражнения во фронтальной плоскости. Использовались

общепринятые (стандартные) методы педагогического контроля. При развитии координационных способностей применялись преимущественно повторный, игровой, переменный методы, а также метод регламентированного упражнения. Тренировочные занятия проводились три раза в неделю, продолжительностью 90 мин. каждое. Основой для планирования тренировочного процесса послужили рекомендации Ю. Д. Железняка.

Результаты исследования и их обсуждение

Для начала приведем сведения из контрольных тестов, а именно, данные, полученные от группы девушек, не употреблявших БАД «Трицевит» во время тренировочного процесса. Результаты данной серии экспериментов представлены в таблице 1. Согласно полученной информации тренировки по баскетболу у контрольной группы девушек провоцируют положительные и статистически значимые изменения в развитии координационных навыков. Общий средний показатель изменений, выраженный в процентах (Δ (%)), служит дополнительным подтверждением данного вывода.

Таблица 1

Изменения в координационных навыках баскетболисток (контрольная подгруппа, *p < 0,05)

Показатель	1 тест	2 тест	3 тест	Δ (%)
Метание теннисного мяча правой рукой; сидя, ноги в рознь (м)	9,1±0,2	11,0±0,3*	11,4±0,3*	25,2
Метание теннисного мяча правой рукой; сидя, ноги в рознь (м)	6,2±0,1	7,2±0,3*	8,1±0,4*	30,6
Челночный бег 4 × 9 (с)	20,1±0,1	19,9±0,1	19,7±0,1*	2,0
«Маятник – бросок – цель» (баллы)	4,8±0,1	5,6±0,2*	6,1±0,4*	27,1
Ловля теннисного мяча хватом сверху (баллы)	2,7±0,2	3,3±0,2*	3,9±0,3*	44,4
Отбивание мяча об пол, с чередованием рук, за 30 с (кол-во)	15,7±0,4	17,0±0,5*	20,1±0,7*	28,0
Циклические упражнения с перекрестной координацией, выполняемые со сменой плоскостей (баллы)	2,5±0,1	3,5±0,2	4,0±0,3*	60,0
Последовательные упражнения со сменой плоскостей)	2,6±0,2	3,6±0,3*	4,0±0,3*	53,8
Разноритмичные упражнения во фронтальной плоскости (баллы)	2,1±0,2	3,3±0,2*	4,0±0,4*	90,4
Итоговый средний показатель изменений **Δ (%)**				38,6

Рассмотрим теперь модификации координационных возможностей у студенток, принимавших биологически активную добавку двукратно на фоне физических нагрузок (табл. 2).

Анализ данных, представленных в таблице 2, демонстрирует, что комплексное применение БАД «Трицевит» в рамках двух курсов на протяжении одного года обучения статистически значимо улучшает координационные способности девушек. Общий средний показатель изменений (Δ (%)) подтверждает вывод и служит дополнительным свидетельством эффективности предложенного подхода. Далее, в таблице 3 показаны результаты оценки координационных показателей у студенток, которые принимали «Трицевит» три

курса в течение учебного года (основная подгруппа 2). Полученные результаты свидетельствуют о том, что комплексное воздействие, включающее трехкратный прием биологически активной добавки в течение года, оказывает существенное позитивное воздействие на координационные параметры. Итоговый средний показатель изменений в процентах (Δ (%)) также подкрепляет данный вывод, демонстрируя эффективность трехразового курса приема.

Таблица 2

Изменения в координационных навыках баскетболисток (первая основная подгруппа, *p < 0,05)

Показатель	1 тест	2 тест	3 тест	Δ (%)
Метание теннисного мяча правой рукой; сидя, ноги в рознь (м)	9,1±0,2	11,0±0,3*	11,4±0,3*	25,2
Метание теннисного мяча правой рукой; сидя, ноги в рознь (м)	6,2±0,1	7,7±0,2	8,4±0,2*	35,5
Челночный бег 4 × 9 (с)	20,1±0,1	19,9±0,1	19,7±0,1*	2,0
«Маятник – бросок – цель» (баллы)	4,8±0,1	6,9±0,2	8,1±0,3*	68,7
Ловля теннис. мяча хватом сверху (баллы)	2,7±0,2	4,5±0,2	5,7±0,3*	111,1
Отбивание мяча об пол, с чередованием рук, за 30 с (кол-во)	15,7±0,4	19,9±0,6	23,9±0,9	52,2
Циклические упражнения с перекрестной координацией, выполняемые со сменой плоскостей (баллы)	2,5±0,1	3,8±0,2	4,3±0,2*	72,0
Последовательные упражнения со сменой плоскостей (баллы)	2,6±0,2	3,8±0,3	4,5±0,3*	73,0
Разноритмичные упражнения во фронтальной плоскости (баллы)	2,1±0,2	3,8±0,3	4,2±0,3*	100,0
Итоговый средний показатель изменений **Δ (%)**				59,6

Таблица 3

Изменения в координационных навыках баскетболисток (вторая основная подгруппа, *p < 0,05)

Показатель	1 тест	2 тест	3 тест	Δ (%)
Метание теннисного мяча правой рукой; сидя, ноги в рознь (м)	9,1±0,2	11,8±0,2	14,9±0,2*	63,7
Метание теннисного мяча правой рукой; сидя, ноги в рознь (м)	6,2±0,1	7,8±0,2	11,3±0,2*	82,2
Челночный бег 4 × 9 (с)	20,1±0,1	19,6±0,1	18,9±0,1*	6,0
«Маятник – бросок – цель» (баллы)	4,8±0,1	7,5±0,3	10,9±0,3*	68,7
Ловля теннис. мяча хватом сверху (баллы)	2,7±0,2	4,5±0,2	5,7±0,3*	117,0
Отбивание мяча об пол, с чередованием рук, за 30 с (кол-во)	15,7±0,4	21,9±0,3	27,1±0,5*	72,6
Циклические упражнения с перекрестной координацией, выполняемые со сменой плоскостей (баллы)	2,5±0,1	3,6±0,1	5,4±0,1*	116,0
Последовательные упражнения со сменой плоскостей (баллы)	2,6±0,2	3,7±0,2	5,1±0,3*	96,1
Разноритмичные упражнения во фронтальной плоскости (баллы)	2,1±0,2	4,3±0,1	5,5±0,2*	161,9
Итоговый средний показатель изменений **Δ (%)**				98,6

В заключение необходимо отметить, что, помимо статистически значимого улучшения координационных показателей, в ходе реализации программы отмечены позитивные изменения в социально-психологическом статусе участниц. Девушки стали более уверенными в себе, проявили готовность поддерживать друг друга на тренировках, выразили осознанное стремление к ведению здорового образа жизни. Это свидетельствует о том, что физическая коррекция, организованная в атмосфере взаимопомощи и наставничества, способствует не только улучшению физических показателей, но и укреплению духовно-нравственных ориентиров, укорененных в традициях нашего народа.

Список литературы

1. Дедов И. И., Мельниченко Г. А., Бутрова С. А. Ожирение у подростков в России. Физическое образование // Ожирение и метаболизм. 2006. № 4. С. 30–35.

2. Sallis J. F., McKenzie T. L. Physical education's role in public health // Research quarterly for exercise and sport. 2012. Vol. 83 (2). P. 125–135. DOI: 10.1080/02701367.1991.10608701.

3. WHO Bull., Geneva, Switzerland, 2024.

4. Биологически активные добавки «Си-ультра» // Си-ультра. URL: https://si-ultra-r.narod.ru/bad_ser.files/bad.htm.

5. Патент № 2775178 Российская Федерация, МПК A23L 33/10 (2016.01), A23L 33/15 (2016.01), A23L 33/155 (2016.01), A23L 33/16 (2016.01). Средство, улучшающее координацию опорно-двигательного аппарата человека при ожирении I степени : № 2021124735 : заявл. 20.08.2021 : опубл. 28.06.2022 / Лакейкина И. А., Бегметова М. Х., Бегметов О. Х., Кузнецов И. А., Мякинькова Л. Л., Жигачева И. В., Расулов М. М. ; заявитель Астраханский государственный технический университет. 7 с.

УДК 316.74

СПОРТ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)

Ф. М. Сутаева, Э. Э.-О. Мусаев, Ю. А. Щапов

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва, Россия)

Спорт в современном обществе играет значительную роль не только в становлении человека как личности, но и в поддержании здоровья. Информационное пространство наполнено обсуждением известных спортсменов, их жизни, последних прошедших спортивных соревнований. Зрительская аудитория наблюдает также за спортсменами-профессионалами с целью хорошо провести время или научиться чему-то новому у игроков. Даже далекие от спорта зрители любят периодически насладиться просмотром спортивных мероприятий, игр по телеканалам. На основе контент-анализа показаны наиболее востребованные виды спорта в различных странах (Россия, США, Китай).

Ключевые слова*: спорт, спортивные телеканалы, игры, соревнования, зритель, спортсмены, экранное время, матч.*

Sport in modern society plays a significant role not only in the development of a person as a person, but also in maintaining health. The information space is filled with discussions about famous athletes, their lives, and recent sports competitions. The audience also watches professional athletes in order to have a good time or learn something new from the players. Even viewers who are far from sports like to periodically enjoy watching sports events

and games on TV channels. Based on the content analysis, the most popular sports in various countries (Russia, USA, China).

Keywords: *sports, sports TV channels, games, competitions, spectator, athletes, screen time, match.*

Спорт – это важный аспект жизни каждого человека. Он объединяет людей разных национальностей, возрастов и социальных статусов, поднимает настроение и стимулирует к активной жизненной деятельности, развитию, дисциплине, стремлению к победе и самосовершенствованию [2, 6–8, 13].

Спортивные передачи на телевидении являются одним из наиболее популярных развлечений среди зрителей различных стран. Они не только предоставляют возможность следить за соревнованиями в прямом эфире, но также позволяют узнавать последние новости и аналитику о мировых событиях [3, 9–11]. Важность спорта и спортивных передач заключается в их способности мотивировать людей заниматься физической активностью [1], формировать единое спортивное мышление и поддерживать национальный интерес к спорту [4, 12].

В настоящее время существует большое количество различных видов спорта, у которых также есть своя аудитория. Важно рассмотреть, как самый популярный вид средства массовых информаций (т. е. телевидение) удовлетворяет потребности своей спортивной аудитории и какие особенности имеет данная тематика в таком формате.

Основным методом эмпирического исследования стал контент-анализ, позволяющий выявить закономерности функционирования информационного пространства и транслируемые СМИ смыслы [5]. Объектом исследования являются телевизионные спортивные матчи современной России, США и Китая. Эмпирической базой данного исследования стали записи чемпионатов по различным видам спорта в 2023 году. Анализ производился с помощью таких телевизионных каналов, как «Матч ТВ», “CCTV-5 体育频道”, “BT Sports” и других в количестве 300 передач (по 100 на каждую страну).

В мире спортивных телетрансляций сегодня наблюдается огромное разнообразие событий. Самым популярным видом трансляций, связанных с соревнованиями между спортсменами, является баскетбол (18,8 %). Далее следуют футбол (17,5 %) и смешанные боевые искусства (13,7 %). Отмечаются также трансляции по таким видам спорта, как настольный теннис (12,7 %) и хоккей (8,9 %), остальные – занимают менее 27 % от общего объема просмотренного материала. Телевизионная индустрия стремится удовлетворить разнообразные предпочтения зрителей и предоставить им обширный выбор спортивных событий.

Исходя из данных о сезоне просмотра спортивных телетрансляций, можно сказать, что весь год представляется множество разнообразных событий: в летний период – 25,5 %, в зимний – 16 %, круглогодичные – 59,5 %. Это свидетельствует о том, что в разные сезоны телевизионная индустрия стремится удовлетворить разнообразные интересы зрителей, и теперь не так

важна погода и температура на улице для создания условий, в которых может транслироваться матч для телезрителя.

Чаще всего (44,6 %) спортивные передачи занимают до 60 мин. экранного времени, более 60 мин. – 31,2 % и 24,2 % – с экранным временем до 30 мин. Таких передач, как правило, мало и они малоизвестные с небольшим количеством просмотров таких видов спорта, как пин-понг, бейсбол и т. п., исключая серьезные международные соревнования и игры.

Заинтересованность выясняется также через количество трансляций спортивной передачи в неделю. 24,8 % передач транслируется более семи раз в неделю, 37,8 % – от четырех до шести раз, 37,4 % – до трех раз. Если у передачи хорошие показатели по просмотрам, она чаще появляется на телеканалах.

Передачи до 500 тыс. просмотров составляют 29,2 %, от 500 до 1 млн – 40,6 %, более миллиона – 30,2 %. Иными словами, большая часть передач, независимо от вида спорта или страны, имеет востребованность у зрителей.

Уровень заинтересованности зрителя в передачах со знаменитыми ведущими/спикерами выше. По успешности подобранного ведущего можно судить о самой передаче в выбранной стране. Зачастую именно бывшие спортсмены становятся медийными личностями, комментаторами и журналистами. Исходя из полученных данных, 38 % передач ведут журналисты, 24,5 % – известные комментаторы, 21,3 % – медийные личности, 18,2 % – олимпийские чемпионы.

Большая часть (60,8 %) игр проходит на стадионах, 28 % – в студиях и 11,2 % – в фанатской зоне. Большинство передач снимается на больших стадионах и площадках, соответственно, данные виды спорта имеют большее количество просмотров.

На популярность передачи влияет уровень спортивных команд, участвующих в играх. Большинство команд национальные (43,3 %), затем следуют команды с международными игроками (32,5 %), на последнем месте матчи с областными игроками (24,2 %). Международных и национальных спортсменов знают гораздо больше людей, чем областных.

Смотреть матч интереснее, когда в нем участвуют известные игроки. В мире спорта также наблюдается, что количество легионеров зависит от уровня команды, например, в командах международного уровня больше, чем в национальной или же в местной. В 39,5 % передач в команде меньше трех легионеров, в 33,8 % – до пяти, в 26,7 % – семь и выше.

Количество просмотров в начале и конце передачи разное. В половине случаев количество зрителей одинаковое. 27,8 % людей не досматривают передачу до конца, так как к концу теряется интерес. 22 % не смотрят начало передачи, а подключаются лишь под конец, потому что во многих передачах самое интересное показывают в самом конце или же люди просто хотят узнать результат.

Спорт должен вдохновлять людей, заставлять вставать с диванов и следить за своим здоровьем. Это обязательная часть жизни, ведь, как говорится «в здоровом теле – здоровый дух». Наш контент-анализ показал, что у

многих видов спорта большое количество фанатов, даже, казалось бы, не такие известные и повсеместные виды имеют своих зрителей. У профессионалов, разумеется, совсем иное отношение к спорту, это не просто хобби: баскетбол – это не просто закинуть мяч в корзину, футбол – не просто попинать мяч ногами; каждый вид спорта уникален и имеет множество правил, систем, стратегий. Спортсмены занимаются каждый день без выходных, чтобы устроить всем шоу, чтобы люди могли провести время в хорошей компании за просмотром хорошей любимой игры. Ваше хобби – чья-то профессия. Поэтому мир спорта на телепередачах необходим.

На основе полученных данных исследования можно сделать вывод о том, что телевидение, как самое массовое и популярное в обществе СМИ, полностью удовлетворяет потребности спортивной целевой аудитории. На телевидении транслируется большое количество разнообразных видов спорта на регулярной основе, вне зависимости от сезона или дня недели. При этом вполне логично, что более популярные виды спорта, например, баскетбол или футбол, занимают большее количество экранного времени, так как интересуют большую часть аудитории. Важно отметить, что чем глобальнее соревнование и чем популярнее вид спорта, тем больше становится зрителей. Как следствие из этого, на масштабных трансляциях присутствует более качественная организация, которая также привлекает публику, например, выбор ведущего, место проведения соревнования и т. д. Телевидение в первую очередь нацелено на большую массовую аудиторию, однако и не забывает о более узкой, то есть старается удовлетворить потребности максимально большого количества зрителей.

Список литературы

1. Войтик Е. А. Концепции раскрытия темы «спорт как элемент здорового образа жизни» в современных российских СМИ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 4 (128). С. 169–175.

2. Завальнюк Е. В. Спорт как деятельность личности // Гилея : научный вестник. 2015. № 99. С. 268–271.

3. Исаков А. Е., Деговцев Н. С. Спорт в СМИ // Молодой ученый. 2022. № 33 (428). С. 64–65.

4. Казакова Е. О. Влияние государственной политики в области спорта и туризма в России на отечественное спортивное телевидение // Медиа. Информация. Коммуникация. 2014. № 8. С. 22–24.

5. Каргаполова Е. В., Арясова А. Ю., Дулина Н. В. Система ценностных ориентаций в информационном пространстве региона (по материалам контент-анализа СМИ) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (56). С. 12.

6. Каргаполова Е. В., Бажданова Ю. В., Кокоулина О. П., Давыдова Ю. А. Лидерский потенциал спортсменов индивидуальных видов спорта // Перспективы науки и образования. 2022. № 3 (57). С. 507–522.

7. Каргаполова Е. В., Каргаполов С. В., Дулина Н. В., Миронова Ю. Г. Футбол в социокультурном пространстве студенчества (на примере Юга России) // Теория и практика физической культуры. 2019. № 9. С. 47–49.

8. Каргаполова Е. В., Кошкин А. П., Дулина Н. В., Давыдова Ю. А. Футбол в структуре социального капитала современной молодежи: региональный аспект // Теория и практика физической культуры. 2020. № 6. С. 18–20.

9. Макарова П. В. Актуальные проблемы новостного спортивного телевещания // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 2. С. 292–300.

10. Малышева Е. Г. Метафорическая модель 'спорт – это война в журналистском спортивном дискурсе (на материале текстов современных печатных и электронных СМИ) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 14–19.

11. Парсаданова Т. Н. Телевидение и спорт // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 559–563.

12. Полонский А. В., Боева Я. К. Спорт, политика и СМИ в контексте современных геополитических процессов // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43, № 1. С. 15–24.

13. Пономарев И. Е., Стриева Л. Ю., Олонец С. Б. Массовый спорт и спорт высших достижений как современный социокультурный феномен // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 236–240.

14. Сиджимова Д. А., Димитров Т. Физическая активность и спорт как объект воспитательной функции СМИ // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2014. № 1. С. 24–28.

УДК 796

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЭТНОСПОРТА: КАК НАРОДНЫЕ ИГРЫ СОХРАНЯЮТ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАРОДА

В. А. Трусова, М. А. Антонова
Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет
(г. Астрахань, Россия)

Рассматриваются исторические корни народных игр, их социальные и психологические функции, а также современные механизмы, которые мы используем для интеграции традиционных состязаний в мировую спортивную повестку. Особое внимание уделяется этническому спорту как фактору формирования национальной идентичности и укрепления межэтнического диалога.

Ключевые слова: *этнический спорт, народные игры, национальная идентичность.*

The article examines the historical roots of folk games, their social and psychological functions, as well as the modern mechanisms for integrating traditional competitions into the global sports agenda. Special attention is paid to ethnic sports as a factor in shaping national identity and strengthening interethnic dialogue.

Keywords*: ethnic sports, folk games, national identity.*

Спорт в его современном понимании сформировался как система универсальных правил, направленных на достижение рекордных результатов. Однако за пределами этой системы существует огромный пласт физической культуры – народные игры, которые веками служили неотъемлемой частью жизни каждого этноса.

В XXI веке человечество столкнулось с парадоксальным вызовом: с одной стороны, мы можем видеть, как процессы глобализации стремятся

унифицировать культурные ландшафты, стирая границы между национальными традициями; с другой – наблюдаем мощный всплеск интереса к локальным корням и поиску самобытности. В этом контексте этнический спорт – актуальный социальный инструмент.

Термин «этноспорт», введенный в научный оборот и популяризированный исследователями, обозначает форму существования традиционных игр в условиях современности, где акцент смещается с «быстрее, выше, сильнее» на «самобытнее, традиционнее, роднее». В отличие от глобального спорта, этноспорт неразрывно связан с обрядами, праздниками, народным календарем и бытовым укладом.

Цель статьи – проанализировать роль возрождающихся народных игр в процессе сохранения национальной идентичности и выявить механизмы, благодаря которым древние состязания обретают новую жизнь в современном обществе.

Историко-культурные истоки народных игр

Народные игры никогда не были досугом в чистом виде. В древности они выполняли важнейшие утилитарные и сакральные функции:

1) военно-прикладную подготовку. Игры в борьбу, стрельбу из лука, скачки или метание снарядов готовили мужское население к защите общины. Например, казачьи состязания или игры горцев Кавказа были для них школой выживания;

2) обрядовую. Многие игры были привязаны к аграрному циклу (Масленица, Сабантуй, Наадым). Удача в состязании для участников символизировала победу жизни над смертью, весны над зимой, обеспечивала благосклонность богов и будущий урожай;

3) социализацию. Через игру подрастающее поколение усваивало нормы поведения, иерархию и ценности своего народа.

Именно этот глубинный фундамент делает этноспорт мощным якорем идентичности. В эпоху, когда все вокруг нас постоянно трансформируется и теряет свою прочность, возможность прикоснуться к играм наших предков, существовавшим полтысячелетия назад, дарит нам бесценное ощущение неразрывной связи времен.

Этноспорт как механизм формирования идентичности

Идентичность – это осознание своей принадлежности к определенной группе. В условиях мегаполисов, где традиционный быт часто утрачивается, этноспорт, как мы можем заметить, становится одной из самых доступных и ярких форм манифестации своей культуры.

Участие в национальных играх дает нам чувство сопричастности к великому прошлому. Это не просто соревнование, а акт репрезентации своего народа. Приведем несколько примеров:

1) русская лапта – командная игра с мячом и битой, требующая быстроты реакции и стратегического планирования. Александр Суворов отмечал, что лапта развивает в солдатах «глазомер и быстроту ног». Она воплощает идею взаимовыручки: игрок жертвует собой ради перебежки товарища;

2) городки – игра с высокой концентрацией и точностью, в которой необходимо выбивать битой фигуры из деревянных чурок. Для русской идентичности – символ народной смекалки и демократичности.

Народные игры используют национальную атрибутику – традиционную одежду, музыку, ритуалы открытия, что создает уникальную эстетическую среду. Для нас, как зрителей, данная среда визуально и аудиально закрепляет образ культуры.

Социальные функции возрождения традиционных игр

Возрождение этноспорта решает ряд социально значимых задач для нашего общества:

1) сохранение малых народов – для коренных малочисленных народов этноспорт является способом заявить о себе, защитить свое право на культурную автономию;

2) профилактика деструктивного поведения – привлечение молодежи дает им позитивные ориентиры, основанные на уважении к старшим и истории своего края;

3) развитие этнотуризма – фестивали привлекают тысячи туристов, что стимулирует экономику регионов и способствует популяризации культуры.

Этноспорт в системе образования

Образование – ключевой фактор социализации и формирования гражданской и этнической идентичности. Этноспорт интегрирован в учебные программы действенным инструментом этнопедагогики.

Когда преподаватели и учителя включают народные игры в школьную активность, они акцентируют внимание учащихся на таких аспектах, как:

1) взаимовыручка и общность – многие народные забавы строятся на слаженном командном взаимодействии, в котором успех группы важнее личного рекорда;

2) этика «честной игры» – в традиционных состязаниях часто отсутствуют формальные судьи в современном понимании, а соблюдение правил базируется на внутреннем кодексе чести и общественном одобрении, что способствует воспитанию морально-волевых качеств;

3) уважение к традициям – через игру учащиеся знакомятся с историей своего края, фольклором и бытом предков, что делает процесс обучения живым и эмоционально насыщенным.

Глобальный контекст

Процесс возрождения народных игр вышел на межгосударственный уровень. Ярким примером являются Всемирные игры кочевников. Этот проект демонстрирует нам, что классические спортивные дисциплины имеют возможности для создания впечатляющих зрелищ, широкого медийного освещения и привлечения поклонников по всему миру.

Этноспорт же дает нам понять, что каждая культура обладает самобытными формами физического совершенства, не уступающими по значимости.

Например, в России активно развиваются такие проекты, как «Русские игры», Сабантуи, соревнования по северному многоборью.

В заключение отметим, возрождение этноспорта – это не попытка вернуться в прошлое, а способ построить устойчивое будущее. Народные игры выступают в роли «живого музея», где экспонаты – это движения, эмоции и ценности. В контексте глобальной цифровизации и тенденции к обезличиванию этноспорт выполняет функцию восстановления связи человека с его территориальным и родовым наследием.

Эффективность сохранения идентичности посредством народных игр обусловлена их способностью вызывать эмоциональный отклик у человека, в отличие от методов, основанных на механическом усвоении исторических данных. Мы должны понимать, что победа в национальной игре – это успех всего народа в лице одного атлета. Поддержка этноспорта должна стать приоритетной задачей государственной культурной и спортивной политики как залог гармоничного сосуществования различных этносов в глобальном мире.

Список литературы

1. Кыласов А. В. Этноспорт. Конец эпохи вырождения. М. : Советский спорт, 2013. 144 с.
2. Байжанов С. К. Всемирные игры кочевников: стратегия сохранения наследия // Вестник культуры и искусств. 2019. № 2.
3. Гуревич П. С. Культурология: Учебник. М. : Гардарики, 2010.
4. Столяров В. И. Социология физической культуры и спорта. М. : Наука, 2005.
5. Материалы ЮНЕСКО: Хартия традиционных игр и видов спорта (International Charter of Traditional Games and Sports).
6. Леонтьев А. Н. Психология игры. М. : Знание, 2001.
7. Атмановские кулачки: Этнокультурный фестиваль и его роль в сохранении традиций : сборник научных трудов / под ред. В. Г. Безклубого. Тамбов, 2021.
8. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. (Разделы о сакральном характере состязаний). М. : Ладомир, 1999.